

84.2 (2Рос = Коми)
К 63

КОМИ ЙӖЗКОСТСА ВАЖ ВИСЬТЪЯС

КОМИ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Коми небӧг лэдзанін 2006

КОМИ ЙӖЗКОСТСА
ВАЖ ВИСЬТЪЯС

КОМИ ЛЕГЕНДЫ
И ПРЕДАНИЯ

84.2 (2Рос = Коми)
К 63

КОМИ
ЙӖЗКОСТСА
ВАЖ
ВИСЬТЪЯС

КОМИ
ЛЕГЕНДЫ
И
ПРЕДАНИЯ

391942

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ КОМИ
им. С.Я. МАРШАКА
167981, г. Сыктывкар, Советская, 20

СЫКТЫВКАР
КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2006

ББК 82.3(2Рос=Ком)
К63

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Введение, составление, комментарии и перевод Ю.Г.Рочева

Рецензент — доктор филологических наук, профессор А.К.Микушев

К63 **Коми йӧзкостса важ висътъяс — Коми легенды и предания.** / Составитель Ю.Г.Рочев.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2006.— 240 с.

ISBN 5-7555-0862-3

Сборник «Коми легенды и предания» был подготовлен к печати известным фольклористом, кандидатом филологических наук Ю.Г.Рочевым. Он стал результатом поиска новых, оригинальных текстов коми народной прозы и впервые был издан в 1984 году. В сборнике были представлены основные сюжеты коми-зырянских легенд и преданий, не публиковавшиеся ранее и не известные массовому читателю. Большинство фольклорных текстов Ю.Г.Рочев записал в многочисленных фольклорно-этнографических экспедициях, также вошли тексты из фондов архива Коми научного центра УрО РАН и некоторые зарубежные публикации.

Данная книга — переиздание сборника «Коми легенды и предания», составленного Ю.Г.Рочевым. Народные произведения даются на языке оригинала со смысловым переводом на русский и сопровождаются обширными комментариями.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 82.3(2Рос=Ком)

- © Рочев Ю.Г., составление, перевод, введение, комментарии, 2006
- © Кудряшова В.М., предисловие, 2006
- © Осипов В.Б., оформление, 2006
- © Коми книжное издательство, 2006

ISBN 5-7555-0862-3

ВЕНЬО ЯРКӦ ЮРӦ ИЗ ЗАУРАЛЬЯ

Ю.Г.Рочев (Веньо Яркӧ Юрӧ) пришёл в фольклористику в начале 60-х годов прошлого века. Этот шаг предпринят им был неслучайно. Ещё с детства его больше всего привлекала филология. Став учёным, он проявил себя не только прекрасным полевиком, собирателем фольклора, но и серьёзным аналитиком. Любовь к фольклористической науке, к филологии позволила ему написать ряд интереснейших работ, в том числе монографий и сборников.

7 марта 2006 года видному коми ученому-фольклористу Юрию Герасимовичу Рочеву исполнилось бы 70 лет. Однако ему не суждено было дожить до юбилея. Он скончался 29 октября 1995 года. Ю.Г.Рочев ушел из жизни полный творческих замыслов, оставив незавершенными начатые им очень важные для коми науки работы. Он прошел сложный путь от простого сельского паренька до крупнейшего специалиста и стал представителем славной плеяды первого поколения коми ученых-фольклористов, внесших неоценимый вклад в науку.

Ю.Г.Рочев родился в 1936 г. в с. Мужы Шурышкарского района Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа в семье коми-ижемцев. Отец его, Герасим Венедиктович, участник I мировой войны, был фельдшером, пользовался большим авторитетом и уважением сельчан. Большую часть времени он проводил среди оленеводов в тундре. Мать Мария Пантелеймоновна, которая была моложе мужа на 18 лет, постоянно помогала ему, сопровождала его в поездках. Воспитанием их четверых сыновей занималась бабушка Васса Федоровна Конева — замечательная женщина, великолепная сказительница, сумевшая привить внуку Юре большую любовь к народной культуре, народно-поэтической традиции. Едва научившись читать, он, семилетним, записывается в Мужевскую сельскую библиотеку и за год перечитывает в ней все книги. В школе посещает секцию гимнастики, летом учится плавать. Со временем становится отличным пловцом, легко переплывает могучую реку Обь.

Живя в большой семье, Юра находился в самых близких, дружеских отношениях с братом Владиславом, который был младше его на

два года и очень похож на него внешне. У них на всю жизнь сохранились самые теплые взаимоотношения, и Юра очень гордился этим, подчеркивал, что Владислав ему не только брат, но и самый лучший друг. Рано уехав из дома, Юрий всю жизнь затем тянулся туда обратно, стараясь восполнить свои знания об окружавших его с детства людях. Коми-ижемцы жили в тесном соседстве с хантами, манси, ненцами. Юра не знал хантыйского языка, но стремился овладеть им. Этот язык отлично знала его мать, она часто рассказывала о жизни в тундре среди кочевников, а впоследствии постоянно помогала сыну в переводах, в толковании разных фольклорно-этнографических понятий. Много сведений о хантах Ю.Рочев получил от брата Владислава, с которым постоянно переписывался и консультировался.

Закончив десятилетку, Юра уезжает в Свердловск и устраивается работать на завод железобетонных изделий, откуда его забирают в армию. Год служит в Калининграде, два — в Грузии, в городе Ахалкалаки рядовым в бронетанковых войсках. В армии Юра из светловолосого мальчика с ясными глазами превратился в красавца парня атлетического телосложения.

Из армии Юра возвращается в звании ефрейтора, специалиста, мастера-регулировщика тяжелых и средних танков и САУ. Ему хотелось учиться, поэтому после демобилизации он приезжает в Сыктывкар и поступает на историко-филологический факультет Коми пединститута. Экзамен по литературе сдает на «5», так как ему достается вопрос по комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума», которую он знал наизусть. Успешно сдав экзамены, становится студентом. Юра был веселым, доброжелательным, жизнерадостным, честным, принципиальным, очень трудолюбивым, щедро одаренным природой человеком. Ещё будучи студентом, Ю.Рочев женился, и материальные тяготы заставили его перейти на заочную форму обучения. В январе 1962 г. он поступил на работу в отдел языка и литературы Коми филиала АН СССР на должность младшего лаборанта. Свой выбор сделал без колебаний и проработал на одном месте до конца своих дней, 33 года.

В 1964 г. после завершения учебы в пединституте Ю.Г.Рочева перевели на должность младшего научного сотрудника. Безотказный, работоспособный, пылкий, доброжелательный, он сразу же сумел показать себя как способного исследователя с вполне самостоятельными научными интересами в изучении коми фольклора. До поступления в аспирантуру Ю.Г.Рочев участвовал в трех фольклорных экспедициях, собрав материал большой научной ценности.

Придя в коллектив молодых серьезных и ответственных исследователей, где уже трудились ставшие впоследствии выдающимися учёными филологи А.К.Микушев, Е.С.Гуляев, А.А.Вежев, Ф.В.Плесовский и другие, Ю.Г.Рочев ощутил ту творческую атмосферу, к которой стре-

мился всей душой. Он очень многому от них научился, и сам, отдавая всё своё время, силу и энергию со свойственным ему природным чувством ответственности, начал скрупулезное исследование коми фольклора. А.К.Микушев, который тогда ещё был молодым, но уже опытным фольклористом, очень интересовался талантливой молодежью.

Ю.Г.Рочев вошел в историю коми фольклористики, прежде всего, как исследователь детского фольклора коми. В 1966 году он поступает в аспирантуру Коми филиала АН СССР. Научное руководство над аспирантом берёт на себя А.К.Микушев.

Темой аспирантского исследования Ю.Г.Рочева становится детский фольклор коми, который к тому времени был не только не исследован, но и не собран. Даже велись серьезные споры о том, успеет ли и сможет ли он собрать материал для кандидатской диссертации. Известную трудность в работе представляла не только жанровая классификация данного материала. Молодой ученый успешно справляется со сбором произведений детского фольклора и предлагает выделить новые жанры, такие как «будильные песни», «песни-сказки», по-новому рассматривает «пестушки» в отличие от «потешек» и т.д. Трудностей в разграничении, выделении, обосновании детского фольклора, а также других его характеристик было много. В диссертации рассматривается 20 жанровых разновидностей детского фольклора коми. Работа выходит за пределы обычной кандидатской диссертации. Одновременно он занимается подготовкой своего первого сборника «Детские песни и сказки коми», который выходит в Коми книжном издательстве в 1969 году. Рассчитанное на широкий круг читателей издание ставило своей целью максимально полно показать детский фольклор, известный как старшему, так и младшему поколению сельских жителей. Тексты в сборнике были приведены в соответствии с нормами коми литературного языка, систематизированы по жанрам. В начале каждого раздела дана краткая характеристика произведениям. Этот материал был также представлен отдельным разделом во втором томе трехтомного свода «Коми йӧзкостса сьыланкывъяс» (Коми народные песни, 1968).

Изучая теоретические работы по детскому фольклору, Ю.Г.Рочев неизбежно столкнулся с необходимостью определения термина «детский фольклор». По причине разных взглядов и подходов к генезису детских произведений в научной литературе существовало (да и сейчас существует) неоднозначное толкование его границ.

Анализируя материал, он учитывал в первую очередь возрастной принцип, а затем — игровой, т. е. ориентировался на отношение исполнителя того или иного текста к детской игре. Ю.Г.Рочев выделил в жизни детей три периода: «колыбельный возраст» (до 2—3 лет), «период неуёмного любопытства» (от 2—3 лет до 5—6 лет) и «период самоутверждения» (от 5—6 лет до подросткового возраста). В соответствии с

этим, произведения детского фольклора коми он сгруппировал по трём разделам, указав, что: «относительно детского фольклора первый период — это период господства материнской поэзии, когда старшие исполняют для детей колыбельные песни. Второй период — это период, когда преобладающее значение в жизни детей имеет внеигровой детский фольклор, когда произведения народного творчества помогают детям усвоить необходимые понятия, взаимосвязь слов. И, наконец, третий период — это время, когда ребёнок частично уже освобождается из-под опеки взрослых, когда его неудержимо влечёт в детский (игровой) коллектив, состоящий из детей одинакового с ним возраста, когда полученный им поэтический багаж реализуется в самостоятельных детских играх».

Таким образом, группируя тексты в соответствии с возрастной спецификой, учёный дал такую классификацию произведений детского фольклора коми: I. Колыбельная поэзия (колыбельные песни и колыбельные импровизации); II. Внеигровой фольклор: 1. Поэзия пестования (потешки, пестушки, будильные попевки); 2. Детские песенки (заклички, приговорки, звукоподражательные попевки; три разновидности прибауток); 3. Детские сказки (сказки, их песенные формы, песни-сказки); III. Игровой фольклор (игровые приговорки и припевки, считалки, дразнилки, поддевки, скороговорки). Из рассмотренных двадцати жанровых разновидностей, по его мнению, «лишь одиннадцать можно считать самостоятельными жанрами». Подобный подход к текстам он объяснил тем, что «не только бытовое употребление, но и художественно-поэтические особенности некоторых из них, будучи различными по происхождению, сливаются, контаминируются в современном бытовании в детской среде».

В своей работе Ю.Г.Рочев использовал более чем 1100 поэтических текстов, большинство из которых впервые ввёл в научный оборот. Однако не все жанры были представлены равномерно: если прибаутки составляли 300 текстов, песни-сказки — 260, то дразнилки и скороговорки только по 15. Работа Ю.Г.Рочева являлась первой попыткой классификации разрозненного материала по детскому фольклору коми, выявления функциональных и тематических особенностей произведений.

Всего по детскому фольклору коми Ю.Г.Рочев опубликовал при жизни чуть больше десяти работ, и ещё несколько вышло после его смерти. Самыми значительными являются статьи «Детские «будильные» попевки» и «Песни-сказки», в которых была дана не только исчерпывающая характеристика проанализированного материала, но и предложено выделение новых специфичных для коми фольклора жанров и введение в научный оборот терминологии для их обозначения (Рочев 1972; Рочев 1976). Ю.Г. Рочев многое сделал и для нормированного использования названий на коми языке, почерпнутых из фольклорной среды. Уже в первом сборнике он предложил терминологию, которой активно пользуются ныне: «чуксаян сьыланкыв» (будильная попевка), «лыддъысян-

кыв» (считалка), «потандорса съыланкыв» (колыбельная песня), «лелькуйтчанкыв» (потешка), «съылёмён мойд» (песня-сказка), «нимтысянкыв» (дразнилка), «кывбертлас» (скороговорка), «шыёдчанкывъяс» (заклички и приговорки к животным и птицам) и т.д.

В 1974 г. он успешно защищает в Мордовском госуниверситете им. Н.П.Огарева в г. Саранске диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Детский фольклор коми».

Огромное трудолюбие, целеустремленность, широкую эрудицию сумел показать Ю.Г.Рочев, участвуя в создании одной из крупнейших работ коллектива коми фольклористов — трехтомного свода коми народных песен. Наряду с основными исполнителями и авторами сборника д.ф.н. А.К.Микушевым и к.и.н., композитором П.И.Чисталевым, работа которых была удостоена Государственной премии Коми АССР им. В.Савина, высоко был оценен труд и одного из соавторов третьего тома свода «Песни Удоры и Выми» Ю.Г.Рочева. Он выполнил очень трудоемкую и ответственную работу по подстрочному переводу текстов с коми языка на русский.

Не все произведения коми песенного фольклора, собранные для третьего тома, как и для двух предыдущих, имели полные содержательные варианты. Из множества текстов приходилось выбирать наиболее характерные для коми песенной традиции, уточнять и дополнять непонятные места. А кроме Ю.Г.Рочева не было больше специалиста по ижемской фольклорной культуре. Однако и он, рано оторвавшись от своих корней, тоже не всё мог объяснить в мельчайших деталях. Природный ум, фольклорно-этнографические знания, полученные с детства, заставляли его сомневаться в правильности интерпретации некоторых строчек в текстах, всё приходилось уточнять. За помощью он обращался к своим родным в с. Мужы. Его брат подробно разъяснял малопонятные фразы и выражения, описывал этнографические детали в таких песнях, как, например, «Бöжа ку парка» (Горностаевый совин) и «Бдждь Марко» (Большой Марко). Ю.Г.Рочев любил исполнять эти песни в качестве демонстративного материала во время лекций или отдыха в кругу друзей, и получалось у него неплохо. Его с удовольствием слушали, и каждый раз просили исполнить ещё раз.

Юрий Герасимович знал множество романсов, некоторые запомнил от квартировавшей у них в Мужах женщины. С большим удовольствием пел коми народные песни, переводил русские народные песни на коми. Юрий Герасимович был участником академического хора при Коми филиале АН СССР. Именно благодаря кропотливой работе над сложными переводами с коми языка на русский песенных текстов, его умению творчески подходить к делу удалось издать сборник песен Ижмы и Печоры, получивший хороший отзыв специалистов.

Закончив работу над сводом коми народных песен, фольклористы совместно с литературоведами приступили к подготовке трехтомного исследования «История коми литературы». Ю.Г.Рочев участвовал в написании глав и разделов по фольклору («История собрания и издания коми фольклора», «Лирические песни», «Детский фольклор», «Фольклор советского периода»). Также он выявил особенности становления и развития коми литературы для детей, начиная с И.А.Куратова, проанализировал коми литературу 1920–1970-х годов, творчество детского писателя В.А.Ширяева и других. Тем самым не только внёс крупный вклад в изучение детского фольклора, первым систематизировав и классифицировав его по жанрам, но и стал первым квалифицированным исследователем, специалистом по коми литературе для детей.

В дальнейшем, разрабатывая совместные с литературоведами плановые темы, Ю.Г.Рочев продолжил изучение коми литературы. Он участвовал в составлении библиографического словаря «Писатели Коми АССР — детям» (Рочев 1983), раскрыл псевдонимы коми писателей (Рочев 1989). Учёный активно включился в разработку куратороведческих проблем. Его заинтересовали не только литературоведческие вопросы, но и взаимосвязи фольклора и литературы в творчестве основоположника коми литературы И.А.Куратова, чему посвящены две его статьи (Рочев 1979; Рочев 1990).

Его также привлекали проблемы фольклоризма в творчестве К.Ф.Жакова (Рочев 1993; Рочев, Плосков 1996). Ю.Г.Рочев высоко отозвался о поэме К.Ф.Жакова «Биармия»; считая её вершиной творческого освоения фольклора Жаковым: «Это итоговое произведение — синтез его раздумий о фольклоре. В нём в концентрированном виде нашли отражение как фольклорные сюжеты и мотивы, причём не только коми, но и многих других народов, так и мифология, верования, обычаи и обряды. Бросается в глаза то, что ориентиром в сложении эпоса служила автору знаменитая «Калевала» Лённрота, даже размер стиха совпадает. По признанию автора (оно вложено в уста Коми морта), эпическая песнь создана как одно целое ...» (Рочев, Плосков 1996: 150–163).

В первой половине 1980-х годов в планах научных исследований фольклористов сектора литературы и фольклора КФАН значилась слабоизученная тема «несказочная проза».

Ю.Г.Рочев классифицирует в соответствии с современными требованиями жанры несказочной прозы коми: предания, легенды, былины, бывальщины, связанные с традиционными фольклорными темами и готовит к изданию научный сборник с подробными комментариями, который был бы доступен коми и русскому читателю, под названием «Коми легенды и предания». Сборник выходит в свет в Коми книжном издательстве в 1984 г. В него вошли 172 основных текста, большое количество вариантов попало в комментарии. Основной материал собран самим составите-

лем в 1962—1978 гг. и впервые введен в научный оборот. Подобного рода издания не было еще в коми фольклористике, поэтому сборник почти тут же стал библиографической редкостью.

Итоговая рукопись Ю.Г.Рочева «Жанры несказочной прозы» (1985), которая хранится в Научном архиве Коми НЦ, явилась первым обобщающим исследованием, охватившим большой фактический материал по данной теме. Учитывая национальную специфику устной прозы коми, учёный выделил 3 жанра — легенды, предания и бывальщины, однако последний жанр не был рассмотрен «ввиду слабой пока ещё теоретической мотивировки её отличительных признаков». Все тексты преданий он разделил на 7 жанровых разновидностей (семейные или родовые; о местных героях, о знаменитых в округе личностях: локальные предания; предания об исторических личностях; предания о чуди: топонимические; предания с заимствованными сюжетами), и легенды (христианские, былички, мифы). Впрочем, позднее он скорректировал свои научные взгляды на систематизацию преданий, и выделил только 5 групп (Рочев 1999).

В рамках изучения несказочной прозы Ю.Г.Рочев особое внимание уделил изучению коми преданий о чуди. Выделив три группы текстов о чуди, исследователь показал специфичные для коми традиции сюжеты (Рочев 1985). Будучи в Прилузском районе, Ю.Г.Рочев искренне удивлялся развитости и сохранности жанра былички среди южных коми. Позже он сопоставил былички летских коми с аналогичными произведениями других районов, отметив в репертуаре русско-коми пограничья наличие христианско-легендарных и старообрядческих мотивов.

Интересуясь преданиями о чуди, Ю.Г.Рочев пишет тезисы, а затем публикует препринт «Национальная специфика коми преданий о чуди», на основе которого делает основательный доклад на VI Международном конгрессе финно-угроведов. Одновременно с препринтом готовит к печати рукопись монографии «Жанр несказочной прозы коми».

Научные интересы у Ю.Г.Рочева постоянно углублялись в сфере несказочной прозы в плане классификации жанров, их сюжетного состава и поэтики, ареального распространения сюжетов на территории проживания коми народа и т.д. Увлекает его и судьба коми сказки на современном этапе, коми народные причитания, песенная лирика в плане соотношения в ней импровизационных и устойчивых традиционных элементов, он продолжает работать и над изучением детского фольклора. Все эти и многие другие темы учёный реализует в виде издания многочисленных статей в отдельных выпусках «Трудов ИЯЛИ», являясь ответственным секретарем, редактором и соавтором некоторых статей. Это «Этнография и фольклор коми» (1972 г.), «Межнациональные связи коми фольклора и литературы» (1979 г.), «Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре» (1982 г.), «Идейно-эстети-

ческое взаимодействие коми фольклора с культурой народов СССР» (1985 г.), «Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе» (1988 г.), «Общее и особенное в жанрах коми фольклора и литературы» (1991 г.), «Жанр сказки в фольклоре народа коми» (1992 г.) и т.д. Ряд статей был опубликован в Венгрии, Финляндии, Австрии. Изданы сборники: «Коми челядьлön важся ворсöмъяс» (Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988 г.), «Коми мойдыяс» (Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991 г.) и др. Совместно с проф. В.И.Лыткиным Ю.Г.Рочев отредактировал подготовленное Е.С.Гуляевым собрание художественных произведений И.А.Куратова, которое на новых текстологических принципах под названием «Коми гор» было переработано и издано (1989 г.) к 150-летию со дня рождения поэта. О его редакторской работе нужно говорить особо, так как в его научной деятельности она занимала наиважнейшее место.

Пользуясь авторитетом среди коллег, Ю.Г.Рочев выступал рецензентом на работы фольклористов, литературоведов, этнографов, преподавателей пединститута и университета, а также коллег из Кудымкара, Саранска, Йошкар-Олы, Петрозаводска и т.д. Его рецензии содержали не только оценочно-информационные сведения, но и важные научно-теоретические рекомендации.

Ю.Г.Рочев был активным участником многих всесоюзных и региональных конференций и совещаний, международных форумов по фольклору финно-угорских народов, на которых выступал с интересными докладами о результатах своих научных исследований, а также сам занимался подготовкой и организацией научно-практических конференций. Он принимал участие в организации и проведении Куратовских, Савинских, Лыткинских, Чисталевских чтений, редактировании и издании их материалов.

Ученый являлся также активным популяризатором и пропагандистом народного творчества. Написал многочисленные статьи научно-популярного характера в республиканские газеты «Красное знамя», «Югыд туй» (позже — «Коми му»), журнал «Войвыв кодзув» и другие периодические и непериодические издания. Выступал с лекциями перед городской и сельской аудиторией, по радио и телевидению. Научную работу он сочетал с преподавательской деятельностью, читая курсы лекций по коми фольклору и детской литературе в Сыктывкарском государственном университете и Коми пединституте. Вместе со студентами выезжал в экспедиции для сбора фольклорного материала. Своим энтузиазмом, глубокой привязанностью к любимому делу, творческим горением будил исследовательскую мысль студентов, вовлекал их в разработку конкретных научных тем, руководил их дипломными работами. Его неуспокоенность достигнутым, стремление к расширению научных интересов являлись вдохновляющим примером для аспирантов и молодых научных сотрудников.

Особо следует остановиться ещё на одном моменте его творческой деятельности. Большой опыт полевой работы, огромный накопленный фольклорный материал, серьёзная научная подготовка, прекрасное знание быта и культуры не только коми, но и малых народов Севера — всё это давало Ю.Г.Рочеву возможность ставить и решать крупные проблемы, реализовать свои знания в написании докторской диссертации. Его интересовали генетические, типологические истоки, а также исторические контексты, импровизационные взаимодействия фольклорных традиций коми, коми-ижемцев и северных народов — ненцев, хантов, манси. Он видел перспективность изучения данной темы на основе взаимовлияния и взаимодействия культур этих народов, опираясь на данные археологии, лингвистики, этнографии, истории и фольклора. Однако работа продвигалась трудно как по объективным, так и субъективным причинам. Заедала текучка, не хватало времени, всё хуже становилось со здоровьем. Были и другие причины. Стать доктором наук ему не было суждено, хотя он вполне мог быть им.

Не давало покоя Ю.Г.Рочеву и то, что в архивах, музеях г. Сыктывкара, Санкт-Петербурга, Коми научного центра накоплено огромное количество фольклорных произведений, в частности сказок, доступных ограниченному числу исследователей. Он считал, что ввод этого материала в научный сборник всё более становится насущной задачей коми фольклористической науки. Он мечтал создать фундаментальное академическое издание свода коми фольклора, начав с публикации серии томов сказок, которая должна была стать крупнейшим вкладом коми ученых в финно-угорскую фольклористику. Однако сделать ему это не удалось. При его жизни было собрано 17 томов сказок, которые в настоящее время хранятся в научном архиве КНЦ УрО РАН.

Из огромного разнообразия коми сказочного репертуара Ю.Г.Рочева привлекла сказка «Шомвуква», сюжет которой известен многим северным народам, сохранившим и песенную, и прозаическую формы исполнения. По мнению исследователя, сопоставительное изучение коми сказки «Шомвуква» и восточно-угорских фольклорных произведений говорит об их генетическом родстве, и что она восходит к старинным героическим или богатырским сказкам, о чём свидетельствует и анализ системы образов (Рочев 1992: 26–27; Рочев 2002: 51–60). Он обозначил наличие общих черт в различных сказках коми и обско-угорских народов (Рочев 1981: 149), выявил генезис и эволюцию сказочных сюжетов и образов коми (зырян), коми-пермяков и удмуртов (Рочев 2002: 51–60). Особо подчеркивал он и тесное взаимодействие северно-русской и коми фольклорных традиций, показал примеры одновременных заимствований в сказочном репертуаре коми (Рочев 1996: 46; Рочев 2002: 56–57). Выделив в коми сказочной традиции те же три разно-

видности, что и у большинства народов мира (сказки о животных, волшебные-фантастические и бытовые), Ю.Г.Рочев отмечал, что «национальная сказочная специфика проявляется на уровне сюжета и в преобладании излюбленных персонажей...» (Рочев 1991 б: 45). Значительным вкладом учёного в исследование коми сказок стал сборник «Коми мойдъяс» (Коми сказки, 1991), состоящий из 51 литературно обработанных текстов и примечаний к ним.

В начале 1990-х годов Ю.Г.Рочев принимал активное участие в подготовке к переизданию трёхтомного свода «Коми народные песни» (1993, 1994, 1995), вносил дополнения и уточнения. В тот же период учёный вместе с коллегами активно подключился к написанию раздела по коми фольклору для энциклопедии «Республика Коми» (1997, 1999, 2000), в трёх томах которого было представлено более 40 его статей о фольклорных жанрах, персонажах, сборниках текстов, сказителях, и т.д.

Увлечшись какой-либо проблемой, Ю.Г.Рочев не щадил своего здоровья, работал почти без отдыха, стремился сделать как можно больше. С энтузиазмом занимался он научно-организаторской и общественной работой. Был членом Ученого Совета ИЯЛИ, некоторое время руководил сектором фольклора и народного творчества. За свой честный и добросовестный труд, за заслуги перед коми филологической наукой он был награжден Почетной грамотой Коми обкома ВЛКСМ (1970), Почетной грамотой Министерства культуры Коми АССР (1974), медалью «Ветеран труда» (1986), Почетной грамотой Совета Министров Коми АССР (1990), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Коми (1994).

Особое внимание следует обратить на оставшиеся после смерти ученого полевые дневники, куда он вносил свои наблюдения, собирая материал не только в Республике Коми, но и за её пределами. Неоднократно он бывал у своих земляков коми-ижемцев в Тюменской области, рыбаков, оленеводов, охотников, ненцев, хантов, манси, а также на побережье Ямала, в Канинской тундре, на Кольском полуострове, в Сибири и т.д. Опросил не один десяток информаторов самого различного возраста и занятий. Собранные Ю.Г.Рочевым материалы имеют большую научную ценность, т.к. не только записаны грамотно, с полной паспортизацией, но и сопровождаются подробным научным комментарием. Записи ценны ещё и тем, что являются важным звеном в изучении исторических взаимосвязей коми-ижемских переселенцев, сохраняющих духовные традиции своих предков с угро-самодийцами. Тесные, многочисленные научные контакты связывали Ю.Г.Рочева с Мужевским краеведческим музеем, фонды которого он пополнял своими трудами. Там, несомненно, сохраняют благодарную память о своём замечательном земляке, крупнейшем учёном-фольклористе, страстном любителе своего края и народа.

В памяти своих коллег и знакомых он остался как крупнейший учёный, собиратель коми фольклора, неутомимый труженик, всецело преданный науке, не перестававший работать до последних своих дней, добросовестно выполнявший свои обязанности, строгий и принципиальный в работе, отзывчивый, стремящийся всегда чем-либо помочь другому, обаятельный человек и хороший друг.

В.М.Кудряшова

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий сборник вошли произведения несказочной прозы коми-зырян — предания, мифы, былички и охотничьи рассказы, в которых отразились народные верования. Сборнику дано обобщенное название, так как несказочная проза зырян в жанровом отношении слабо дифференцируется: в предания органично входят мотивы быличек, рассказы-были сплошь и рядом насыщены легендарным вымыслом, мифы большей частью утратили свой этиологический колорит и т.п.

Какой смысл вкладывается в понятие «легенда»? По существующему мнению, вполне правомочно применять этот термин в широком и узком смысле. В узком значении к легендам чаще всего относят сюжеты христианской тематики — христианские легенды, в широком — произведения, в основе которых лежит нечто фантастическое, чудесное, хотя оно и подается рассказчиком как случай или событие, имевшее место в действительности. Если заглавие книги отражает значение термина в широком смысле, то при определении жанровой принадлежности соответствующие тексты по возможности рассматривались более дифференцированно.

Необходимость подобной работы диктуется несколькими причинами: прежде всего, вопросам изучения несказочной прозы учеными разных стран уделяется огромное внимание, и интерес к ней все более возрастает, жанры несказочной прозы и их особенности, несмотря на их «местную приуроченность» и национальную специфичность, «интернациональны по своему характеру»¹ и потому, чем обширнее охват материала по регионам, тем глубже и обоснованнее будут результаты исследования этого вида устной прозы. Между тем научные публикации произведений несказочной прозы коми-зырян единичны, а сборника или какого-нибудь другого более или менее совокупного издания до сих пор еще нет, что, несомненно, сказывается отрицательным образом как на осмыслении национальных особенностей коми фольклора, так и на возможности привлечения коми материала вообще в исследованиях фольклористов и этнографов.

¹ Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 27.

Предлагаемый сборник составлен на основе записей коми фольклора, собранных в различных фольклорно-этнографических экспедициях начиная с 1964 года, использованы также полевые материалы экспедиций разных лет сотрудников Коми филиала АН СССР¹, хранящиеся в архиве КФАН, а также в фонотеке Института языка, литературы и истории. Помимо этого нами использованы некоторые публикации Ю. Вихмана (запись 1901 года), Д. Фокоша-Фукса (1916 год), Ф. Чукичева (с. Деревянск, 1926 год), а также отдельные тексты из фондов Коми республиканского краеведческого музея. К сожалению, приходится констатировать, что различные районы обитания коми по теме сборника оказались освещенными неравномерно. Наиболее полно представлены Корткеросский и Усть-Куломский районы Коми АССР², а также Шурышкарский район Тюменской области, куда в последние годы были совершены специальные поездки. Материал других районов представляется, по крайней мере для составителя, более или менее случайным.

Тексты оригинала для удобства пользования приведены в соответствии с нормами литературного коми языка. В том случае, когда в оригинале имели место повторы эпизодов или когда отдельные эпизоды нарушали единство текста или композиции произведения, были сделаны соответствующие купюры, на которые указывает многоточие в коми тексте. Устранены также слова-замены, т. е. указательные и неопределенные местоимения (мыйкӧ, эсийӧ, тайӧ, тайми и т. п.), используемые обычно в устной речи вместо не сразу пришедшего в голову полнозначного слова, а в письменной речи — только засоряющие текст. Вопрос собирателя к исполнителю или текст, не принадлежащий данному информатору, например кого-либо из присутствующих во время записи, взяты в скобки.

Текстологическая обработка материала минимальна. В комментариях указаны места записи и хранения оригинала, что позволяет в случае надобности обратиться к первоисточнику. В ходе подготовки сборника к изданию нам пришлось отказаться от дословного перевода коми текста и сделать его смысловым. Названия произведений, взятых в скобки, даны составителем по опорным словам в тексте или по содержанию произведения.

Коми-зырянские предания имеют ярко выраженный локальный характер бытования. Например, предание коми-пермяков о Перебогатыре бытует среди них довольно широко³, а у коми-зырян этот сюжет локализуется лишь на юге Усть-Куломского района. Тенденция распространения того или иного местного предания за пределы определенного ареала проявляется лишь спорадически. Так, предание о знаменитом вымском

¹ Ныне: Коми научный центр Уральского отделения РАН.

² Ныне: Республика Коми.

³ Ожешова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. Пермь, 1971.

охотнике «Йиркап» было записано лишь в небольшой деревеньке Синдор, а «Юрка» — в селе Маджа и близлежащих населенных пунктах, позднее сюжеты преданий об этих героях были зафиксированы и в значительно удаленных пунктах — о Ииркапе известно на нижней Выми, о Юрке и Корт айке на верхней Вычетге (Усть-Куломский р-н), — однако эти предания уже очень сильно трансформированы, иногда настолько, что изменены имена персонажей, в предания включены мотивы, не характерные для деяний этих героев, не соблюдена последовательность изложения событий, позабыты многие традиционные коллизии.

Устойчивая тенденция к сохранению изначальных границ бытования преданий, возможно, является одной из причин разрушения того или иного местного предания, в результате тех или иных исторических преобразований на местах. Так, еще в 20-х годах А.С.Сидоров мог говорить с достаточной уверенностью об «эпических сюжетах с героями-колдунами (на Удоре о Сьёд-Зоне, Люсее, Самее; в Усть-Куломе об Абае, в Палевицах — об Ёлке), локализующихся в строго определенных населенных пунктах, а в наше время эти сюжеты либо полностью исчезли, либо разрушены настолько, что находятся на грани исчезновения. Характерный пример такой утраты представляет предание «Шыпча». А.С.Сидоров квалифицировал эпический цикл об усть-сыольском герое Шыпча как главный у коми¹. Предание прикреплялось к деревне Слобода. Но в связи со строительством в этом районе Сыктывкарского ЛПК старая деревня была поглощена большим современным поселком, а затем районом города Сыктывкара и полностью в нем растворилась. Вместе с исчезновением деревни, рассеянием ее бывших жителей пришло в забвение и некогда полнокровное предание.

Строгая прикрепленность героя к определенной местности порождает однако и другой, противоположный процесс, процесс циклизации преданий. Эпическое имя, традиционное для данного ареала, объединяет под собой разные по происхождению, часто хронологически несовпадающие сюжеты. Так, Тунныръяк (предание бытует в селе Деревянске), с именем которого связаны рассказы о его разбойничании во главе шайки из 12 человек, о его неуязвимости, по воле современных исполнителей становится причастным к ограблению Ульяновского монастыря и даже непосредственно к строительству самого монастыря. Он выступает также в совершенно необычном для себя амплуа, в роли предсказателя судеб современных деревень, в роли оракула, предвосхитившего якобы своими познаниями все те перемены в жизни, которые произошли в наше время. Этот явный анахронизм явился следствием осмысления в народе современных событий и, в конечном итоге, говорит о процессах развития фольклора на позднем этапе. Кроме того, традиционные сюжеты, бытующие в одном регионе и связанные с именами его героев, в другом месте могут быть механически перенесены, приписаны деяниям

¹ Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 31.

своего героя конкретной местности. Так, деревянский герой Тунныръяк замещает корткеросского героя Кёрт айку в сюжете о противоборстве двух знахарей (Тунныръяк силой своего заклания останавливает плывущую по реке лодку другого знахаря). Таким образом, возникает цикл преданий с различными сюжетами, объединяющимися воедино, благодаря одному, более популярному герою.

Аналогичного типа циклизация преданий наблюдается на Вишере (Корткеросский р-н), цикл объединяет местный эпический герой Тювэ.

Итак, локальные предания у коми имеют в своем развитии две тенденции: с одной стороны, происходит постепенное разрушение целостных сюжетов, исчезновение из живого бытования преданий (например, предание о первопоселенцах села Летка размыто полностью, местные жители указывают лишь на то, что Летку основали два брата Сыса и Грибан и что печища их можно было видеть до недавнего времени); с другой — циклизация сюжетов, объединение которых стимулируется известным в регионе героем.

Все предания, конечно, так или иначе приурочены к конкретной местности, они локальны по природе жанра, но мы все же различаем локальные предания по главному герою, которого не знают в других местах. Известные предания о чуди также всегда локальны, но главное действующее лицо в них — чудь — безымянна, и сюжеты этих преданий, кроме деталей, местных реалий, общераспространены.

Различаются три группы преданий, в которых образ чуди является основой, на которой создается произведение¹. В первой группе чудь рисуется воинственной, она воюет то между собой, то — против коми, поселяющихся на места, ранее уже освоенные чудью. В этих преданиях отразились, по-видимому, процессы освоения края коми населением, предшествовавшие христианизации, в период формирования народности коми. В них еще нет идей противоборства идеологического характера, а вопрос об этнической принадлежности чуди еще не ставится. Само слово «чудь» как термин было соотнесено с уже имеющимися в репертуаре коми сюжетами позднее, после усвоения термина.

Ко второй группе относятся предания о чуди-язычниках, о их гибели или бегстве с насиженных мест. Предания распространены повсеместно. Устойчивым мотивом в них является столкновение язычников, идолопоклонников, почитателей священной, «прокудливой» березы со Стефаном Пермским, крестителем коми-зырян, а также с его преемниками, епископами Герасимом, Питиримом, Ионой. Следовательно, события в этих преданиях относятся к истории коми народа XIV—XV веков и являются отзвуком той длительной борьбы двух религиозных систем, которая известна и по фольклорным данным. Чудь в них чаще всего изображаются как непосредственные предки коми, но только те из них,

¹ Рочев Ю. Г. Коми-зырянские предания о чуди. — Вопросы финно-угроведения, т. 2, Сыктывкар, 1979, с. 93.

которые отвергли христианство и, не желая быть крещенными, либо сами себя погребли в так называемых чудских ямах (чудь гу), либо ушли на новое место жительства. Иногда подчеркивается, что чудь антропологически отличалась от современных коми, — они низкорослые, черноволосые, — что их потомки и до сих пор встречаются среди коми. Интересно отметить, что среди коми-зырян, живущих на севере Тюменской области, также бытуют предания о чуди, в которых под чудью мыслится этнически иной народ — предки современных хантов; антропологически ханты точно соответствуют описанным выше потомкам чуди. Однако предания сибирских коми о чуди — результат позднейшего переосмысления традиционных представлений о легендарной чуди и перенесения свойств этой чуди на аборигенов обживаемого края.

Предания о чуди, убегающей от христианизации, обычно рассказываются в связи с местной микротопонимией. Так, на верхней Вычегде в с. Пезмог указывают дорогу, которая называется Дорогой древних людей (Важ йӧз туй). Дорога ведет в сторону Важкурьи и теряется в лесу. По ней якобы некогда ушли древние люди. Само предание размыто, чудь как этнический термин отсутствует, с преданиями о чуди его связывает лишь типологическое сходство, тип произведения. На Удоре имеется бор под названием Мича ичмонь (букв. красавица молодица). Название возникло якобы от того, что на этом месте повесилась молодая женщина — чудинка, убежавшая от христианизаторов. В таких преданиях иногда подчеркивается мысль, что чудь не безропотно приняла свою участь, но была побеждена людьми Стефана, и лишь после этого решила самоизолироваться.

В отдельных удорских преданиях об убегающей чуди появляются мотивы о кладах чуди или о чудесных злаках, которые росли на месте покидаемой ими родины. Так, в предании, записанном Е.Г.Жижевой в 1951 году, убегающая по Мезени чудинка якобы причитала по оставленному ею городищу:

А, кузь лудӧ, югыд кӧдӧйӧ,
Иляя кырйӧ, джуджыд кребӧдӧ
Кар нӧрысӧ да гырысь шыдӧсӧ!¹

[Ах вы, мои обширные луга, мои хлебцы из ячневой муки, моя береговая круча, под названием Илья, моя крепость-городище на высоком берегу у излучины реки да моя крупнозернистая ячневая крупа!]

Мотивы богатства, хлебные запасы, которыми якобы обладала чудь, благодаря тому, что ячмень у них был высокоурожайным, крупнозернистым, разумеется, были привнесены в данный цикл извне значительно позднее, в результате усвоения и осмысления общераспространенных мотивов и сюжетов, например, о кладах древних людей, разбойников и т.п., а также под влиянием социально-утопических легенд, основную идею которых можно было бы фигурально выразить так: «страна обе-

¹ Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 158, ед. хр. 158, л. 361.

тованная находится где-то далеко или была когда-то». Такова одна из фольклорных форм преломления мечты человечества о счастье.

Предания второй группы, таким образом, отражают определенный этап истории Коми края, образ чуди в них постепенно эволюционировал, и, по-видимому, под влиянием официальной религии, ставшей постепенно господствующей в сознании населения, приобрел обобщенный характер пассивного антипода приверженцам христианства.

Третья группа преданий о чуди генетически не связана с нею, а хронологически — явление, возникшее значительно позже. Чудь в них изображается не как этническая группа, а как категория людей, объединившихся по роду деятельности (шайка разбойников), или как существа, наделенные сверхъестественными свойствами (она невидима людям, но обитает в опустевших домах рядом с людьми). Эти предания выросли на почве преданий второй группы, так как мотив чудской ямы присутствует в них как обязательный компонент (клад в чудских ямах заговорен, поэтому, чтобы его раскопать, нужно, например, обратиться к знахарю, у которого все зубы еще целы).

Необходимо подчеркнуть, что жанровые границы коми преданий чрезвычайно зыбки. И эта неустойчивость прежде всего объясняется взаимодействием преданий и быличек. Взаимопроникновение их жанровых признаков иногда настолько органично, что они становятся адекватными по стилю, и в этом случае трудно определить их жанровую принадлежность. Так, в предании «Ошпель», с одной стороны, героем является реальное лицо, образ которого рисуется типично эпическими приемами гиперболизации (богатырского сложения, необычайно широки его ладони, снимает шкуры с оленей, коров, лошадей, обходясь без ножа, голыми руками), но, с другой стороны, предание целиком построено на типично быличном конфликте — противоборстве человека с персонажами низшей мифологии (в гостях, куда его позвали женщины, он вытащил табакерку и по обычаю перекрестился, после этого вмиг заставленный всякой снедью стол оказался сплошь заваленным конским навозом).

Христианских легенд у коми немного. Чаще всего в них рассказывается о знамениях, которые якобы предвосхитили то или иное значительное событие в жизни народа, например, начало Великой Отечественной войны. Обычно в них действует посланник бога — Никола-угодник. Никола-угодник, по коми легендам, является и посредником в делах охотников, когда между ними и миром сверхъестественного возникают из ряда вон выходящие конфликты. Так, в легендах, записанных венгерским ученым Фокошем-Фуксом, Никола-угодник наказывает медведя за то, что тот стал поедать людей¹, или низвергает в ад пустытника за то, что тот не пустил обогреться в свою келью попавшего в безвыходное положение охотника².

¹ *Fokos-Fuchs D. R. Volksdichtung der Komi (Syrjinen)*, Budapest, 1951, s. 241—243.

² Там же, s. 99—102.

В легендах коми в качестве одного из персонажей зачастую фигурирует мертвый колдун, знахарь. Любящий супруг, друг и наставник охотников при жизни, после смерти он всегда в рассказах выступает в противоположной себе ипостаси. Он преследует тех, кто взялся хоронить его или нарушил обряд захоронения, т. е. не выполнил его предсмертных предписаний. И вот в этих условиях на помощь людям иногда приходят персонажи легенд — святые угодники. Так, в легенде, записанной Вихманом, жену от мертвого мужа-знахаря спасают христианские святые Изосим и Савватий¹.

Однако чаще всего данный сюжет разрабатывается как эпизод локальными преданиями, либо другой, чрезвычайно популярной у коми разновидностью легенд, легендами демонологической тематики — быличками (мы не касаемся вопроса о легендарных сказках и о включенных в сказку легендарных мотивах и сюжетах).

Былички — один из наиболее живых распространенных жанров несказочной прозы коми. В настоящий сборник включено лишь минимальное их количество из имеющихся как опубликованных ранее, так и, в основном, неопубликованных текстов. Они дают общее представление о разновидностях жанра, круге тем, сюжетов, об основных персонажах коми быличек, а также в какой-то мере характеризуют и самих носителей фольклора.

Былички отражают древние воззрения людей на окружающую их природу, но в то же время опосредствованно рисуют картины быта, занятий населения, уклада жизни, географической среды, в которой протекает деятельность человека в современности, по крайней мере недалекого прошлого, так как действующими лицами в них являются всегда, с одной стороны, персонажи, созданные воображением человека периода анимизма (представления о существовании духовных существ и существ и веры в возможность общения человека с ними), с другой — сами рассказчики, их родственники или знакомые. С одной стороны, почвой для возникновения быличек и поддержания их продуктивной жизни являются суеверия, весьма еще живучие в народной среде, особенно среди людей старшего поколения, но с другой — рассказчики, особенно молодые, грамотные (а их сейчас большинство), на первый план выдвигают не религиозный аспект, не фатальность описываемых событий, а стремятся передать чувство удивления, возникшее в связи с тем или иным загадочным явлением или фактом, которые не всегда удается объяснить научно. Именно поэтому рассказчик часто заканчивает свое повествование вопросом к слушателям: «Как бы вы объяснили этот случай?» Суеверные представления в данной ситуации являются лишь материалом, на основе которого создается рассказ этого жанра.

Следует также особо оговорить тот факт, что коми-зырянские легенды не всегда имеют под собой единую общенациональную историко-

¹ Wichmann Y. Syrjämische Volksdichtung. Helsinki, 1916, s. 132–134.

культурную базу, в основании быличек у разных этнографических групп коми лежат исторически сложившиеся региональные мировоззренческие системы. Фольклорные традиции, выработавшиеся на основе этих систем, воздействуют не только на сюжетный репертуар того или иного региона, но накладывают отпечаток и на трактовку самих традиционных образов (речь не идет о трансформациях в пределах жанровой системы, а лишь в области легенды, в рамках единого жанра). Примером избирательности в границах этнографической группы может служить количественный показатель частотности той или иной темы. Так на верхней Вычегде преобладают рассказы о колдунах и знахарях, в Прилузье — о встречах с лешим, водяным, а у ижемских коми — об *уресе* (призрак; двойник человека) и *гураньке* (банник в женской ипостаси). Но показательнее в этом отношении наличие разных персонажей низшей мифологии в фольклорной традиции того или иного региона. Так, в Прилузье вовсе не знают, что такое *орт* (дух, двойник человека, предвещающий смерть кому-либо); на Ижме рассказы о *вёрса* (леший — один из самых популярных образов коми быличек) единичны, сам он довольно невыразителен, функции его ограничены, а повествования о нем однообразны; рассказы о кликушах и кликушестве в некоторых районах (Вишера, верхняя Вычегда, Удора) расцвечены богатейшей палитрой народной фантазии, а на Выми на вопрос собирателя фольклора могут только ответить: «Висер вождь ветлы, сэні тэныд уна мойдасны, а миян абу» (Поезжай на Вишеру, там тебе много сказок о них расскажут, а у нас нет таких). Наиболее ярко, однако, специфика этнографической группы проявляется в интерпретации общенационального образа. Из всех мифологических персонажей в легендах коми устойчивее всего сохраняется народная память о водяном. Его обиталище связано с водой, в каждом ручье и реке, в каждом озере и пруду, по представлению древних коми, жил дух — хозяин этого водоема. Древнее название его, сохранившееся в некоторых говорах, — *ва куль* (злой дух, обитающий в воде). Слово это с близкой к исходному понятию семантикой сохраняется почти во всех языках финно-угорского мира. Заманчиво, например, соотнести это слово с восточно-угорским (мапси, ханты) словом *хул*, *хулъ* (рыба), ненецким — *халя* (рыба), но историки языка воздерживаются от подобного сопоставления. В коми языке это слово было вытеснено описательными, эвфемистическими наименованиями, при этом этнографическая специфика и тут наложила свой отпечаток. Например, ижемские коми называют водяного — *ваууса* (букв. подводный), в Прилузье — *ва олысь* (в воде живущий), вычегодские — *васа* (водный, водяной) и т.д. Общими для всех коми являются некоторые атрибуты водяного (например, длинные волосы, которые он, выйдя из воды, расчесывает то пятерней, то гребнем) или его функции (например, предсказательная — извещает о появлении утопленника), также постоянна его характеристика как существа, намерение которого — в любой ситуации утопить человека или домашнее животное.

Но имея какой-то единый, постоянный признак, водяной проявляет себя далеко не однозначно в рассказах, записанных в разных районах, а, значит, и со слов представителей разных этнографических групп. Так, в южных районах (Койгородский, Прилузский) настойчиво мотивируется идея водяного-хозяина (он владеет стадами коров, табунами лошадей, называет человека своим рабом, подвластным ему, требует от человека жертв в свою пользу и т.д.), соответственно разрабатываются и сюжеты быличек в этом регионе, а в северных (Ижемский, Печорский и др.) преобладают мотивы автономности человеческого сообщества и водяных, встречи с ними носят чаще всего случайный характер и более или менее эпизодический (во время рыбной ловли, полоскания белья в реке, вообще при непредусмотренном появлении на воде или у воды), при этом образ жизни водяного описывается подобно человеческой. В одной из быличек, записанной у кольских коми, например, водяной оплакивает утопленника в тех же выражениях, что и в похоронной причети по утонувшему человеку: *мадаэ да любее, тэ тай нин пöдін да...* (милый мой да любимый, ты ведь погиб, захлебнувшись в воде).

Столь же своеобразна трактовка в фольклорной традиции всех других персонажей низшей мифологии коми разных этнографических групп. Поэтому игнорирование региональной специфики коми фольклора (и это, наверно, больше всего относится к легендам) поневоле приводит к искажению картины фольклорного процесса и в целом современного состояния фольклора, это также затрудняет его изучение.

В несказочной прозе народа коми большое место занимают охотничьи рассказы о медведях и о чудесных деревьях, якобы обладающих свойствами понимать человеческую речь, а иногда способных якобы вмешиваться каким-либо образом в судьбу человека. Медведь, как персонаж подобных рассказов, наделяется чертами, в какой-то мере аналогичными персонажам быличек. Он все знает, все понимает, обращаться к нему надо всегда почтительно, уважительно. И тогда он будет, например, брать из ловушек охотника только часть добычи, оставляя другую часть охотнику. За непочтение к нему он может наказать человека: если, например, охотник хочет поднять его из берлоги, то должен сказать, что она пустая, иначе он выскочит из берлоги раньше времени и причинит охотнику много неприятностей. Из-за несоблюдения некоторых обычаев (например, после того, как охотники уложат медведя, следует подойти к нему и поздороваться за правую лапу, а затем на некоторое время отойти в сторону) охотниками он якобы может ожить и отомстить за себя. Имеются у коми рассказы, в которых медведь зазывает к себе женщин, зимует с ними, кормя их предметами своего промысла или давая сосать свою лапу, весной он их обычно отпускает домой, предупреждая впрочем, чтобы они не указывали охотникам местонахождение берлоги, но имеются рассказы и такого содержания, когда от женщины-человека рождаются медвежата, и в этом случае она вынуждена бывает остаться

в лесу навсегда. Медведь не любит беременных мальчиками женщин, последних при случайной встрече убивает и, вынув плод, хоронит их по-человечески. В медведя, наконец, свободно может превратиться любой человек, особенно знахарь, для этого достаточно, например, трижды перекувыркнуться в определенном месте через разостланную медвежью шкуру. По происхождению медведь якобы не кто иной, как бывший человек (это человек, которого леший застал ходящим по упавшему дереву на четвереньках и превратил в медведя). Такая убежденность поддерживается тем, что туша медведя со снятой шкурой напоминает тело человека, у коми населения это обстоятельство постоянно подчеркивается в охотничьих рассказах о медведе. Однако при всем сходстве медведя и человека в строении их органов имеются и различия. Так, в широко бытующей у коми легенде, в которой явственно проступают черты этиологического мифа, говорится, что медведь весьма недоволен своей судьбой якобы за то, что у него нет на лапах, как у человека на руках, большого пальца, противостоящего остальным четырем, и этим затрудняется хватательное движение; он просит у бога большой палец, но затем сам же и отказывается, узнав, что в этом случае собака получит лук со стрелами, а человек — крылья: человек-охотник и его друг, собака, следовательно, получают слишком большие преимущества перед ним.

Итак, медведь в коми фольклоре занимает выдающееся место, в этом факте, надо полагать, сохранились следы его былого культа, возможно такого же, какой известен из мифологии многих сибирских народов, в первую очередь, мифологии ближайших наших соседей — манси.

В рассказах о говорящих деревьях также проглядывает культовая основа. Это прежде всего уважительное отношение к дереву вообще. Устраиваясь на ночлег под деревом, по неписаному закону тайги, коми охотник обязан был попросить на это разрешения. В противном случае его якобы ждали большие неприятности (например, ему не дадут спокойно отдохнуть). И наоборот, когда соблюден «устав», охотник попадает под полное покровительство приютившего его на ночь дерева. Мотив говорящего дерева, а также охотничьей избушки, входя в которую впервые, также следует стучаться или просить благосклонного приюта, чаще всего разрабатывается в легендах и преданиях как эпизод, художественная деталь, влияющая на ход повествования, поворот событий в произведении. Но случается, что этот мотив становится основой сюжета, в рамках которого происходят все события. Так, в рассказе «Говорящие деревья» вымским охотникам пришлось заночевать под елью, и они по традиции по всем правилам попросились на ночлег; после этого ель приняла охотников под свое покровительство и не оставила их даже тогда, когда ее ночью попросил кто-то навестить якобы умирающую мать-ель. А чуть позже охотники услышали, как недалеко от них с треском упало дерево, наутро они действительно обнаружили только что упавшую старую ель.

Наряду с рассказами охотничьей тематики, в которых фантастика является выражением религиозного сознания древних коми (говорящие деревья, мыслящие медведи и т. п.), существуют и такие, в которых вымысел играет роль художественного средства в осмыслении окружающей действительности. Эти рассказы основаны на положительных знаниях охотников, на веками наблюдаемых явлениях природы, повадках животных, на основании обобщения накопленного опыта в охоте. Такие рассказы близки к преданиям, однако они передают либо личный опыт рассказчика в художественной форме, либо кого-нибудь из его знакомых. Некоторые исследователи определяют этот жанр как бывальщину¹. Так, в рассказе «Мирон» информант описывает способ охоты на белок своего земляка, которого лично знал и видел: у него было шестигранное ружье, он заряжал его дробинкой, откушенной от свинцовой проволоки, и на расстоянии 25 метров всегда точно попадал белке в зуб. Здесь все реалистично, все взято из жизни, кроме художественного преувеличения охотничьего мастерства героя. Более удаленный во времени, но передаваемый как достоверное свидетельство — рассказ «Ненец, промысляющий белок» повествует о разных способах охоты: одни охотились с помощью ружей, другие — самострелов. Коми еще недавно употребляли на охоте луки и стрелы, и воспоминания об этом окружены даже ореолом славы. Фантастично здесь лишь то, что ненец-охотник выпускает из своего «коромысла», как насмешливо называет его лук коми охотник, одновременно 50 стрел. Понятно, что эта гиперболизация является не чем иным, как художественным средством, позволяющим лучше оттенить исключительное мастерство и изобретательность ненеца-охотника. В истории охоты на лосей и медведей («Ненец-охотник»), казалось бы, все от начала до конца вымышлено: один охотник догоняет на лыжах шестерых лосей и один на один справляется с тремя медведями. Однако и здесь нет ничего ирреального. Так, коми охотникам очень хорошо известны случаи поединка человека и медведя, в котором победителем выходит охотник, причем перед тем, как начать схватку, охотник обматывает левую руку сыромятным ремнем или войлоком.

Несколько иной характер имеют легенды о «лесном человеке». В рассказе «Нагой мохнатый человек» этот персонаж характеризуется как существо, во всем похожее на человека, только обросшее шерстью, высокого роста и хорошо приспособленное к жизни в зимнем северном лесу. Оно сторонится людей, и только случайная встреча с ним дает возможность человеку ближе с ним познакомиться. Оно во многом напоминает мифологический персонаж коми легенд — лешего. Например, также крадет женщин в жены себе, обладает способностью останавливать на расстоянии плывущие по реке лодки. Однако оно и отличается от него принципиально, и даже противопоставляется ему. Так, встреча с ним всегда случайна,

¹ Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Л., 1983, с. 183–185.

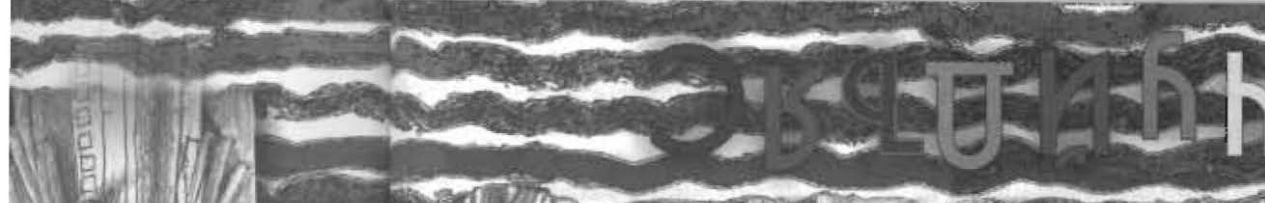
а не является результатом его происков; после него на снегу остаются четкие отпечатки босых ног, тогда как леший не оставляет за собой никаких материальных следов пребывания рядом с человеком. Если леший — продукт мифологического, в конечном итоге религиозного сознания, то мохнатый человек — это плод фантазии, вымысла.

Так как рассказы о лесном человеке впервые были записаны среди зауральских коми (см. паспортные данные в комментариях сборника), то первоначально предполагалось, что появление этого образа в репертуаре сибирских коми является заимствованным из фольклора восточных угров, в частности хантов, в фольклоре которых рассказы о лесном человеке имеют большое хождение. Однако новые материалы, собранные у коми-ижемцев, в частности среди коми населения Кольского полуострова, заставили по-другому посмотреть на вопрос о происхождении этого образа. У кольских коми лесной человек описывается как высокий, черный, он так же сторонится людей, видит его тоже очень редко, случайно, но встреча с ним расценивается как знамение какого-либо события, отрицательным образом сказывающегося на судьбе человека. Известно, что в ижемском фольклоре, в отличие от фольклора коми других регионов, образ лешего очень сильно размыт, а многие его функции взяли на себя другие персонажи низшей мифологии, в частности — *урес* (двойник человека, призрак, пугающий людей и извещающий их о близкой смерти кого-либо из родственников). Возможно, образ лесного человека — это очень сильно трансформированный образ коми лешего, утратившего черты былой своей определенности.

Этиологических мифов у коми сохранилось мало. Как уже было отмечено, этиологический элемент в них не выпячивается, поэтому отношение их к мифам весьма относительное. Сюжеты некоторых из них, возможно, даже заимствованы. Но все же моменты объяснительной функции этих рассказов можно уловить. Так, в этих рассказах в наивной форме осмысливается, почему летом много комаров, почему они не летают в жару, а оводы, наоборот, не любят дождь, почему так пестра уткашироконоска, почему так мала тушка рябчика, каким образом возникли реки и долины, почему у зайца кончик ушей черный и т.д. Наивный характер этих толкований прозрачен настолько, что этиологические мифы целиком перешли в репертуар детей и воспринимаются как занимательные детские сказки. Однако по характеру воспроизведения действительности они аналогичны мифам и, возможно, находятся в генеалогическом родстве с теми «баснями о бытии и миротворении», о которых, описывая быт и нравы древних пермян, упоминает современник Стефана Пермского Елифаний Премудрый в своей книге «Житие Стефана Пермского».

Итак, коми предания, легенды, мифы, былички тесно связаны с народной жизнью, его историей и многообразно отражают особенности культуры, быта, занятий населения, сохраняя иногда реликты седой старины.

ЧУД ЙЫЛЫСЬ ПРЕДАНИЕЯС

ПРЕДАНИЯ О ЧУДИ

1. ШОЙНАТЫ

ойнаты сійён шусьё шойна тыён — сійё шой ты. Вёлём важён тышкасьёны чудьяс, чуд на чуд, кыкнанныс чудьяс. Сэсся шойяссё вёлём шыблалёны тыас. Сэсся тыс тырёма шойнас, морт шойнас. Вот сійён сэсся и сиктсё шуомаось Шойнагыён.

Сідэи тай висьтавлёны-а, он од тёд, збыль-ё тайё. Сылы, колёкё, кымын сё во нин да. Дерт, сійё уна вося, абу нин ёния кад.

СТОРОЖЕВСК

Сторожевск по-коми называется Озеро-кладбище* потому, что это было озеро, где были трупы. Оказывается, в старину здесь сражалась чудь, чудь с чудью, с обеих сторон чудь. И трупы, оказывается, сбрасывали в озеро. И озеро сплошь покрылось трупами, человеческими трупами. Вот потому и озеро назвали Озером-кладбищем.

Так рассказывают, а правда ли это, как знать. После тех событий, может, уже много столетий прошло. Конечно, много лет уже минуло, не в наши времена это было.

2. (ЧУДЬЯСЛЁН КЛАД)

Менам вёли пёль. Ловья кё сійё вёли, сылы вёли эськё 140 арёс. Вёлёма сійё Черныбё молодечён, 18 арёсён. Тайё пёльнд ёна висьтанлис чудьяс йывсьыл.

Тани пё вёлёмаось мёд пёлёс вераа народ — чудьясён шуомаось. Кар нёрысид налён вёлёма медглавной владеннёыс. Муясыд вёлёмаось зэв бурёсь, няньыд некор абу кынмылёма.

Вёлёмаось найё здоровёсь, съод кодьёсь. Аслысног гажёдчёмаось. Вёлёма налён ыргён гудок. Ёти чивгас, мёд чивгас, йёктыны оз кужны: пуксьыласны да чеччыласны.

Выль вераыдлы абу сетчёмаось да асьнысё кодъясыскё гуав-
лёмаось став кёлуйнас и овмёснас. Гуясыс налён ёні на гумла
дорын. На бёрын сэтысь уна сюрлывлі мича розя вый чашкаяс,
посии блюдыяс.

Кор найё пьштъясны. босьтасны ыджыд ящик, весь зёлота тыра.
Оз вермыны нуны, и тайё ящиксё гуаласны Черныбсянь ёкмыс-дас
километра сайё. Пёль мян вежон корсьысьёма, да абу сюрёма. Тайё
ящиксё корсьёмаось и Селибысь да Мутьдіннысь мужикъяс, да абу жё
моздылёма.

Налысь сёрнисё комиыд гёгөрвоёма.

ЧУДСКОЙ КЛАД

У меня был дед. Был бы он жив, ему было бы сейчас 140 лет.
Приехал он в Чернутаево молодцем, около 18 лет от роду. Этот дед
много рассказывал о чуди.

Он говаривал, что здесь жил какой-то народ иной веры -
чудью их называли. Их главные владения были на Городищенском
холме*. Земли их были урожайными, хлеб никогда не вымерзал.

Они были крепкими, черноволосыми. А веселились по-своему.
Была у них медная гармонь*. Один на неё попищит, другой попищит,
а танцевать не умеют: то присядут, то привскочат.

Новой вере они не поддались, и некоторые из них сами себя
вместе с вещами и хозяйством в землю зарыли. Их ямы и сейчас еще
видны возле гумна. Там после них находили много красивых чашек
из-под масла, небольшие блюдечки.

Когда они убегали, взяли с собой большой ящик, полный золо-
та. Но нести не смогли, и этот ящик закопали в девяти-десяти кило-
метрах от Чернутаева.

Наш дед целую неделю искал, но не нашел. Искали мужики и
из Селиба и Мучкаса, но им тоже сундук так и не попался.

А язык чуди коми понимали.

3. ЧУЙДЪЯС

Ёстякъяс зэв важён нянь абу сёйлёмаось, чуйдъяс вёлёмаось
да. Хоп-Юх-Пайын важён ямаяс вёлёмаось да на йылысь шулё-
маось: эсийё чуйд керкаяс, чуйд ямаяс. Народ сэтшём, найё нинём оз
пуны, мый кыясны, сійёс улыён и сёясны.

Важон тай казътылісны. Коркө тотараяс воёмаось Вылпоск дорө войнаон да өтикөс казьяласны да вөтөдчөны. А сійө вутшгюр вундас да юр вылас пуктас да турун си пыр лолалө. Сідзи толькө спаситчас, мөдарни кө өд эськө кутісны да ыджыд рөяөрение керисны. Важон өд, шуоны, өстякъясөс тотараяс куталөмаось, а тотараяссө бара рочьяс войлөдлөмаось.

Федул Вась поконик бара вөлі казътылө, кор мужикъяс чукөртчасны. Выйим пө Пон Горыш протоха. Ме юасьлі: мыйла эськө сідзи протохаыс шусьө да. А сійө бара жө важон, кор чуйдъясыс оломаось, сэк найөс куталөны жө да найө толькө ва улас куломнысө дэбөмөн черинысө кыйөмаось.

Сэсся коркө өтик чуйд мунө черисө видлыны, протохатіыс локтөны пыжон и ыджыд пугмөн. Чуйдыслөн понйыс вошылас увтны, а сійө мимө пуртнас сьыліас понйыслы бытшкас, медым оз явит. Сійөн и Пон Горыш протоханас шусьө.

ЧУДЬ

Очень давно в старину ханты хлеба вовсе не ели, так как были они чудью. На Хоп-Юх-Пай* раньше были ямы, и о них говорили, что это дома чуди, чудские ямы. Это народ такой, они себе ничего не варили, чего выловят, то в сыром виде и съедят.

Раньше так говорили. Как-то раз к Вылпоску прибыли войной татары и, обнаружив одного из жителей, погнались за ним. А тот срезал травянистую кочку, положил себе на голову и, с головой погружившись в воду, стал дышать через соломинку. Так только и спасся, а иначе поймали бы и большое разорение бы учинили*. Раньше ведь, рассказывают, хантов татары ловили, а татар опять русские гоняли.

Когда мужики, бывало, собирались, покойник Федул Вась*, бывало, вспоминал про протоку Горло Собаки*. Я спрашивала его, почему эта протока так названа. А это, оказывается, опять же в старину, когда чудь жила, их тогда грабили, и потому рыбу они вылавливали для себя, пряча сети под водой.

И вот как-то один из чуди поехал посмотреть сети*, а в это время по протоке проезжала с большим шумом лодка. Собака чуди было подняла лай, а чудь тут же воткнул ей в горло нож, чтобы она не выдала его. Поэтому протока и называется Горло Собаки.

4. ВАЖ ЙӖЗ ТУЙ

Пезмӧгсянь петӧны кык туй. Шусьӧны Важ йӖз туй. Өти туйыс мунӧ Важкуръялань, мӧдыс сэтсысянь жӧ заводитчӧ, но неуна улынджык да шусьӧ Улыс Важ йӖз туй, а медводзыс — Вылыс Важ йӖз туй.

Улысыс, буракӧ, артмӧма мед торйӧдны ӧта-мӧдсьыс кыкнан туйсӧ. Но кыгысь тайӧ медводз туйыс, ме ог тӧд. Кыкнанныс кайӧны вӧрӧ и сӧни куим-ӧ-нӧль верст мысти вошӧны вӧрас. Тайӧ туйӧдыс татчӧ коркӧ кутшӧмкӧ важ йӖз волӧма Важкуръяланьыс, но сӧсса сийӧ туйӧдыс эз пондыны ветлыны, и сийӧ вӧрӧн туйс.

А эстӧни мег шӧрас джуджыд креж да сӧни коркӧ, шуӧпы. чудъяс гуасьлӧмаӧсь. Сӧни двадцать третъей воясып куим во кымын би тыдалӧма. Сийӧ, буракӧ, фосфорыс му пырыс петӧма да ӧйӧма. Но збыль вылас, навернӧ, тӧдчисны би югӧръясыс чери кыйысьяслӧн. Сӧни как раз чери кыйысьяслӧн керка сӧки вӧли сулалӧ.

Сӧсса ю мӧдарас эм жӧ места, кӧни пӧ тожӧ чудъяс гуасьлӧмаӧсь.

ДОРОГА ВАЖ ЙӖЗ

●т Пезмога ведут две дороги. Называются дорогами Важ йӖз*. Өдна дорога ведет в сторону Важкурьи, другая начинается там же, но немножко ниже, и называется Нижняя дорога Важ йӖз, а первая — Верхняя дорога Важ йӖз.

Нижняя, видимо, названа так для того, чтобы различать эти две дороги. Но откуда эта первая дорога, я не знаю. Өбе идут через лес и там через три-четыре версты теряются. По этой дороге сюда когда-то какие-то прежние люди прибыли со стороны Важкурьи, а потом по этой дороге не стали ходить, и она заросла лесом.

А здесь напротив середины излучины реки высится крутой откос, и там некогда, говорят, чудь закопала себя. Там в двадцать третьих годах около трех лет виднелся огонь. Это, видимо, фосфор проникал сквозь землю и светился. А может быть, светились огни рыбаков. Там как раз в это время стоял рыбацкий домик.

На другой стороне реки тоже есть место, где якобы чудь погребла себя.

5. ВЕСЬЯС ДА ЧУДЬЯС

Учительница мян вöлі да, вот кöнджык, сійö эз висьтав, а кöн пö комияс олісны, сэні пö чудьяс овлöмаöсь. Дзиянын на эмöсь чудь гуяс.

Ыджыд айö шуліс жö, тані пö весьяс да чудьяс олöмаöсь. Весьясыс абу тыр йöз, польсьöсь, бöбöсь, нинöм оз сяммыны. Сэтысь со и кывьясыс — весь кодь, весьö пöрны, весьö вошны.

А чудьяс вöлöмаöсь уджач йöз, найö язычникьяс. Степан Пермскöй кöсйöма найöс пыртны ен вераö, кöсйöма кайны Висерöдз. Ю кузя вöлөм кайö, сэк öд туйяс эз на вöвны, юысь кындзи сэсса некутшöм туй. Чудьяс и потшасны Висер юсö изьясöн. Дзиянысь неупа улынджык изйöн потшöминыс. Ме ачым аслам синмөн аддзылі, кор кос ва, сэк изьясыс чурвидзöны Галябöж гор улын. Кывтыд шорсянь берег пöлöныс галя изйöсь, сійö шусьö Галявыв. Öзіныс Дзиянас вылынджык, сэні абу галя изйыс. Кор Галявылыс помасяс, сэсса сэні и потшöмаиныс. Кос ва дырйи ваыс только сяркьялö. Кывтчöс ногөн кö, веськыдладор берегсö мыйкö мында абу потшöмаöсь, медым только дэоля пыжөн пыран. Изсö сэні ваыс вермис нин путкыльтны...

Вит километраөн Дзиянсьыс улынджык эм ичöтик шор. Ме ачым ог тöд, эг аддзыл. Шуöны, Висер вылö усьö, шусьö (мостаыс) Видчанвом шор. Шуласны на: «Кытчö пö нö муна-а? Видчанвом шорын пö видз да сэтчö». Правильнö кö эськö, Виччысянвом шор да. Сэті нöрыса кодь, бужöда, крут берег, абу лапта. Вот сэтöні вöлöма гу. Чудьясыс веретя вылас кодьясны, гу кодьясны, ыджыд, мед аслыныс дзэбсьыны. А сэтысянь и кывтчöс, н катчöс ылöдз тыдалö. Кор найö аддзасны локтысьяссö, долженöсь öзтыны ыджыд кöстер. Сійö лоö знак, колö, значит, точнö гуасыны. Кор кутасны локны Степан Пермскöйлөн йöзыс, гуас пырасны и клопкыасны. Сэтöні как раз Вотавидз мян вöлі, зэв бур туруна видз. Миян видзсьыс чуть-чуть катыдланьын чудьясыс кыйöдчöмаöсь.

Дзиян гöра йылын. Дзиянöдзэыс катан, катан ю кузяыс. А мукöд гуясас он веськав юсянбыс, а колö сöмын туй кузяыс. Эм сэтшöм места Ягвыв, а яг бокас вöлі нюр. Öні сійöс косьтöмаöсь. Дзияна-Ягвыла костыс визувтö шор, Прудшор, дэоляник шор вöлі важөн. Ёна сійöс луалісны да öні ёна паськыда визувтö... Тележнöй туй мунö, Чуб ты дортыс мунö. Чудь гу пö сэні эм, ыджыд айö шуö вöлі, шöрланьыс, зэв мича эжаа места эм да. Сэтөн ме коркö, ыджыд-джык нин вöлі, шуйга ки вывсьыс казявлі гу кодьяс. Квадратнöй,

роптолөн шӧрыс усьӧма. Сэтӧні, пыралі гуас да, меным сюри ырӧӧн бляха. Ки пыдӧсысь ичӧтджык. Гортӧ вайи. А сэсся Сидоров мян пыр мунлі да сылы висьталі. А град вылысь сюри эта пасьта деньга, абу гӧгрӧс, а быттӧ кералӧма. Ме Сидоровлы петкӧдлі да сэсся пӧдариті. Сеті. Куим гу вӧлі шуйгаладорас. Ӧні сійӧ гуясыс нин шылясисны.

Сидоров воліс мянӧ 1921 воӧ.

ВЕСЬ И ЧУДЬ

Учительница у нас была, да вот не помню точно, какое место она указала, но там, где живут коми, раньше жила чудь. Около деревни Ивановская тоже имеются чудские ямы. Мой дед тоже говорил, что здесь раньше жили весь и чудь. Весь были не вполне нормальными людьми, путлиные, глупые, ничего не умеющие делать. Отсюда вот и слова — «как весь», «превратиться в весь», «пропасть среди весей»*.

А чудь была трудолюбивым народом, они язычники. Стефан Пермский хотел было обратить их в христианскую веру, хотел было добраться до Богородска*. Он поднимался вверх по реке, тогда ведь дорог еще не было, кроме реки большис никаких дорог. Вот чудь и перегородила реку Вишеру камнями. Камнями перегороденное место находится немного ниже деревни Ивановской*. Я сама своими глазами видела, когда река мелеет, камни торчат из воды. В оконечностях местечка Галябӧж*. Начиная от ручья Кӧптыд* берег усеян галькой, это место называется Галявыв*. Пристань деревни Ивановской находится выше, там уже нет гальки. А как заканчивается Галявыв, сразу же начинается перегороденное камнями место. При низком уровне воды там только бурлит. Если смотреть по течению реки, то у правого берега небольшое пространство осталось не перегороденным так, чтобы можно было проехать только на небольшой лодочке. Камни в перегороденном месте вода могла уже опрокинуть...

От Ивановской ниже на пять километров протекает маленький ручей. Сама я не знаю, не видела. Говорят, впадает в реку Вишеру, это место называется ручей Видчанвом*. Можно услышать такой разговор: Куда, мол, едешь? — А, дескать, по ручью Видчанвом есть покосы, так, дескать, туда. Вообще-то правильнее было бы называть Виччысянвом*. Там место гористое, с обрывом, крутой берег, не низина. Вот там была яма. Чудь выкопала на гриве, яму вырыла, большую, чтобы самим там спрятаться. А оттуда и вниз по течению,

и вверх по течению далеко видать. Когда они заметят приближающиеся лодки Стефана Пермского, они должны были разжечь большой костер. Это будет сигналом, что, значит, и остальным надо зарываться в ямы. Как будут подъезжать люди Стефана Пермского, чтоб зайти в ямы и захлопнуться. Как раз там у нас был покос Вота, с очень хорошей травой покос. Чуть-чуть выше нашего покоса чудь-то сторожила.

Ивановская стоит на горе. До Ивановской надо ехать вверх по реке. А в некоторые ямы не попасть с реки, но можно только по дороге. Есть такое место Ягвыв*, а около бора было болото. Теперь его осушили. Между Ивановской и Ягвыв протекает ручей, Пруд-ручей, раньше это был маленький ручей. Его очень сильно разрыли и теперь течет довольно широко... Тележная дорога идет, около озера Чуб проходит. Вот там, мол, есть чудские ямы, дед, бывало, рассказывал, там поближе к середине бора есть очень красивая лужайка. Там я как-то, уже постарше была, по левую руку обнаружила нечто вроде ям. Квадратные, посередке впадина образовалась. Там, так как я забиралась в яму, мне попала на глаза медная бляшка. Поменьше, чем ладонь. Домой принесла. А потом у нас проездом был Сидоров, и ему сказала. А в огороде мне попала вот такой величины монета, не круглая, а как бы обрубленная по краям. Я показала Сидорову, а затем подарила. Отдала. По левую руку-то было три ямы. Теперь эти ямы, по-видимому, уже разровнялись. Сидоров приезжал к ямам в 1921 году.

6. ЧУДЬЯС ЙЫЛЫСЬ

Меным тайё ыджыд айё жё висьтавліс. Чудьясыс, тыдалё, олёмабсь Ыджыдвидзын. Менам дэоля дырйи на ыджыдвидзасяссё нимтылісны: «Ті пё од чудь рёд!» Гашкё, действительнё. Сэні ты коркё вёлі, Чуб ты, зэв чериа. Сэсся косьтісны тысё, мыйта чери вёлі да косьтісны. Гашкё, сійё Чудь ты вёлі, а Чуб тыён кутісны шуны. Чуб ю кузя видзьяс вёліны да ытшкыны сэтчё мунёны и шуёны, Чубйё пё кайлім.

О ЧУДИ

Мне это тоже дед рассказывал. Чудь, по-видимому, жила в Большелуге*. Елце в пору моего детства большелугских дразнили: «Вы, дескать, чудского роду!» Может, действительно так. Там ког-

да-то было озеро, озеро Чуб*, очень рыбное. Потом озеро осушили, сколько было рыбы, а осушили. Может, оно было озеро Чудь, а потом стали называть озеро Чуб. По речке Чуб были покосы, и вот пойдут туда косить и говорят: «Сходили на Чуб».

7. МИЧА ИЧМОНЬ ЙЫЛЫСЬ ПРЕДАНИЕ

Латьюдінса Ёника пöль висьтавліс: овлöмаöсь тані чуд. Кор найöс чудовскöй верасьыс кутасны пыртны тайö вераö, мöдасны пышійыны асланым местаö, предайтчам пö на произвол судьбы. Унаöн пöгибнитасны, мый кöрныс кольö, сійö и мунасны.

Мича ичмония-яг. Сэтчö öпöдчöма кутпöмкö ичмонь, оз кöсйы вöлöм пырны православнöй вераад да.

ПРЕДАНИЕ О МИЧА ИЧМОНЕ

Оника-дед из деревни Латьюга рассказывал: жила когда-то здесь чудь. Когда их чудскую веру стали обращать в эту веру, они стали убегать на новое место; предадимся, мол, воле судьбы. Многие погибли, у кого олени остались, те и ушли.

Мича ичмония-бор*. Там повесилась какая-то молодуха, так как не хотела, оказывается, принять православную веру.

8. ЧУДЬ МЫЛЪК

Чудьöн шуöны сэтшöмъясöс, кодъяс оз веруйтны. Найö гуась-лöмаöсь Висерын Кар мылькö. Тайö вераö пыртöны да сэсся öти ныв пышійö. Пыштъяс, пыштъяс и öти ёльö сапöг вошö. Сэсся ёльыс и кутас шусьыны Сапöга ёль, кöнкö Висер дорын. Сэсся водзö пышійö да Типö сиктö вотöдз öти тыö шыбитас пасьсö, тыыс кутас шусьыны Сісьпася ты. Сэсся Одыбö вотöдз шор выйым да сійö кутас шусьыны Рыся-Нöкъя шор. Сэсся водзö пышійö, Одыбö воас, а сэні эм шор да сійö шор дорас нылыс кулöма, и лöма Ныв шор. Гашкö, сэсся и Нившераыс сэтысянь лö. Ме ачым нин сідзэ думайта.

ЧУДСКОЙ ХОЛМ

Чудью называют таких людей, которые не веруют. Они свои ямы вырыли в Богородске на холме Кар*. Когда в эту веру их стали обращать, одна девушка убежала. Бежала, бежала и утопила один

сапог в лесную речку, недалеко от Богородска. Речка стала называться Сапюга*. Потом побежала дальше и, не добежав до деревни Троицк*, в одно озеро выбросила шубу, озеро стало называться Сисьпаса*. Затем не доходя до Нившеры* есть ручей, и этот ручей стал называться Рыся-Нюкъя*. Снова вперед бежит, добежала до Одыба и там у ручья девушка умерла и получился Ныв шор*. Может, с этих пор и река Нившера получила свое название. Это уж я сама так думаю.

9. НИВШЕРА

А мыйла эськё юыс шусьё Нившера, тодан? Вёлёма на сэк ставыс съод вёр. Кор ен вераё пыртны кутёмаось, чудьид вёлём пышйёма Нившера ю кузаяс. Пыртчысьяссьыс пышйёны. Сэсся Ныв коськас и вёйёма оти ныв, юас. Вот сэсся сы бёрын и кутисны шуны Нившера и Ныв коськ. Батьё тайё висьтавліс.

НИВШЕРА

А почему эта река Нившерой называется, знаешь? Был тогда еще кругом темный лес. Когда в божью веру стали обращать, чудь бежала по реке Нившере. От тех, кто крестит, бежала. И вот на перекате Ныв* утонула одна девушка. Вот с тех пор и стали говорить: река Нившера и перекат Ныв. Отец это рассказывал.

10. ЧУДЬ ЙЫЛЫСЬ

Важён православной вераад мёдёмаось пыртны да чудйёсьд ыджыд гу кодыёмаось да сэтчө пырёмны асьныс и изняйтёмаось асьнысё.

Вөдзё оти кольёма бабской да мөдөма Мозынөд и мөдігас бөрдөдчөма:

А, кузь лудө, югыд көдөйө,
Иля кырьё, джуджыд кребөдө,
Кар нөрысө да гырысь шыдөсө!

Мозын вывтійс кывтігмозыс век вурөма пась руч куысь. Вөдзё эштөма да лэбөдчөма Мозынас. И өні шуөны сійө местасө Руч во-мынөн.

* * *

Кар нӧрыс дорын эм нюр зэв ыджыд. Зина пӧч бедйӧн ветлӧма да тӱкнитӧма. Вӧдзӧ видзӧдлӧма да изки из вӧлӧма. Чудйӧсыдлӧн сэтчӧ лэбӧдлӧма пышйигас.

О ЧУДИ

В старину, когда стали крестить, в православную веру обращать, чудь выкопала большую яму и туда забралась и сама себя уничтожила.

И осталась одна женщина, и она поплыла по Мезени* и, плывя, все причитала:

Ах, обширные луга наши, хлебцы из ячневой муки,
Береговая круча Илья, высокая крепость, (?)
Городище у излучины реки да крупнозернистая ячневая крупа!

Плывя по Мезени вниз по течению, все шила шубу из лисьей шкурки. А как закончила шить, бросилась в Мезень. И сейчас это место называют Лисьим плесом.

* * *

На прибрежной круче у городища есть очень большое болото. Бабушка Зина однажды ходила туда с клюкой и ткнула о что-то твердое. Потом посмотрела, оказалось, жернов ручной мельницы. Это чудь бросила его туда, когда убегала.

11. СТЕПАН ПЕРМСКОЙ ЙЫЛЫСЬ

Коркӧ Степан Пермскӧйыд из пур вылын мӧдӧдчӧма кывтны Емва кузя. Емва йылас калӧма пыртавны. Кодӧс вермӧма пыртны — пыртчис, а кодӧ и вӧйтчис чудь гуясӧ.

Серегов вылысын Кошка, либӧ комиӧн кӧ Кось, деревня весьтын вӧйим порог, зэв ыджыд, веськыда бузгӧ ваыс, пуӧ. Степаныд и горӧдас:

— Шылясь, порог!

Порогыд эз ло, молялі.

А косьсаяс вӧлӧм эльтӧны Степантӧ:

— Степанӧ, Степанӧ, ур яйтӧ бара сӧйм ӧд!

— А нэмнытö ур яй сёйны тiянлы инö, а льялсяслы кока туисöн ветлавны!

Степаныд воас сэссия Емдинö. А сэни вöлöма зэв ыджыд кыдэ, молитчылöмаоь сийöлы йöзыд. Степаныд тшöктас пöрöдны кыдзтö.

Öти лун кераласны, кераласны да оз пöр. Вой узясны, мöд асыв видзöдöны да кыдзэыс важ кодь ён. Мöд лун бара кераласны, кераласны, бара войнад важ кодь лоö. Коймöд лун Степаныд тшöктас дугдытöг керавны лунтыр дай войбыд. Кыдзэыд и упкыяс-пöрö. Иывсянныс пö сэки кутас лэччыны шыр да дзодзув, зэв уна. Степан тшöктас весьсö биö чышкыны.

Сэссия кыдз местаö собор стрöитасны.

О СТЕФАНЕ ПЕРМСКОМ

Однажды Стефан Пермский поплыл вниз по Выми на каменном плоту. Он ездил в верховья Выми* крестить. Кого смог окрестить — окрестил, а кто и в чудские ямы зарылся.

Выше Серегова напротив Кошек, или по-коми деревня Кось, есть порог, очень большой, прямо-таки бурлит вода, кипит. Стефан и крикнул:

— Стань гладким, порог!

И не стало порога, выровнялась вода.

А жители Кошек было дразнят Стефана:

— Стефан, Стефан, мы ведь опять ели беличье мясо!

— А во веки веков в таком случае есть вам беличье мясо, а жителям Лялей вечно побираться!*

Затем Стефан прибыл в Усть-Вымь*. А там была тогда очень большая береза, народ молился ей. Стефан приказал срубить эту березу.

Один день рубили, рубили, но не упала. Ночь проспали, на следующее утро смотрят, а эта береза по-старому цела. Другой день опять рубили, рубили, а за ночь опять стала, какой была. На третий день Стефан приказал рубить и день, и ночь без перерыва. Береза-то и бухнулась-упала. И тогда с вершины стали сбегать мыши и ящерицы, очень много. Стефан приказал всех их в огонь смести.

Потом на месте березы был построен собор.

12. (ЧУДОПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЯ)

Чудопольской деревняыс коминас шусьö Важму, рочнас — Чудопольской. Сэтчö локтöмаоь кык семья: Порошкинъяс да Руса-

новьяс. Ёти семья — куим вок: Тнмё Иван, Тимё Ёньё да Тимё Пашё; мёд семья — менам дедё да сылён нель пи. Менам батьёлы сэк вёлёма на вит арёс, гачтём на. Найё локтёмаось Белозерскысь. Рочнас Белозерск, коминас Вням. Ситбарсяньыс вит километр. Сэн важён нелямын керка вёлі, ёні некод нин абу. Ойдё вёлём быд во, ёшиньёдзёс ваыс воё да мунёмаось сэтысь.

А кык семьяыс кутёмаось Важмуас стрёйтчыны. Ситбарсяньыс километра джын кымын. Сэсья мыйён пёрёдчыны кутасны, водэ асывнас кутас кывны бёрдём шы. Асывнас чёв да сійён и кылё. Куим асынводэ бёрдённы. Сэсья дугдённы. Сэні неылын эм ты, Чодёпи шусьё. Чодёпи йылас вёр шёрас мунёмаось, а сэні куим гу, кылэи картофель гу, нель сюръя вылё вёлём лэйтёмаось мусё. Сэтчё пырёмаось чудьясыс да сюръяясё перйёмаось и сюръяяс улас и гуасьёмаось. Налы, тыдалё, оз позь сэсья овны, найё полёны йёзсыс, оз петкёдчыны, дзёбсьёны. А гуё вёлём пырёны да ымзалёны толькё, бёрдёны.

ДЕРЕВНЯ ЧУДОПОЛЬСКАЯ

Чудопольская деревня по-коми называется Старое поле, по-русски — Чудопольская. Первыми туда прибыли две семьи: Порошкины да Русановы. Одна семья — три брата: Иван Тимофеевич, Андрей Тимофеевич и Павел Тимофеевич; другая семья — мой дед и его четверо сыновей. Моему отцу тогда было ещё всего пять лет, без штанов ещё бегал. Они прибыли из Белозерска. По-русски Белозерск, по-коми — Вням. Пять километров от деревни Красная. Там раньше было сорок домов, сейчас уже ничего нет. Ежегодно затопляло. Оказывается, до окон вода доходила, поэтому вынуждены были уйти оттуда.

А те две семьи стали строиться на Старом поле. От деревни Красная в полукилометре. И вот как только начали валить деревья, по утрам стали раздаваться звуки плача. По утрам-то тихо, поэтому и слышно. Три утра подряд плакали. Потом перестали. Оттуда недалеко есть озеро, называется Чодэпи. Пошли в лес к оконечности озера Чодэпи, а там три ямы, наподобие картофельных ям, на четырёх сваях земля поднята. Чудь туда забралась, сваи выдернула и сама себя захоронила. Им, видимо, жить больше нельзя было, они людей боятся, не показываются им на глаза, прячутся. А так как решили сами себя захоронить, вот и начали стонать-плакать.

13. ПУЫСЬ ВӨЧӨМ ИДОЛЪЯС

Ог төд, тайё збыль али абу, ме сэни эг вөв, но тайё пö чудь гуяс Олюшина ягас. Чудьяс пö сэтөн вөлөмөс сы мында, мый асыпысö лямөдөмөс. Гу вөчасны, пөтөлөк-йирк, йирк нылас му сөвтасны и пезьдөласны. Олюшина ягсö өнi, навернө, кылөдiс нин Эжяыс, зэя ёна вöлi уськөдö, быд во метров пять сийö пырö. Татшөмтор чудьяс йылысь кывлi...

Чудьяслөн пö вөлөма аслыспөлөс вера, абу Степан Пермскöй кодь. Пуысь вөлөм вөчöны разнöй идолъяс, не то морт, не то сцiк кутшөмкö. Сэсся налөн вөлөмөс аслыссяма попъяс. Найö ндолъяссö сьылөдöны, освятитöны. И сэсся налы кö ёна кевмысян, найö пö вермöны висьомъясысь бурдöдны, несчастьеясысь видзны, отсалöны бур семейнöй олөм вөчны. И отсалö вөлөм идолыс кыйсигөн, мед прөмысыс шедi бурджыка. Правда, идолсö ме эг адзэывлы.

ИДОЛЫ, СДЕЛАННЫЕ ИЗ ДЕРЕВА

Не знаю, это правда или нет, я там не был, но, говорят, будто в Алешином бору* это чудские ямы. Там, рассказывают, было столько чуди, что они сами себя стали давить. Выкопали яму, сделали навес, потолок, на потолок насыпали земли и уронили на себя потолок. Сейчас, наверно, Алешин бор уже снесло рекой Выгегдой, очень сильно разрушало берег, каждый год сносило на пять метров нiлубь. Вот что я слышал о чуди...

У чуди, рассказывают, была особая вера, не такая, какую ввел Стефан Пермский. Делали, оказывается, разных идолов из дерева, не то в виде человеческой фигуры, не то еще как. Потом у них были своеобразные попы. Они отпевали этих идолов и освящали их. После этого, если этим идолам хорошенько помолиться, то они будто бы могли вылечивать людей от болезней, оберегать от несчастных случаев, способствовать в создании хорошей семейной жизни. Идол будто бы помогал и на охоте, чтобы улов был больше. Правда, я сам этих идолов не видывал.

14. ЧУДЪЯС ЙЫЛЫСЬ

Коздинга сиктсянь метра куимсё ылнаын ыбланьыс, Ибалань, вөлөма чудьяслөн населённой пункт. Землянкаясын. Куим километр Коздинга сиктсянь Ёртомалань — мөд населённой пункт. Вөлөмөс

землянкаяс, трубаясыс онөдэ на эм. Сюрлөны өні на глинянөй горшөкъяс, важ мончтаяс, морт юръяс.

Дедъяс висьталөны: найө пөгибнитөмаөсь неурожайысь, кодї вөлөма сизим во.

Крест деревняысь, гор улас, кор буждөдас, черепъяс тыдалөны. Чуд гурейтны — кодйыны. Важөн шулөмаөсь: зөлөта пө эм.

О ЧУДИ

На расстоянии около трехсот метров от деревни Коздинга в сторону деревни Иба был когда-то населенный пункт чуди. В землянках жили. В трех километрах от Коздинги в сторону Ертомы — второй населенный пункт. Были когда-то землянки, трубы от печей до сих пор еще имеются. И теперь еще иногда попадаются глиняные горшки, старинные монеты, человечьи черепа*.

Деды рассказывают: они погибли от неурожаев, которые длились семь лет. В деревне Крест, под горой, когда бывают осыпи, черепа бывают видны.

Чудь ковырять — значит копать чудские ямы.

В старину говаривали: золото, мол, там есть.

15. ПИНЬТӨМ ТӨДЫСЬ

Чуб ты диньн эм вутшкөсь места, да сийөс муныштан и воас шылыьд видэ, нөрыса. И сэни эм виска ты, чери ёна вөлі пырө сэти тыас, а кульмысьөм бөрас бөр петө. Ёна вөлі кыйөны нөрысаннас. Ылжыд ийө аддзас өтчыд сэтысь розь, зор төриг. Муыс розя. Сэсся сийө босьтас бедь да сийөс розяс лэдзас — беддыд оз и судз. Сэсся сийө босьтас потшөс майөг, сюяс да пырө и пырө. Сэсся кисьыс лэдзас майөгсө, мөдыд усьө да толькө тронкылө. Бара кыпөдас да лэдзас — бара тронкылө.

Сэсся мян сэни Пиля Елим вөлөма төдысь да сийөс корас ыджыд аё. Шуас, вот пө сэтшөм и сэтшөм розь аддзи да кодйысь-лам, мыйся тайө розь. А сийө шуас: «Менам вомөй нин пиньтөм да клад эськө тані, но заговора клад да, ог лысьт кутчысьны». Сэсся сідзи ээ и төдмавны.

А өні розьыс буждїс ли ээ ли, ог и төд. Сэти ставсө нин местасө луалисны да.

БЕЗЗУБЫЙ ЗНАХАРЬ

Около озера Чуб есть кочковатое место, пройдешь его и придет гладкий покос, холмистый. И там имеется озеро с протокой, здорово некогда по этой протоке рыба заходила в озеро, а как отечет икру, выходит обратно. Много, бывало, вылавливали на этом холмистом месте. Однажды мой дед там обнаружил дыру, диаметром в толщину дубины. В земле дыра. Взял он палку и просунул в дыру — палка и не достала дна. Потом он взял пряслину из изгороди, просунул — та лезет и лезет. Он выпустил из рук пряслину, она упала и только звон пошел. Снова поднял и отпустил — опять пошел звон.

А у нас был когда-то знахарь Пиля Епим, и дед позвал его. Сказал, вот, мол, такую-то дыру обнаружил, давай покопаем, что за дыра это. А тот ответил: «В общем-то здесь клад, но клад заговоренный, а у меня уже рот беззубый и потому я не смею браться за это дело». Так потом и не узнали.

А теперь дыра эта обвалилась ли, нет ли, не знаю. Это место уже все разрыли.

16. КАТША СИКТ (ДЕРЕВНЯ КАТША)

В деревне Катша сикт* у брата дом был двухэтажный. И там сосна стояла. На этой сосне много *катша* (сорок) сидело. Поэтому и Катша сикт. Под этой сосной, говорили, чюдь деньги прятала. А никто не мог этих денег найти. Лишь когда сосна упадет, потом и деньги выйдут.

Однажды мужики собрались и решили веревкой свалить сосну. А жена брата с большим ведром выходила деньги собирать. И находили деньги 1700 года, екатерининские деньги находили.

17. ЧУДЬЯС

Чудьяс воасны (бать висьтавліс, найö кьвтыдысь локтöны вöлöм), шысö джджас сатшкасны и навись кьндзи некод оз вермы кыскыны. Узясны сэсся. Найöс некод оз вөрзёд, и найö оз вөрзёдны. Узясны и мунасны.

ЧУДЬ

Чудь придет (отец рассказывал, они снизу приезжали), копье воткнут в пол, и, кроме них, никто не мог вытащить. Потом заночуют. Если их никто не трогает, и они никого не тронут. Поспит и уедут.

18. КАМБАЛ ЯГ

Көні өні монастырыс тыдалө, сэтчө первой стрөйтлөмайсь часовня. Урал сайысь купечьяс век вөлөм волöны каюк пыжөн. Ме сийö каюк пыжсö помнита на. Таті мунльвлісны. Доддясясны да берег пöлөиыс кыскöны гезйөн. А Ульяна весьтас эм татшöм яг, Камбал яг. Камбал ягас куншöмкө бандигъяс олöны вөлөм, чудьясөн шуöны. Чудьяс вөлөм дзевсьöмөн олöны, дас кык морт. Вот купечьяс вөлөм мый катöдöны пыжөн, найö чудьясыс сийö грабитöны, и сэссия став кöлуйсö Камбал ягас кыскöны, чудь гуын олöны да чудь гуас дзевöны.

Вөлөма öти озыр купеч и сылөн ныв Ульяния. Купечтö грабитасны и нывтö тшöтш сэтчө виасны. Вот сылөн ним кузьяыс стрөитасны монастыр, Ульяна монастыр. Дерт, сразу оз монастыр, а часовня первой. Но часовня заводитасны озыр купечьяс стрөитны, и став мирыс отсаласны стрөитны. И сэтчө сэссия йöзыд овмöдчаласны...

А чудьяслөн вөлөма командир, руководитель. Ог помнит нимсö...

[— Абу Тунныръяк?]

— Да, да, Тунныръяк. Сийö командуйтö вөлөм дас кык морт-нас. А Тунныръяклөн тані Нöрыс сиктын вөлөма дöва. Да дöва дорас воывлө, сыкод вөлөм любитчöны. Сэки деревняыс, дерт, эз на ыджыд вöв, эз та ыжда. Найö ёна кутасны пакöсь вöчны деревня-ыды. Скөттö вөлөм вийöны, мөстö, ыжтö.

А сэссия кытчö воштысьны? Мöскваыс пö сэтчө корöмаöсь армия. Морт кызь кымын волöмаöсь армия Мöскваыс. Сэссия Тунныръяклысь бандигъяссö помаласны, лыйласны. Тунныръяксö татчö жö вийöмаöсь. Селев му нöрысö суöдöмаöсь, сэтчö вийöмаöсь и гуалöмаöсь. А сыöдз на ачыс Тунныръякыс быттö шуöма, онö кö пö менö няня пуляөн лыйö, ме пö ог кув. Сэссия свнеч пуля зарадитасны, а вылас няня пуля и лыйласны.

А налөн, бандаыслөн, вөлөма бур ружьяс, винтовкаяс, мөдгор вөлөма. Сийöс дзевлөмаöсь Камбал ягас. Камбал ягас пö чудь гуыс эм да некод оз тöд көні. Петук вөлөн кө гöран, сэк сийö кыптö и оружиеыс налөн сюрас. А петук вöвсö нö кысь корсян?

БОР КАМБАЛ

Там, где сейчас стоит монастырь, сначала была выстроена часовня. Сюда из-за Урала часто купцы* приезжали на лодках-каюках. Я эти лодки-каюки помню. Здесь проходили, бывало. Впрягутся в них люди и тянут вдоль по берегу против течения на веревках. А напротив Ульяны есть бор, называется бор Камбал*. В бору Камбал в то время жили какие-то бандиты, чудью их называли. Чудь эта прячась жила, двенадцать человек. И вот везли купцы на лодках свои товары, а эта чудь их грабила. Все награбленное потом относили в бор Камбал. Они жили в чудской яме и в этой яме прятали все отнятое у купцов.

Был один богатый купец и с ним его дочь Ульяния. Купца-то ограбили и дочь его там же убили. И в честь ее построили монастырь, Ульяновский монастырь. Конечно, сначала не монастырь, а часовню выстроили. Часовню начали строить богатые купцы, а весь народ стал помогать им строить. И потом там народ стал селиться...

А у чуди был свой командир, руководитель. Вот не помню имени...*

[— Не Тунныръяк?]

— Да, да, Тунныръяк. Он командовал этими двенадцатью людьми. А у Тунныръяка здесь в деревне Нэрыс* была вдова. К этой вдове он приезжал, любовную связь с нею имел. В то время деревня, конечно, была еще маленькой, не такой как сейчас. И они, Тунныръяк и его люди, очень стали пакостить в деревне. Скот резать, коров, овец.

Ну какой отсюда выход? Из Москвы пригласили отряд воинов. Около двадцати человек было в московском отряде. И они тунныръяковских бандитов всех прикончили, расстреляли. Самого Тунныръяка тут же убили. Настигли его на мысу Селев му*, там убили и захоронили его. А перед смертью Тунныръяк будто бы сказал, что если в него не выстрелят хлебной* пулей, то не убить его. Поэтому зарядили на него ружье свинцовой пулей, а поверх положили хлебную пулю, так и застрелили его.

А у них, у этой банды, были хорошие ружья, винтовки и прочее. Все это они спрятали в бору Камбал. В бору Камбал, говорят, имеется чудская яма, но никто не знает где. Если вспахать бор на петушиной лошади*, то яма вскрыется и оружие обнаружится. А откуда ж взять петушиную лошадь?

19. ЧУЙД ГУЯС

Поп пугырын, сөрлаэдор бөкас, зэв ыджыд гуяс выйимось. Өні на найо тӱдчӱны. Мый сийӱ, точнӱя ог вермы висьтавны, но коркӱ сэтӱн овломӱось кодкӱяс.

Войнаӱдэ на кодкӱ тай воліс да дядьӱ менам сэтчӱ специальнӱ новлӱдліс петкӱдлыны гуяссӱ, кодйысьны на мӱдӱмаӱось, абу тай жӱ сэсся кодйысьӱмаӱось-а.

Коркӱ ми сэтчӱ сюрлім племешкӱд. Бабаяс мунісны вотчыны протоха-лаэдор бӱкас, а ми сыкӱд уткаяс повзӱдыштны мунім и как раз сэтчӱ, сэтӱн тай дэоля гӱгрӱс пугыр пыйим, сэтчӱ. Сэтысьня ӱд зэв матын Поп пугырӱдзыс, толькӱ сук баддя, перешеек, син водзэд и выйим.

Сэсся Гӱгрӱс пугырӱсӱ гӱгӱртім, зэв ӱд дэоля сийӱ, да, меся, вай висьтала племениклы, вуджам бабаяс дорӱ, нинӱм тай жӱ утка абу-а.

Мунім бадь костӱдыс. Туй на сэтшӱм, ота кодь и выйим, нуӱдӱ сэтчӱ. Сэсся мунім, мунім и бӱр Гӱгрӱс пугырас воим. Мый нӱ тайӱ? Вай, меся, мӱдысь пробуйтам. Тэ водзын, а ме, меся, тэ бӱрсяньыд кута направляйтны.

Мунім, мунім и бара бӱр воим Гӱгрӱс пугырас. Өні бара, меся, вай ме водзын муна, а тэ бӱрсяньӱдӱ. Сӱ метраыс на ӱд сэтӱн абу, кыдэ, меся, ог вермӱ вуджны?

Мунім, мунім да бара бӱр гуяс дорас очутитчим...

Лои сӱр вомӱныс, берег пӱлӱныс сэсся мунны, ваӱдыс да туру-на вутпӱгӱрьясӱдыс. Кӱтасим, но воӱдчим жӱ сэсся Поп пугырӱ.

Бабаяслы на висьталам да оз веритчыны.

ЯМЫ ЧУЙДОВ*

В Поп пугоре* со стороны сора* есть очень большие ямы. И поныне еще они заметны. Что это, я не могу сказать точно, но когда-то там кто-то жил.

Еще до войны один кто-то приезжал, и мой дядя специально его возил туда, чтобы показать эти ямы, хотели даже покопаться там, но потом все же не стали копать.

Как-то раз мы туда с моим племянником попали. Женщины пошли на другую сторону, к протоке, собирать ягоды, а мы с ним пошли погугать уток и как раз туда, там еще имеется маленький круглый пугор*, — туда. Оттуда ведь очень близко до Поп пугора, только один перешеек, поросший густым тальником, под самым носом и есть*.

Обошли Круглый пугор, он ведь очень маленький, и я говорю племяннику: давай-ка, говорю, перейдем к нашим женщинам, все равно никаких уток нет.

Пошли через тальник. Тропинка еще ведет туда, довольно широкая. Шли-шли и пришли обратно на Круглый пугор. Что это такое? Давай, говорю, попробуем второй раз. Ты иди впереди, а я, говорю, следом за тобой направлять буду.

Шли, шли и опять обратно пришли на Круглый пугор. Теперь олять, говорю, давай я впереди пойду, а ты сзади за мной. Там ведь и ста метров нет, как, говорю, не можем перейти?

Шли, шли да опять очутились около этих ям...

Пришлось идти поперек сора*, вдоль берега, через воду и кочки с травой. Вымокли, но все же добрались до Поп пугора.

Потом женщинам об этом говорили, да еще и не верят.

20. ВАЖЪЯС ПОМЛАСЬ

Кыдзи найö сәни олоны, Лешака чельяяс?! Пурйөн вöли кывта. Пемдö. А как раз чельяя весьтас слöйми войковтнысö. Видзöда да, нюр шöрас только бергалö биыс. Сәсся воши. Код тöдас, кытчö сийö лон важъяясыс.

Коркö тай сән аддзöмаöсь лысö сьлысь да метра нель кузя, лыыс быдсөн каменейтöма. Сәсся, висьталим да, кунимö кералöмөн, кытчöкö тай нуисны.

Куль чуньяс на сән аддзывлисны. Сийö бара ваупсалөн чуньяс. Сийö пöд водья петавлö. Морт модаа. Биён и воедö. Воедас, воедас и сунас.

Лешака чельяядзыс тасянь дас вит верст.

О ДРЕВНИХ

Как они там только живут, в Лешаковой круче?!* Как-то раз пльыву было на плоту. Темнеть стало. А как раз напротив этой кручи случилось заночевать. Смотрю, а посередине болота огонь так и крутится. Потом исчез. Кто знает, куда они подевались, эти древние-то.

А как-то нашли там кости, так одна кость-то длиной около четырех метров, вся закаменела. Потом сообщили об этом, и увезли куда-то, разрубив предварительно кость на три части.

Чертовы пальцы* там тоже находили. Это пальцы водяного. Он перед утопленником показывается. На человека похож. В виде огня он и бежит. Бежит, бежит и нырнет.

До Лешаковой кручи отсюда пятнадцать верст.

21. ФЁДОР ТИРОН

Зэв важон Печераын вөлөма кутшөмкө религиозной деятель Фёдор Тирон. Сійө, гашкө, Иван Грозной дырри на вөлөма. Ай сідэ висьталіс. И сійө печераса комияссө, - сэк од нии комиясыс сэтөн оломәөсь, - христианской вераас пыртлөма. А миян глухой крайын верман өмөй өдийөн пыртны, язычникъяссө. А найө на сэк вөв яй да мый да сөйлөмәөсь.

Сэсса этийө священник ли, епископ ли, Фёдор Тиرونыс, деревняыс деревняө ветлө. Оз жө көнкө отнас ветлыв, отряд жө көнкө аслас сылөн. Отрядөн ветлө и розгаөн накажитө. Пырталө. Велөдө, кызди пасьясыны да мый да. А мый тан дикой глушь на сэк да, мый төдасны!

Сэсса юасьө мөдыс: он-ө идоллы кевмысьө?

А лек йөзыс од быччамаыс жө выйим да ёрта-ёрт ныланыс и висьталөны сылы:

— Опять кобылятина-то тәпали!

Сэсса и розгаөн найөс накажитө. Сэсса комиясыс и пышйөны вөлі Из саяс, өсьтякъяс дорө.

Зэв важон сійө вөлі, гашкө, XIV—XV век. Сэсса од ме мыйөн төда, Фёдор Тиرونөн тай шуисны-а.

А өсьтякъясыс дзик коми кодь жө. Яранъяс од вот ляпкыд тушаа, сьөд, сэтшөм жөсткой юрсиа, паськыд рожжаа. монгольяс кодь. А өсьтякъяс чужөм сертиыс коми кодь — гырысь тушаа, рослөй йөз, светлөй юрсиа. Только сувтса синма. Висьтавласны тай: «сувтса синма өсьтяк кодь». Мый нө, дикой природаас олөны, асьтө колө и защищайтны, и вердны — ачыд дикой кодь лоан.

Важон комилөн өсьтякъяскөд связь вөлөма, найө и происхождение сертиыс отилаысь. Дед висьтавліс: өсьтякъяс воливлөмәөсь Печера вылө ньобасыны, напильник-пуртъяс, дроб-порок, пицальяс. Напильниксө дорасны и пурт керөны. А сэсса кодсюрө и жулик кодьөсь, кузнечьяс да, прөстой стальной пурт дорас, а только напильник серсө вылістыыс керас н быгттьө напильник-пурт. Вот сэсса и нарушитчас ас костаныс ньобасьөм-вузасьөмыс.

Ляпин пыр воливлөмәөсь өсьтякъясыс. Купец Сибиряков на керлөма туйсө. Медводз подөна туй вөлөма, а сэсса и прамөй вөла туй лоөма. Щугор юас усянінас на зэв ыджыд амбарьяс сулалөмәөсь, медым вузасыны, сибирской нянь вайлөмәөсь и.

А өсьтякъяс сэтысь өсетри вайлөмәөсь кынтөмөн, метраён джынийөн кузя өсетри. Сэсса миян видзөдоны: кодөс сразу кыйөмөн вайөмәөсь, а кодөс дом йылын видзөмәөсь. Шагля пырыс да вом

пырыс гез сюясны и видзёны төлөдзыс дом йылын. Но, сылы сёяныс сэк озджык сюр да сійо абу нин сэтшөм бур.

А сэсса волывлөмаось вөвъяс ньобны. Шаманъясыс ли мый ли ыстасны сера пөв ньобны, сьод сера сэтшөм, мөс кодь, миян вөвліны. Сэсса и ветлөны, корсьоны деревняысь деревняө. Сяа быттьо енныс налөн коро только сэтшөм вөв. Сэсса сійо вөвсө найо енныслы жертвуйтоны.

Вот сідз осытка-комиыс костын вөвлөма важон.

Фёдор Тиронсьыс пыпийлөмаось комиысыс Из сайо да осытка-яскөд сорласьомаось. Сійон өні и светлөйось, абу яран кодь. А сэсса кылыс бырөма, сідз тай пыр овло, өти народ кө модь костын, унджык костын оло, асланыс кывныс бырө, вунө, модь кыв выло вуджоны.

ФЁДОР ТИРОН

Очень давно когда-то на Печоре был какой-то религиозный деятель Фёдор Тирон. Он, может быть, жил еще при Иване Грозном. Отец так рассказывал. И он (Фёдор Тирон — Ю.Р.) печорских коми, — тогда ведь коми уже там жили, — в христианскую веру обращал. А у нас в нашем глухом краю разве сможешь быстро окрестить язычников. А они (коми — Ю.Р.) тогда еще кониной и тому подобным питались.

И тогда этот, то ли священник, то ли епископ, Фёдор Тирон, ходил из деревни в деревню. Не один же, видимо, ходил, отряд же, видимо, у него был. С отрядом ходит и розгами наказывает. Крестит. Учит, как молиться и прочее. А что тогда в этой дикой глуши, что они (коми — Ю.Р.) могли знать!

И вот он (Фёдор Тирон — Ю.Р.) спрашивает: уж не идолам ли вы поклоняетесь?

А нехороших-то людей ведь всяких немало же есть, и они друг на друга и доносят ему:

— Опять кобылятину-то ели!

И их опять розгами наказывают. Поэтому коми бежали было за Камень, к осякам.

Очень давно это было, может, в XIV—XV веках. Ну, а мне-то откуда это знать, а звали его Фёдором Тироном.

А осяки-то совершенно такие же, как коми. Ненцы ведь вот низкорослые, черные, с такими жесткими волосами, широколицые, как монголы. А осяки на лицо такие же, как коми — высокие, рослые люди, со светлыми волосами*. Только глаза у них стоячие*. Поговорка такая есть: «как стоячеглазый осяк». Ну, конечно, они

же живут в дикой природе, надо и себя защищать и кормить себя — поневоле сам будешь как дикарь.

В старину у коми с остяками связь была, они и по происхождению одинаковы. Дед рассказывал: остяки присажали на Печору за покупками, покупали ножи, сделанные из напильника, дробь-порох, ружья. Напильник-то выкуют и нож из него делают. А иногда некоторые жуликоватые, кузнецы-то, и куют нож из простой стали, и только поверху ножа сделает насечку, как у напильника, как будто действительно нож из напильника. Вот из-за этого и нарушилась между ними торговля.

Через Ляпин ездили остяки-то. Еще купец Сибиряков этот путь проложил. Сначала пешеходная дорога была, а потом и настоящей санной дорогой сделалась. Около устья реки Шугор когда-то стояли большие амбары, чтобы торговать, и сибирский хлеб привозили по этому пути.

А остяки оттуда мороженных осетров привозили, полутораметровых осетров. А наши, бывало, смотрят: какого осетра привезли, сразу выловленного, или которого на привязи держали. Через жабры и через рот пропускают веревку и до зимы держат на привязи. Но ему в таком положении еды-то не хватает, и он уже не такой хороший.

А потом бывало приезжали лошадей покупать. Шаманы что ли посылают их покупать пегих лошадей, черно-белые, как коровы, у нас были лошади. И вот они ходят из одной деревни в другую, ищут. Это у них вроде бы и бог требует себе такую лошадь. И потом они эту лошадь жгут своему богу.

Вот такие в старину были отношения между коми и остяками. От Фёдора Тирона убежали коми за Урал и перемешались с остяками. Потому-то они сейчас светловолосые, не такие, как ненцы. А потом язык они свой забыли, так ведь всегда бывает, когда один народ в окружении другого проживает, если этот другой народ более многочисленный, и свой язык у них исчезает, забывается, на другой язык переходят.

22. КАРАЧИ ТЫШКАСЬÖНЫ ÖСЬТЯКЪЯСКÖД

Карачиас сійö, но племена ли, народ ли сэтпöм. Мöдöдчасны войнаöн. А собериччöм водзвылас шаман,- кöрдорсаяслöн тай пыр шаманъяс, гашкö, öнi на шаманъяс выймöсь,- решитас испытайтны: бур али лёк ветлöмыс лöö.

Босьтас стрела. Сэк öд только стрелаöн на воуйтöмаöсь. Кос воль öшöдас — сэтчö лыйны. Вир кö петны кутас — а колян вося

вольысь нō кутшōм эськō вир петас, — но налōн, шаманъяслōн, гашкō, збыль вермас да. Сэссия ая-пиа. И пиыс льяс. И збыль вир чеччас.

Старикъяс кутисны сёрнитны: оз ков мунны, несчастной лоас ветлōмыс. А код воинственнойджык, найō и мунны мōдōны. Őсьтякъяскōд воуйтны. Кōнкō Ляпин края жō найō олōны. Сэтчō воасны да сувтасны да харейясныссō сувтōдōмаōсь да топ кос вōр дī. Кōнкō унаōн жō муномаōсь. Тайō тай коркō пōжаръяс дырйи сотчас да пуыс куш кольō, сīдз жō.

И ая-пиаыс мунасны ōсьтяк станас. Но мыйкō, гашкō, договоричыны ли мый ли, ōнī тай кыдз парламентаръяс, мед мирōн ли мый ли, воуйтгōг договоритчыны. А ōсьтякъясыс босътасны да кōрталасны, нярталаōн гартласны чомъяс. Ая-пиаыс кыкнанныс зэв вынаōсь. Найō только сīдз и петōны кисыныс, оз сетчыны. А пока айыскōд вермасысны, пиыс разъяс да тшын розъ пырыс чеччыштас, чомъяс тай вот мукота розъ эм. Дадюлас пукъяс да исковтас ас дораныс. Сэссия вōлись, навернō, вōййтисныс.

И кыдзи старикыс и висъталіс: несчастной воуйтасны.

КАРАЧЕИ СРАЖАЮТСЯ С ОСТЯКАМИ

Карачеи — это племена что ли такие, или народ такой. Отправились с войной. А перед тем, как собраться, их шаман — у оленеводов-то всегда шаманы имеются, может, и сейчас еще у них шаманы имеются — решил испытать: удачная или неудачная будет поездка.

Взял стрелу. Тогда ведь только стрелами и воевали. Повесил высохшую оленью шкуру, собираясь выстрелить в нее. Если кровь будет идти из шкуры — а из прошлогодней оленьей шкуры разве будет кровь, — но у них, у шаманов, может, и правда так получится. Стреляли отец с сыном. Сын выстрелил. И правда кровь пошла. Старики стали говорить: не надо отправляться, несчастной будет поездка. А те, которые более воинственно настроены, они все равно ехать собираются, с остяками воевать. Где-то в ляпинском краю живут те остяки. Туда прибыли и остановились, и хорей свои повтыкали в снег, и получился как будто остров из сухих деревьев. Видимо, много людей туда отправилось. Вот когда случится пожар в лесу и останутся торчать одни голые деревья, вот такое же впечатление.

И отец с сыном отправились в остяцкий стан. Ну, может, договориться с ними что ли, как современные парламентары договариваются, чтобы мирно что ли, без войны договориться. А остяки взяли и связали их, в чуме их арканами связали. А отец с сыном оба очень

сильные были. И вырываются они только так из их рук, не поддаются. Пока с отцом боролись, сын как-то развязался и через отверстие для дыма, в чумах-то имеется отверстие, через это отверстие выскочил. На оленью упряжку сел и покати к своим. После этого, наверно, только воевать стали.

И как сказал старик: неудачно повоевали.

23. ВАСЬОС ВИЙОМ ШОР

Тайо Турьяыс историяс вёлма коркё московской пограничной отряд, пограничной округ, стенсё кодъяс пуктылёмась, тані вёлі олёны, а Князьпогостас князьыс вёлм оло. А татчё вёлм кутшомкё Вась, цар ли тожё князь ли, кёсийо стрёитчыны ёна. Сэні Кар яг выйим, шуоны Кар яг. И Кар ягас сійо заводитлаёма стрёитчыны...

Важён од, видзёдлы, прёмышляйтёны, сыысь и нажёнитчёны вёлм. А таті, видзёдлы, прёмыса вёлма. И сійо князьыс кё овмёдчис, прёмысыс некодлы йёзыслы кыйнысё некытысь лои, найо эськё гёля кугісны овны. Сійо эськё кугіс эксплуатируйтны йёзсё. И вот сійо Васьсё вийёмаось сэтчё шор дорас кыгчөкө. И вот сійо Васьёс Вийёмон и шуоны, а ягсё Кар ягөн век шуоны. Кытчё стрёитчылёма. Сійо зэв мича ягыс, сэні тшак петө, гоб весиг петө. Ми сэтчө частö вольвлам, мөдар берегас. Кар ягө вуджавлам гобла.

РУЧЕЙ УБИЙСТВА ВАСИЛИЯ

Эта Турья была историческим московским пограничным постом, пограничным округом, жили там те, которые стены воздвигли. Здесь они жили, а в Княжпогосте проживал князь. И вот некий Василий, то ли военачальник, то ли тоже князь, очень хотел здесь город построить поблизости. Есть там местечко Кар яг*. В Кар яге он и начинал строить город...

А прежде ведь, сам посудите, там промышляли охотой, этим и кормили себя. Места богатые были в смысле промысла. И вот если бы этот князь на них поселился, то народу-то неоткуда бы стало добывать пушнину и дичь. Стали бы люди жить бедно. Он (князь — Ю.Р.) начал бы тогда их эксплуатировать. И вот того самого Василия убили где-то около этого ручья. И ручей стали называть Убийство Василия, а бор — Кар ягом всегда называют. Этот бор очень красивый, там грибы растут, даже белый гриб растёт. Мы туда часто ездим, на другой берег. В Кар яг — за белыми грибами.

ԱՆՈՒԿ

**ЁН ДА ТӐДЫСЬ
ЙӐЗ ЙЫЛЫСЬ
ВИСЬТЪЯС**

**ПРЕДАНИЯ
О МЕСТНЫХ СИЛАЧАХ
И ЗНАХАРЯХ**

24. ПЕРА-БАГАТЫР

ажөн Рупта расын (Комму туй вылын) овлома Пера. Сійо вөлөма зэв ён. Рупта расын уна вөлөма прёмыс, Пера ёна вөлөм кыйсьо. Сэн жө кыйсьо вөлөм вёрса. Найо рас вылад мырддысьёмла спорө воасны. Вёрса нөлөм шуо: вай пө снланымөс мерайтам, кык киа паличөн кыскасям. Пера зэв ён мыр бердө сюмысөн гартчас (водэвыв кыз сюмыс лөсьодас), сэсся кутасны кыскавны. Вёрса зэв ёна кыскө, мырлөн вужъясыс быдсөн рутшка-ратшкакылөны. Вёрса юалө: мый нө пө тайо кылө?— Тэад пө тай коскыд оръясьо. Сэсся вёрса повзяс да чеччас кыскасьёмысь.

Сэсся вёрса юалө: тэ пө нө кор узьлан? Пера шуо: кор пө ме ки ни кок ог вөрзёд, сэк пө ме узя. Тэ нө пө кор?— Ме пө кор унмовся, вомысь тшын быдсөн петө, чомйө дрөжжитө, сэтшөма пө ме узя.

Пера дөгадайтчас да кызэ пу чурка лоддя дорө водтөдас, пасьтөдас да шебрөдас, ачыс бокө мунас кыйөдчыны. Войын вёрса локтас, кыйөдчө, видзөдө: Пера узьө. Пера пө десятой!— (дасөд вийөм морт) горөдас. Пера асьсө лыяс: дявөл пө первой!

Вёрса кулө. Пера вёрсалысь бабасө босьтас да сыкөд кутас овны. Олісны, олісны да коркө Пера адзис бабаыслысь той вийөм. Бабаыс вөлөм асьыс юрси кучиксө кульыштас да тойяссө помнас тричкөдө-виялө. Пера зэв ёна скөрмас да бабасө көсьяс вины. Баба пышъяс. Пера вөтчас да Розь туй вылысь нюр вылө суас да сэтчө вияс.

Коркө Пера дінө пара вөлөн локтасны: сар ыстөма Перасө корны. Пераөс пө корисны сар дінө. Пера вөлөм шуо: ме пө вөв долдө ог сөв. Мен пө төлькө висьталөй, кутшөм ныр пө колө муннысь.— Рытиввыв пө колө мунны.

Пера лызь вылө солас да мунас. Вежон водэджык Пера воас сар дінө пара нөла дорысь. Сар вөлі шуо: неприятель пө колеса лэдзө да войскаөс жугөдө; тэ пө сійо колесасө тюрюгкостыд кут. Пера мунас, колеса тюрюгкості кватитас да жугөдас. Сар зэв ёна сійөс

госьтитодас аслас дворечын да шуо: вай пö менам вольпасьö вод да узь. Мөдлуи сар чеччас да Пералысь юало: кутшöм пö узьны менам вольпасьыс?— Меям лоддя кодьöй пö абу на.— Вай пö, кутшöм лоддяыд, петкөды.

Пера öшинь улас лоддя вöчас да сэни-й узяс. Меям лоддяыд пö медся на лöсьыд узьлыныд.— Мый пö тэд колö награда?— кугас шуны сар.— Меным пö колö тöлькө Рупта рас, сы кындзи пö нинöм оз ков.

Сар сөгас сылы Рупта рас век кежлö. Пера бөр мөдöдчас аслас Рупта раскас.

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

В старину в роцце Рупта (по дороге на Прикамье) жил Пера. Он был очень сильный. В роцце Рупта было много зверья и птицы, Пера много промышлял. Там же, оказывается, промышлял леший. Они в соперничестве за владение роццей пришли в спор. Леший предложил: давай, дескать, померяемся силами, потягаемся на палке*. Пера к очень крепкому пню привязался сыромятным ремнем (заранее, оказывается, толстый сыромятный ремень приготовил), и начали тянуться. Леший очень крепко тянет, корни у пня даже затрепали. Леший спрашивает: что, дескать, за треск слышен?— Твой, дескать, жилы на поясице рвутся. Леший испугался и перестал* тянуться. Потом леший спрашивает: как, дескать, ты засыпаешь? Пера говорит: когда, дескать, я не шевелю ни рукой ни ногой, тогда, значит, я сплю. А ты, дескать, когда?— Когда, дескать, я усну, изо рта только дым валит, шалаш дрожит, так, дескать, я сплю.

Пера догадался о замыслах Лешего и около своего костра положил березовую чурку, одел ее, как самого себя, покрыл одеялом и отошел в сторону, подсматривает оттуда. Ночью пришел леший, подкрадывается, глянь: спит Пера. «Пера, ты десятый!» — крикнул Леший (десятый убитый человек). Пера тем временем его самого застрелил со словами: «Дьявол, ты у меня первый!» Когда Леший умер, Пера взял жену лешего, стал с ней жить. Жили-были, и однажды Пера увидел, что жена бьет вшей. Жена, оказывается, снимает кожу с головы и вшей зубами* только и щелкает-убивает. Пера очень сильно рассердился и хотел убить жену. Жена убежала. Пера погнался за ней и на болоте на дороге Розь* настиг ее и там убил.

Однажды к Пера приехали на паре коней: царь прислал просить Перу. Пера, дескать, зовут к царю. Пера, говорят, ответил: я,

дескать, на сани с лошадьми не сяду. Мне, дескать, только скажите, в каком направлении идти. — На запад, дескать, надо идти, — ответили посланцы.

Пера встал на лыжи и пошел. На неделю раньше Пера прибыл к царю, чем те, что ехали на паре коней. Царь ему сказал: неприятель, дескать, пускает на мои войска колеса и губит людей*; ты, дескать, эти колеса, когда они катятся, поймай. Пера пошел, схватил катящиеся колеса и сломал. Царь очень хорошо угостил его в своем дворце и говорит: «Давай, ложись на мою постель и спи». На следующий день царь встал и спрашивает у Перы: «Каково спать на моей постели?» — «Хуже, чем около моей нодьи», — отвечает Пера. «А покажи мне, какова твоя нодья?» — заинтересовался царь. Пера разжег нодью под окном дворца и стал там спать. У моей нодьи, дескать, лучше всего спать. «Что тебе надо в награду?» — спрашивает царь. «Мне нужна только роща Рупта, кроме нее мне ничего не надо», — отвечает Пера.

Царь дал ему рощу Рупту навеки. Пера отправился обратно в свою рощу Рупта.

25. ЁН МОРТ ПЕРА

Коми муын, Пермакланьын, оліс вöрын, Лутья раскын, ён морт Пера, вокыскöд. Пера вöлі ёна кыйö быдсяма зверöс. Вокыс дышмис вöрын олöмысь да сэсся муніс коммуса князьлы служитны. Пера коли öтнас. Коркö дыр мысьт коммуса князь вылö сувтіс войнаөн лунвылса сар, да сійö ёна пондöма öбедитны аслас сюсь йöэнас, кодьяс кужöны вöлöм ветлыны «көлесаөн» да зэв ёна вермöны жугöдны йöэс. Коммуса князьлы вöлі некыгчö нин воштысьны. Сэк локтіс сы дінö Пералөн вокыс и шуö: менам пö эм Пера нима вок, зэв ён, сійö кө оз вермы тайöяскöд водзасьны, сэсся некод нин оз вермы. Сэк коммуса князь ыстіс сійös корны Пера вокös.

Пера вöлі сэтшöм ён: пывсян койд изьяс вöдитö мачös моз; сэтшöм сюсь лызёöt ветлыны: юрас кө кöрталас дас кык сывья сюмыс, сюмыслөн помыс муас оз и инмывалы мунігас.

Пералөн вокыс воис сы дінö князь дінсянь да и шуö: «Менö ыстіс князь тэ дінö, корны тэнö воюйтны да дорйьны сійös лёк йöзысь».

Жаль вöлі Пералы кольны ассьыс чужан мусö, но вокös да князьös дорйöмысь эз ёна пыксьы, и мөдöдчисны найö князь дінö.

Пера муніс быттöкö ньöv. Вокыс сійös эз и аддзыл. Пера воис воюйтанинö, кутіс шензьыны. Коркö сувис сійös вокыс, кутіс висьтав-

лыны сылы: со пö тай көлесаыд локтö, верман кө, кут сійöс да ви. Пера öтик көлесаöс кватитис да чуш-чашвартис! Сэссия мөдöс! Коймөдöс! И сідэи ставсö. Кор быри луныввса сарлөн став йöзыс, найö бергөд-чисны бөр.

Пера аддзис ассьыс виялөм йöзсö, сэссия повзис и кутис думай-тны... Сэссия шуö вокыслы: «Вот ме мыйта морт вий! Менö татысь судитасны! Лоö пышйыны!»

Сэк вокыс шуö: «Дугды, Пера вокöй! Эн думайт, мый тэ лөк вöчин, миян князьлы тэ вöчин зэя ыджыд бур, и сійö тэнö награди-тас». Сэк мунисны найö князь динö. Пералөн яокыс висьталаö князьлы: «Со тай тэнö дорйыссыд, ыджыд князьöй. Не тайö кө, миянöс виялисны ставсö!» Князь шуö Пералы: «Бур том молодечöй! Кор тэ менсьым мый тэныд колö — ставсö верма сетны: зарни, көть дона зверь куяс». Пера шуö князьлы: «Меным оз ков зарни, зверсö ме ачым кыя!» Князь кывлис, мый сійö кыйсьысь морт, и шуö сылы: «Кодыр тэ кыйсьысь морт, ме тэныд сета зверь кыян шöвк тыв. Сэссия вöрсö, көнi тэ көсьян кыйсьыны, сета тэныд. И тэнö некод оз кут дэескөдны». Сэк Пера корис аслыс кыйсянин Лупгья рас и бөр мунис важ оланінас, Лупгья раскö.

Лупгья раскын вöрса вöли ёна дөсадитö, и век вöли корсьö, кыда эськö сійö изьведитны. Война вылысь локмысьт вöрса юалö Пералысь: «Кодыр тэ и кызэи узян?» Шуö Пера сылы: «Ме узя уль кызэ пу краж моз, весиг ог лолав, шы ни төв».

Воис вой. Вöрса пондiс виччысьны Пералысь узьöм. Пера воль-пасяс пуктiс кызэ пу гыр да шебрöдiс эшкынөн, а ачыс босьтiс ньöв да кайис пöлать сэрөгас. Вöрса локтiс. Видзөдö: джодж шöрын воль-пась, а вольпасяс кодкö куйлö, шы ни төв. И думайтö, мый сійö узьö сэнi Пера. Зырöдiс, бытшикис копьеөн кызэ пу гыргяд и шуис: «Кой-мөдысь нин ме локтi тэ динö, вöлисти сюрин!» А Пера пöлатьсянь лыйис ньöвийөн вöрсаöс и шуис: «Тэ коймөдысь да эг сюр, а меным тэ öтчыдөн шедін!» Сэк пондiс вöрса Пераысь пышйыны асывлань, Изэйö, а Пера вöтчö сы бöрсянь. Пера суис вöрсаöс Бөлбана изйö. Вöрса воис гортас, керка порог вылас уси и кули.

БОГАТЫРЬ ПЕРА

В Коми крае, где живут пермяки, жил в лесу, в роще Лупья, богатырь Пера, с братом. Пера здорово ловил всяких зверей. Брату надоело жить в лесу, и он пошел служить князю Прикамья. Пера остался один. Прошло много времени, и на князя Прикамья пошел

войной какой-то южный царь. Он стал очень сильно обижать людей со своими умелыми воинами, которые умели ездить на «колесе» и этим колесом очень ловко давить людей. Уже некуда стало деваться князю Прикамья, когда к нему пришел брат Перы и говорит: у меня, дескать, есть брат по имени Пера, очень сильный, если и он не сможет противостоять врагам, то уж более никто не сможет. Тогда князь Прикамья послал его звать на помощь брата Перу.

Пера был так силен: камни размером с баню как мячик бросал; такой был мастер ходить на лыжах: если к голове привяжет двенадцатисаженный сыромятный ремень, то конец ремня при ходьбе даже земли не касался.

Брат Перы прибыл к нему от князя и говорит: «Меня прислал к тебе князь, позвать тебя воевать и защитить его от нехороших людей».

Жаль было Пера оставлять свою родную землю, но от защиты брата и князя не очень отнекивался, и отправились они к князю.

Пера полетел как стрела. Брат его и не видел. Пера прибыл на место сражения, стал удивляться. Через какое-то время нагнал его брат, стал рассказывать ему: вот, дескать, колеса-то; если можешь, поймай их и уничтожь! Пера одно колесо схватил и вдребезги разбил! Потом второе! Третье! И так все колеса. Когда воины южного царя были уничтожены, братья повернули обратно.

Пера увидел убитых им людей и испугался, стал думать... Потом и говорит брату: «Вот сколько я людей убил! Меня за это осудят! Придется отсюда бежать!»

Тогда брат и говорит ему: «Перестань, брат Пера! Не думай, что ты недоброе дело сделал, нашему князю ты сделал очень большое добро, и он тебя наградит».

Пошли они к князю. Брат Перы говорит: «Вот он, твой защитник, великий князь мой. Если бы не он, нас бы всех поубивали!» Князь говорит Пера: «Добрый юный молодец! Проси ты у меня, что тебе надо — все могу дать: хоть золото, хоть дорогие меха». Пера говорит князю: «Мне не надо золота, а зверей я сам добываю!» Князь услышал, что он охотник, и говорит ему: «Раз ты охотник, я дам тебе шелковую звероловную сеть. И тот лес, где ты желаешь охотиться, дам тебе. И тебя никто не будет притеснять». Тогда Пера попросил себе в охотничье угодье рощу Лупью и обратно отправился на прежнее местожительство.

В роще Лупья очень досаждал Пера леший и все искал случая, как бы его извести. По возвращении Перы с войны леший спраши-

вает: «Когда ты и как спишь?» Говорит ему Пера: «Я сплю как сырой березовый чурбан, даже не дышу, полная тишина».

Пришла ночь. Леший стал дожидаться, когда уснет Пера. Пера в свою постель положил березовую ступу и накрыл одеялом, а сам взял стрелу и забрался в угол полатей. Пришел леший. Смотрит: посреди пола постель, а в постели кто-то лежит, полная тишина. И думает, что это там спит Пера. Бросился, воткнул копье в березовую ступу и сказал: «Третий раз я уже пришел к тебе, наконец-то попался!» А Пера с полатей выстрелил в лешего из лука и сказал: «Ты третий раз, но я не попался, а ты мне попался с одного раза!» Тогда леший стал убегать от Перы на восток, в сторону Урала, а Пера за ним погнался. Пера настиг лешего у горы Болванский камень. Леший пришел домой, упал на пороге дома и умер.

26. ЙИРКАП

Йиркапыд и аддэома Сімдор тыгтö. Кысь эськö сэсся аддзыны сійöс сьöд вөр шöрысь.

Йиркапыдкöд ина вöлöма. Важъя йöз, старикъяс на висьтавлісны.

Кониысь сійö вöлöма, Ииркапыд. Вöравлöма. Вот öтпыр сійö веськавлöма сэтшöм пу шöрö — кор оз пет, век понйыс увтö. Куим во вöлöм öти пу увтö. Мый пö тайö лои — век öти пу увтö. Йиркапыд дöзмас дай керыштас сійö пуад. Керыштас, дай вир письтö пусьыд. Пуыд и шуас:

— Ииркап, пöрöд менö да вöч аслыд лямпа пöv. Он кö пöрöд, бөр либö пукты чагсö ас местаас.

Йиркапыд и пöрöдас. Сэсся öти лызь пöv сэтысь вöчас, мöд пövсö прöстöй пуысь дай. Кыкнан лызьсö кö вöчис эськö, сэсся ээ нин вермы сувтлыны, му мöдарö эськö и лэбöдіс. Кыгчö думыштас, сэтчö лызьыд и нуö сійöс. Кепысь-шапкасö водздорас кö шыбитас, лызьыд и сувтас, оз кö и — оз.

Сідэ кутіс сійö вöравны, первой окотник лои. Некутшом зверь ни пöтка сыысь оз удит.

Кониас жö сэнi дöва баба олöма, еретнича кодь. Коркö сійö и шуас Йиркапылды: аски пö татчö мöдлапöлас локтас йирсыны лöz көр. Сійöс кö пö вöтöдан, сэсся тэысь свет вылас тэрыб кокыс оз ло, став зверыс и птицаыс тэнад лöб.

Мед пö локтас, шуö Йиркап. Меным пö только петавны тай.

Аскинас мамыс пöжасыны кутіс. Аддзас лöz кöртö дай чуксалас Йиркаптö. Йиркап пö чеччы, лöz кöрыд мöдлапöлын йирсьö. Ииркап

чеччас, босьтас мамыслысь пось ид нянь, сюяс питшөгас да сөйтөг ни
нинөм петас көртө вөгөдиы.

Найө, братө, Сибир-Изйөдз кырсьнитласны (а көн пө сийө Си-
бир-Изйыс — код төдас).

Сәни, Из вылад, көрыдлөн гыжйыд кутас паськавны да виль-
давны. Оз кут вермыны котөртгны көрыд.

Вот сәсся лөз көрыд метальникасыс да мича-мича ныв лоө.

— Йиркап, — шуө, — эн ви менө, ме тәныд верной слуга лөа.

А Йиркапыд оз миритчы. Раз пө тэ менө эта ылаө нуөдін, ме
тәнө лөвйөн ог коль.

Йиркапыд виас нывтө. Перьяс сьөлөмсө, сюяс питшөгас дай
бөр локтас Кониад. Локтас да чегас ид няньтө — няиыд век руалө.
Со мый дыра и ветлөма Сибир-йзйөдзыйд, няньыс на абу удитөма
көдзавны.

Ваяс сийө нылыддысь сьөлөмсө да пуктас эсийө бабаыды пызан
вылө. Тайө пө и эм көрыдлөн сьөлөмыс, шуө. А коли пө кыйин лөз
көрсө, сәсся пө некугшөм пөтка ни птица тэысь оз удит. Ставыс пө
тэнад лоө, шуө эсийө бабаыд.

Йиркапыдлөн мамыс друг видзө вөлөм. Вот коркө другыс и
шуө сылы: кугшөм пө тайө пи тэнад, став зверь и пөтка кыяс. Тыгы
вияс ставнымөс. Вай пө вошгы питө кытчөкө, изведит вай.

А кыз пө изведита?

— Көтөд, — шуө, — нямөдсө ырөшас да горш косьмигас и юктав.
Сьөктаммас сәки сийө. А мөд ног сыысь огө мынө.

Мамыс сідзи и вөчис — юкталіс писө нямөд ванас. Йиркап
сәсся сьөктаммас да кутас вөйласьны.

Коркө сийө кутас вуджны өти войө йи вывті, Сім ты вомөн.
Кутас вуджны клянича кодь йи кузаяыд дай вөяс. Ок пө, измена тай
вөчөмны меным.

Бультыкайтчас, бультыкайтчас — нинөм оз вермы вөчны. Кыс-
кас пурт да вундыны кутас чудесной лызьсө — междысыны на көсьяс.
Лызьтө кутас чинтыны, лызьыд и шуас бара:

— Йиркап, асьтө сөйин дай менө тшөтш сөян! Эн кө чинты, ме
тәнө петкөді на эськө берөгө.

Йиркапыд чужйыштсыс да вундөм лызьыд лэбзяс, зэв ён пожөм
пыр мунас, розь вөчас. Старикъяс помнитөны на розя мыртө. Мес-
тасө висьтавлөны вөлі Сімдор ты боксьыд. Этатшөм пө ён да кыз
мыр вөлі.

А Йиркапыд сэтчө сийө и вөяс. Оні на местаыс шусьө «Йирка-
пув».

Вот кутшөм вөлөма Сімдор ты корсьысьыд.

ЙИРКАП

Йиркап и нашел, говорят, озеро Синдорское*. А как бы иначе еще найти его посреди темного леса.

С Йиркапом что было, все правда. Прежние люди, старики еще рассказывали.

Из Кони родом Йиркап-то был. Охотой занимался. Вот однажды он наткнулся, говорят, на такое дерево — когда ни выйдет на охоту, собака постоянно облаивает его. Три года подряд одно дерево облаивает. Что, мол, такое случилось — все одно и то же дерево облаивает? Надоело это Йиркапу и ударил его топором. Ударил — и кровь из дерева выступила. Дерево и сказало:

— Йиркап, сруби меня и сделай себе одну лыжину. А не срубишь, так приставь щепку на старое место.

Йиркап и срубил, потом сделал из него одну лыжину, другую лыжину сделал из простого дерева. Если бы обе лыжины сделал из этого дерева, то уже не смог бы остановиться, на другую сторону земли унесло бы. Куда ни вздумает, туда и несут его лыжи. Рукавицы и шапку перед собой бросит, лыжи останавливаются, а если не бросит, так и не остановятся.

Как начал охотиться на новых лыжах Йиркап, так первым охотником стал. Ни зверь, ни птица от него не успевали спастись.

Там же в Кони жила вдова, наподобие колдуньи. Как-то она и сказала Йиркапу: завтра, мол, сюда, на другую сторону реки, придет пастись голубой олень. Если его догонишь, то ни у кого в целом свете уже не будет более проворных ног, чем у тебя, все звери и птицы твоими станут.

Пусть, мол, приходит, говорит Йиркап. Мне, мол, только ведь выйти стоит.

На следующий день угром мать стала печь хлеба. Увидела голубого оленя и разбудила Йиркапа. Йиркап, мол, вставай, твой голубой олень на той стороне пасется.

Йиркап встал, взял у матери горячий ярушник, сунул его за пазуху и не евши вышел догонять оленя.

Они, брат, махнули до Сибирского камня* (а где этот Сибирский камень — кто может знать).

Там, на камнях, копыта оленя стали раздвигаться и скользить. Не мог больше бежать олень.

Вот после этого голубой олень перекувыркнулся через голову и превратился в красивую-красивую девушку.

— Йиркап,— говорит,— не убивай меня, я буду тебе верной слугой.

А Йиркап не согласился. Раз, мол, ты меня увела в такую даль, живой я тебя не оставлю.

Йиркап убил девушку. Вынул у нее сердце, сунул за пазуху и вернулся обратно в Кони. Вернулся и переломил ярушник — от хлеба все еще теплый пар идет. Вот сколько времени, оказывается, и ходил до Сибирского камня, хлеб еще даже не успел остыть.

Принес он сердце девушки и положил на стол той женщине. Вот это и есть, мол, сердце оленя. А раз, мол, поймал голубого оленя, то от тебя уже не убежит никакая птица, никакая дичь. Все твое будет, говорит та женщина.

Мать Йиркапа имела любовника. Вот как-то любовник и говорит ей: что, мол, это за сын у тебя, всех зверей и птиц выловит. Нас всех голодной смертью убьет. Давай, мол, подевай куда-нибудь своего сына, изведи давай его со света.

А как, мол, изведу-то?

— Замочи,— говорит,— его портянки в квасе, и когда будет мучить его жажда, напои его. Тогда он отяжелеет. А иначе нам от него не избавиться.

Мать так и сделала — напонила сына водой от стирки портянок. Йиркап после этого отяжелел и стал проваливаться. Однажды ночью он стал переходить по льду через Синдорское озеро*. Стал переходить по льду, который напоминал собой битое стекло, и утонул. Ох, мол, измена это.

Бултыхался, бултыхался — ничего не мог поделать. Вытащил нож и отрезал завязки чудесных лыж — освободиться хотел от них. Стал завязки разрезать, лыжина-то и снова сказала:

— Йиркап, Йиркап, себя погубил и меня тоже губишь! Если бы не отрезал завязки, я вытащила бы тебя на берег.

Йиркап брыкнул ногой, и лыжина с отрезанными завязками полетела, пролетела насквозь через здоровенную сосну, дыру проделала. Старики до сих пор помнят еще этот дырявый пень. Место это указывали около Синдорского озера. Вот такой, мол, здоровенный да толстый пень был...

А Йиркап там и утонул. И теперь еще это место называется Йиркапув*.

Вот каким был человек, нашедший Синдорское озеро.

27. ЙИРКАП

Йиркап вöлі нимыс. Сійö вöлöм прöмышляйтö. Сэсся вöлöм понйыс пожöм йылысь ур пыдди увтö. А урыс абу пö пуас. Öтик лун, мöд лун бара увтö. Ур пуас абу. Бара сійö сідз кольö мöд лун. И коймöд лун петны кутіс, бара увтö пон.

Йиркап мунас да пусö тышкыштас чернад. Кырссяс... Сэсся сійö и арталö, мыйсö тась ме и вöча. Сэсся керыштас, и вир петö пусьыс. Ме пö лызь татысь вöча. Лызь сійö вöчас. Лызь ачыс и нуö, кытчö арталö, сэтчö нуö. Толькö лызь кöмалігас шапкасö лызь вылас пуктас, мед оз мун. Мыйöн шапка босьтіс, лызь лыйны быдътö мунны пондас.

Сэсся сьлөн некутшöм эвер эз мынлы сыысь — көр кöть, рысь кöть, мый аддзис, сійö и кыйис. Чери кыйны ветліс Сім дорöдз (Сім ты — тасянь 300 верст). Пач ломтысигөн мунö, пач ваймигөн локтас бөр.

Выим кöлдунича. Сыкöд заклад вартасны: комын көр пö выим, тэ пö эськö комынсö регыд кыян, да комын öтикöдыс лöз кыса, сійöс он вермы.

Кыйны көртö пондас Йиркап. Комын көртö регыд и кыяс Йиркапыд. И комын öтикöдыд и оз сюр и дыр. Вöтчас и, вöтчас и, бөрти суас жö. Сэсся и суас да — катшаö пöртчысяс көрыд, сэсся и лэбны пондас. Йиркап беддöн кучкас, бордйыд и чегö, лэбзыны оз вермы. Кöлдунича ассьыс нывсö көрад пöртас. Йиркапыд нывсö внис, катша — көр пыдди.

Йиркап няр йи вывті шульскöптас, вуджас. Мöд йöма вöлöма. Йöма шуö тьöткаыдлы (Йиркапыслөн — К.Ж.): сійö пö зэв кокнид, а вöйö, колö пö сьöктöдны.

Нямöд мыськалан ванас (винаөн — К.Ж.) юкталас Йиркапсö, петалас, мед сьöктö. Сэсся и сьöкыд лöö. Сім дорад сійö бара вулжны пондас, черила мунны. Сьöктö да, öти лызь пöлыс юас и пырас, чег йныс да, мöд лызь пöлыс кокнас нечыштчас, лызьыс мырьяс пырас, тушаыд вöйö ваас.

ЙИРКАП

Звали его Йиркапом. Он ходил на промысел. И вот его собака облаивала сосну, словно там белка сидит. А белки нет на дереве. Один день облаивает, второй день опять облаивает. Белки нет на дереве. И на третий день как стал выходить на охоту, опять облаивает сосну собака.

Йиркап подошел и ударил дерево обухом топора. Снял кору... и размышляет, что бы такое из этого сделать. Потом рубанул гопором, и кровь выступила из дерева. Я, дескать, лыжину из этого сделаю. Лыжину он сделал*. Лыжи сами его и несут, он подумает, куда ему идти, туда и несут. Только тогда, когда надевает лыжи, положит на них шапку, чтобы стояли на месте. А как возьмет шапку, лыжи и понесут его, будто выстреливают.

После этого никакой зверь от него не избавлялся — ни олень, ни рысь, кого увидит, того и поймают. А рыбу ловить до озера Сим ходил (озеро Сим — отсюда в 300 верстах)*. Выйдет из дому, когда печка топится, а печка только протопится, он уже возвращается.

Была колдунья. С ним она об заклад побилась: есть, дескать, тридцать оленей, ты, говоришь, тридцать этих оленей быстро выловишь, но тридцать первый — голубоногий, его ты не сможешь поймать.

Стал Йиркап ловить оленей. И тридцать оленей-то Йиркап быстро выловил. А тридцать первый и не попадает, и долго. Йиркап гнался, и гнался за ним, наконец все же настиг. А как настиг — олень обернулся сорокой, и та стала взлетать. Йиркап ударил палкой, крыло у нее переломилось, не может она улететь. Колдунья свою дочь оборотила в оленя, а потом в сороку. Йиркап обернувшись сначала оленем, а потом сорокой девушку убил.

Йиркап по шуте, бывало, скользнет и переходил через озеро. И была еще другая ёма*. Ёма говорит мачехе (Йиркапа — К.Ж.): он, дескать, очень легкий, не утонет, надо его, дескать, утяжелить.

Ополосками портянок (вином — К.Ж.) напоила Йиркапа, выходила*, чтобы он отяжелел. И вот он тяжелым стал. Он опять стал переходить озеро Сим, за рыбой пошел. И так как отяжелел, то одна лыжа под лёд провалилась, из-за того, что ломкий* еще был лёд, а вторая лыжа оторвалась вместе с ногой и влетела в пень, а тело (Йиркапа) в воде осталось.

28. МАДЖАСА КӨДЗЫД РОК СЕЙЫСЬЯС

Маджа село тані Көрткерөс веськыдладор бокас көнкө. Сэтөні кывсылас прөзвице, шуоны Маджаса көдзыд рок сейысьяс пө. Маджасасө шуоны. А мыйла сийө шуоны? Оказывайтчө, сәні вөвлөма коркө сэтшөм ён морт. И ён мортыс сийө пакөсьт вөчис век. Весь деревня Маджанын сийөн мырсьёны, пакөсьт вөчө да. Кыдзи таысь мынтөдчыны? Но ная договоритчасны, мый годами уже мырсьёны,

мырсьоны, сійос колө вины, уничтожитны. Но, сійос артельон кутасны кыдзкө. и Маджа тыö чөвтасны, көрталасны изки да.

Но чөвтысьяс сэтöнi ээ ставыс участвуйтны, а некымын, гашкө, десятка морт. Но, значит, мортыс сійö, ён мортыс, кулі. А вöйтись-яслы и грек лоис. А грексö кызди юкны? Пуасны рок ыджыд котёлын, и корöны быдөнöс паньыштны ещö роксö, медым грекнас юксьыны. А мукöдыс оз локивны роктö паньыштны, грексö оз көсьыны. Найöс вайöны мырдөн. «Тэ паньышт вай тайö!» А тöрытъя рокыс вөлөмкө көдзыд. Мукöдсö ваясны кык лун мысти сійö көдзыд рок сёйны. Сійон и шуöны: маджаса көдзыд рок сёйысьяс! Вот татшөм легенда кывсьö вöлі.

ХОЛОДНУЮ КАШУ ЕДЯЩИЕ МАДЖИНЦЫ

Здесь где-то около Корткероса на правом берегу есть село Маджа. Там есть такое прозвище, говорят, мол, маджинцы — холодную кашу едящие. Почему так говорят? Оказывается, там жил когда-то очень сильный человек. И этот сильный человек все время пакости делал. Вся деревня страдала от его пакостей. Вот они, маджинцы, и договорились, что его надо убить, уничтожить. Ну и артелью каким-то образом его схватили, привязали к нему жернова и сбросили его на дно маджинского озера.

Но не все жители участвовали в уничтожении, а несколько, может с десятков, человек. Ну, значит, этот сильный-то человек умер. А те, кто топил, стали грешными. А как этот грех на всех поделить? Они сварили кашу в большом котле и стали звать каждого хлебнуть этой каши, чтобы поделиться своим грехом с каждым. А некоторые не явились хлебать кашу, не хотели себе греха. Тех приводили насильно. «Ты давай хлебни этой каши!» А вчерашняя каша была, оказывается, холодной. Некоторых привели уже дня через два, чтобы они поели эту холодную кашу. Поэтому и говорят: маджинцы — холодную кашу едящие! Вот такая легенда ходит в народе.

29. ТШАКЫ ДА ГОБЫ

Важөн вөлөма сэтшөм багатыр, но кызди тай öнi борецъяс, наысь на вынаджык. Сэсся сійö быдөнöс öбидитö, кодлысь мөс, кодлысь ыж начкө. Сэсся локтö ыджыд нопъя да сылысь юалöны:

- Мый нö, Юрка, ваян?
- А тшакы да гобы!

Сэсся и кутасны думайтчыны, кыдзи таысь мынтөдчыны. Сэсся сылыас зэв ыджыд из көрталасны да сэки сөмын вөйтасны ты шөрас. И бара на, весиг сы бөрын, сийө кулаксо мыччылөма. Со кутшөм сийө вөлөма.

А сэсся сэни берег дорас рок пуөмаось да сийө отвылысь сөйөмаось, сы лөсна и рок кашникъяс.

Сийө тыыс өни на эм, Юрка тыөн и шусьө, Маджа дорын.

ТШАКЫ ДА ГОБЫ*

В старину был такой богатырь, ну вот как теперешние борцы, еще и их сильнее. И вот он обижал каждого жителя, у кого корову, у кого овцу зарежет. После этого как-то возвращается домой с большим заплечным мешком, и у него спрашивают:

— Что, Юрка, домой несешь?

— А тшакы да гобы!

И вот стали думать, как от него избавиться. Потом привязали ему на шею очень большой камень и только таким образом смогли утопить на середине озера. И даже после этого он смог еще высунуть из воды руку и погрозить кулаком. Вот какой он был.

А после этого на берегу сварили кашу и сообща съели, из-за этого и называют маджинцен: горшок каши!

Это озеро и теперь еще есть около села Маджа и называется озеро Юрка.

30. МАДЖАСА ЮРКА ИВАН

Юркаыдлөн фамилиеыс — Юрка Иван Шешуков. А нимыс сылөн Иван, Юрка Иван. Юркаыс сийө грозной, ён да сийөн, на-вернө, нимсө пуктөмаось. Гөтырыс сылөн абу вөлөма, а керкаыс кольөма вөлі. Ме ичөт на вөлі, а меным петкөдлісны: тайө пө Шешуковлөн керкаыс. Кык судта, съөд, бревенной керка. Сийө өд важөн нин овліс. Ме со 1893 вося, а сылы ещө колө кыксө во содтыны. Да, оліс кыксө во сайын меөдэ.

Сэтшөм сийө вөлөма знатной. Йөзыд вөлөм ёна сыысь полөны. Сретения-Сергея праздник дырйи вөлөм чукөртчасны том йөз да хулиганствуйтөны, а кодкө маджаса олысьяс пиысь и висьталас: он кө пө дугдө, час Юрка Иванөс корам. Том йөзыд пө сразу и котөртасны кытчөсюрө.

Сылон метра кузьта вӧлӧма пестерыс. Сэсся и гусясьпы пондӧма. Йӧзыдлӧн ыжыд вӧлӧм вошласьӧ, да сысыс тӧдисны, мый сийӧ гуӧ. Сэсся вӧлӧм сийӧ вӧрӧ мунӧ пестера, а олысьясыс вӧлӧм шабдӧ тыас вӧйтлӧны да юалӧны:

— Иван, кытчӧ мунан?

— Тшакыла да гобыла!

Сэсся йӧзыд пӧгибӧ воас да шуасны: тайӧс пӧ колӧ изведитны. Сэсся сийӧс разнӧй винаясӧн ӧна юктӧдасны, тыкта пыжӧ пуксьӧдасны да, Ярасим купеч вӧлӧма да сылӧн мельничасьыс изки гоз босьтасны да сылы сэсся кӧрталасны и вӧйтасны.

А ӧна сийӧн мырсӧмаӧсь. Ыжтӧ йӧзыдлысь сӧйӧ, да, дерт, грознӧй, абу ӧд сийӧ тшак сӧйӧмыд. И висьталӧма жӧ эськӧ: путкыльта пӧ эськӧ Маджасӧ ставнас да вежай-вежань пӧ жаль. Эськӧ-й путкыльтис Маджасӧ ставнас.

Сэсся ставыс рок паньыштасны. Мед пӧ грекыс лоас ставыслы ӧтмындаӧн. Сэсянь и кутасны маджасаясӧс нимтыны: маджаса рок сӧйысь!

А, важӧн быдсяма диковинкаыс вӧвлӧ!

МАДЖИНСКИЙ ИВАН-ЮРКА

Фамилия у Юрки — Шешуков Иван-Юрка. А имя у него — Иван, Иван-Юрка. Юрка — это значит грозный, здоровенный*, наверно, из-за этого ему такое прозвище дали. Жены-то у него не было, поэтому после его смерти дом его остался пустовать. Я был еще маленьким, а мне показали: вот, сказали, дом Шешукова. Двухэтажный черный бревенчатый дом. Это ведь давно уже было. Я вот 1893 года рождения, а тому надо еще лет двести прибавить. Да, жил он до меня лет за двести.

Он был знатным силачом*. И люди его очень боялись. Однажды на праздник Сретения Господня* собрались молодые люди и стали хулиганить, а кто-то из жителей Маджи и сказал им: если, дескать, не перестанете хулиганить, сейчас же позовем Ивана-Юрку. И молодежь тут же разбежалась кто куда.

У него пестерь был с метр высотой. И он стал воровать. У жителей села стали постоянно исчезать овцы, и потому они догадывались, что это он крадет. Однажды он пошел в лес с пестерем, а жители в это время мочили в озере лен и спрашивают его:

— Иван, куда идешь?

— За разными грибами!

Невмоготу стало людям терпеть издевательства Юрки, и они решили его извести. Однажды они напоили его разными винами, потом усадили на спаренную лодку, взяли у купца Герасима в мельнице пару жерновов, привязали их к нему и утопили Юрку.

А долго с ним возились-боролись. На чужом овечьем мясе, разумеется, можно стать силачом, это ведь не то, что грибы есть. И все же он еще пригрозил им, сказав: всю, дескать, Маджу я мог бы перевернуть, да вот жаль крестного отца и крестной матери. А иначе всю Маджу бы порушил.

После смерти Юрки все маджинцы хлебнули по ложке каши. Чтобы, дескать, грех этот поровну на всех разделить. С тех пор и стали обзывать маджинцев: маджинский кашеед!

А, раньше всякие диковинки бывали!

31. ЮРКАЛӨН ПОКОЛЕНИЕЫС КОЛЬӨМА НА

Юрка йылысь легендаыс сійө Маджа сиктын. А колөкөсь сійө збыль вөвлөма. Өні на шуоны: сэні олоны ён, вына йёз, сөмын найө оз петкөдчыны, оз висьтасьны.

Ме өтчыл волі коркө Маджаө делаясөн да сувтлі, кызьөд во помьясын, өти керкаө. Да сэні меным өти старука шуө вөлі:

— Ёна пө кутісны тышкасявны да пола, медым оз ви кодөскөос менам ылжыд пийө. Сійө од кос чер пу лидзөсас вартас да шөри чегас!

Поколениеыс Юркаыслөн кольөма на.

ПОКОЛЕНИЕ ЮРКИ ОСТАЛОСЬ

Легенда о Юрке бытует в селе Маджа. И, может быть, это и вправду было. И теперь еще говорят: там живут крепкие, сильные люди, только они не показываются, не рассказывают о своей силе.

Я когда-то однажды был по делам в Мадже, в конце двадцатых годов, и квартировал в одном доме. И там мне одна старушка сказала однажды:

— В селе очень сильно драться стали в последнее время, и боюсь, как бы мой старший сын не убил бы кого. Он ведь высохшее топориче о колени стукнет и пополам разламывает!

Поколение Юрки осталось.

32. ЮРКАЛӨН ПОКОЛЕНИЕ ЙЫЛЫСЬ

Маджаын жö вöлöма. Öкмыс арöса зонка пыртöма гортас куим пудъя из. Бать-мамыс сэсса юалöны:

— Тайö бара мыйла пыртін?

— А ворсыштны гортын.

Сэсса, шуласны тай, зонмыс водз жö кувсылöма. Абу жö нэсö пыртöмысь-а.

* * *

Сэсса туй муно вöрöд да туй пöлöныс номөн моз кык ыджыд кызд сулалö. Кодкö бара найöс пöлышьтöма да йивьяссö кöрталöма öта-мöдыскöд. Сийö кодкö бара балуйтчö, вынсö петкöдлö. Öз жö эськö тöдны, кодi сийö вöчöма-а, кодкö öд вöчис жö. Морт китöг сийö эз артмы.

* * *

Öти сятшöм жö вына вöвлöма Маджаын да коркö кöсийö куйöдсö петкöдны звöз вывтис. Важөн öд куйöдтö звöз вынтi петкöдлывлöмаöсь. Сэсса куйöдсö тэчас да нöвсö дергайтö. А пöлыс оз вермы вöрзöдны. Матятö и пинялö — вöв оз вермы места вывесьис вöрзöдны додсьö. Сэсса лэдзалас вöвсö да ачыс вожъяяс да петкöдас ывла вылö. Сэсса и шуö:

— Но, ачым на öдва верми-а, Саврасöс вида!

О ПОКОЛЕНИИ ЮРКИ

Это было тоже в Мадже. Мальчик девяти лет от роду занес однажды домой трехпудовый камень. Родители спрашивают его:

— Это ты зачем занес?

— Понграть немножко дома.

Потом, как вспоминают, этот мальчик рано же и умер. Правда, не оттого, что он камень занес.

* * *

А вот проходит по лесу дорога, а вдоль дороги по обе стороны друг против друга стояли две большие березы. И кто-то взял и согнул эти березы и связал в узел их вершины. Это так кто-то баловался, силу свою показывал. Не знают, конечно, кто это сделал, но ведь кто-то сделал же. Без рук человека такое не получится.

* * *

Один такой же сильный в Мадже был, и он как-то хотел вывезти навоз из хлева через взвоз. Раньше ведь навоз вывозился через взвоз. Вот он наложил навозу в сани и дергает лошадь. А лошадь не может стронуть с места. Материт и ругает — лошадь не может сдвинуть с места воз. Потом он распряг лошадь и сам ухватился за оглобли и вытащил воз на улицу. После этого и говорит:

— Ну, даже сам еле-еле смог, а еще Савраску ругаю!

33. КӨМТӨМ МАРТЫН (БОСОЙ МАРТЫН)

Я расспрашивал у многих пожилых. Все говорили: «Был такой человек на самом деле, его в глаза не видели, но говорят был». Попробуй тут докажи, что его не было?!

Он вына морт*. У него был спокойный характер. Всегда ведь так бывает: чем сильнее человек, тем спокойнее. И он всегда, зимой и летом, ходил босиком. Сапоги в руках несет, но не надевает. А люди-то уж это знают да нарочно над ним подсмеиваются, занимают разговорами. На гуляньях делали ледяные горки, и люди с них катаются, веселятся. И Мартын тоже идет туда, держа, как всегда, сапоги в руках. А кто-нибудь нарочно разговаривает с ним. А он стоит на ледяной горке, спокойно разговаривает с шутником, покачивается только из стороны в сторону. Пока говорит, погружается в лед по колено (лед-то ведь тает под босой ногой).

Он очень сильный был. Когда дом себе строил, строил из толстых бревен. Съездит на лошади по Саран туй*. Гөрдей туй тай вййим*. Туда на Гөрдей туй пойдет, срубит два бревна и, что поменьше, положит на сани, а что побольше, взвалит на плечи и идет. Лошадь идет по своей дороге, он рядом шагает. Лошадь встанет, чтоб отдохнуть, он тоже останавливается. Упрет один конец бревна в снег и стоит, «отдыхает». Лошадь тронется, он опять рядом шагает.

Он всю жизнь холостым был. Не хотел, чтобы поколение его слабым было. А по себе не нашел жену. Так и остался неженатым. У него сестра была. И та тоже одиноко жила. Тоже не нашла по себе человека. А вместе жить брату и сестре церковь не разрешала.

Раньше баркой сюда сплавляли сверху продукты. Подплыла барка, а ветер был сильный и барку относит. За чалку* берут и держат много людей, а барку все равно относит. А он, Мартын, взялся и один удержал. Пока держал, в землю по пояс ушел. Потом уж другие подбежали и помогли закрепить чалку на берегу.

Он мог один на каюке* ехать против течения. Только толкается шестом и едет.

А ел много. Как работал, так и ел. Помню, нам в детстве наговаривали, когда много станешь есть: Мартын моз жё сёян, он и пётлы*.

Ош кутёма мосьяс травитны, да пельясёдыс босьтёма ошсё да повзёёдома. Вот кутшом сыа вёлома вына морт*.

34. МАРТЫН ДА ОШ

Ластаын овлома зэв вына морт Көмтөм Мартын. Көдзэйд көть шоныд, век көмтөм вёлі. Отчид ва дорын паньдасис ыджыд ош. Мартын кватитис ошкёс шошаёдыс и куимысь сюяс сійёс ваё. Ошкыс вошйёма пёдны. Мартын мёдома лэдзны сійёс и шуё: «Мед тэ и тэнад ёртъясыд миян дорё сэсся некор оз во!»

МАРТЫН И МЕДВЕДЬ

В деревне Ласта* жил некогда очень сильный человек Босой Мартын. Хоть холодно, хоть тепло, всегда был босиком. Однажды на берегу реки он повстречался с большим медведем. Мартын схватил медведя за загривок и трижды окунул его в воду. Медведь начал захлебываться. Мартын стал отпускать его и сказал: «Чтобы ты и твои друзья никогда больше не ходили к нам!»

35. ПОЛТОРА-ВАНЬ

Полтора-Вань сильный был человек, родом из села Гам*. В полтора раза выше и шире среднего человека, поэтому и Полтора-Вань*. Да и силы, наверно, было у него в полтора раза больше.

Рассказывают о нем так. Смотрим, за рекой лошадь стоит. Вдруг видим: человек несет большое бревно на себе. Принес к берегу и скатил в воду.

— Ты чего, Иван, лошадь-то не используешь, она стоит, а ты бревна на себе таскаешь?

— Да жалко лошадь-то.

Крепкий был человек Полтора-Вань. На спор однажды налил в миску чистого спирту бутылку, крошил туда полбуханки хлеба и все это ложкой выхлебал. Хоть бы что ему.

А покушений на него сколько было. Однажды напали на него впятером. Так он схватил одного из них за голову и им стал бить остальных. Чуть голову тому не оторвал. Все связки на шее порвал, растянул сухожилия. Вот какой он сильный был.

36. ЁН ВАСЬ

Кониын сійо овлома, ён Васьыд. Отнас оло вёлөм, зэв ён морт. Сылөн вөлі серой вөв, ыджыд, агроматной. И богатой вёлөма сійо.

Турья катыдын дзөля ю выйим, нимыс Пожог. Пожог вом мөдлапөлас, катыдджык, местаыс шусьө Кар Яг. Сэтчө вёлөм сійо, Ён Васьыд, кар карны көйылөма, отнас. А местаыс яг, зэв гажа да рөвнй.

Вот коркө сійо веслянса мужикьяслы удждөма деньга. Веслянсаяс көйөмаөсь локны кар стрөитны, рөбөта вылө. Веслянсаяс сэсся абу локтөмны рөбитнытө. Куимысь долгсө корлөма... веслянсаяс абу сетөмны.

Мунөма сійо страдна кадө. Гырысьыс некод абу, весьыс турун карны мунөмаөсь. Сійо воөма Веслянад. Абу сетөмаөсь долгтө да дөмьяснысө весь кисьтөма.

Воасны страдна вылысь веслянса, а дөм рөзбушитөма, дөсты кисьтөма. Веслянсаяс чукөртчасны, сёрнитчасны и Васьөс вины шуасны.

Виөм Көттиасөн шуоны — сэтэ көтшасөдыс вёлөм гөраө кайө туй. Сэтчө туй бокас локтөмаөсь веслянсаясыд шыясөн дөсты.

Ён Вась кутас кайны гөра бокөдыд, туй вывтйыд. Местаыс вөра вёлөма, помледэ. Шыбитчасны веслянсаыд шыяснад да бытшкасны вөв вывсьыс, морт дас кык. Уськөдасны вөв вывсьыд да виясны сэтчө. Ыджыд из сәні туй бокас выйим, сы вылын и кералөмаөсь дөсты.

Вот сәсся суседьяс кватитчасны: аттө пө, Василейным муні дай эз во. Жив абу бара? Сійо сёрнитасны, а вөлыд и воас ачыс. Ёмватө вуджас. Суседьясыд и мунасны морт нель кымын. А туйсө төдөны, кытэ ветлө сійо. Мунасны, каясны гөра бокад дай сюрө — керавлөмаөсь дөсты. Вот сәсся шойсө дзебасны, көрөнитисны. Сылөн овмөсыс кольбө.

Көні оло вёлөм, дөм улас пөгреб. И сылөн сәтөні кирпич сводөн пырө розь сәтшөм. И вот пырөмаөсь сәтчө кык кузнеч. Отиыс кыдздинскөй, а мөдыс керөсскөй. Иван Андреевич Жилин да Алексей Михайлович Кучменев, менам ай.

Öкмыс ступик пыраломась сися биён да воома өбөс, томана. Тайё вөлөма 1902 воо. Томансө вөрзёбодасны насеком да лыа моз киссяс. А өбөс юр йылас өшинь кодь вөлөма, стеклө, лөзөдөма нин. Стеклөтө жугөдасны насеком и сэтысь воздухыс жургыны-петны ку-тас. Биныс кусо налөн да косасны, бөр петасны.

Оз төдны, тайё пөгребыс Ён Васьлөн или куим рөзбойниклөн, кодъяс сэн пө овлөмны Ён Васьөдзыс на.

Тайё местасө, пөгреб рөзсьө, ме кындзи, некод оз төд сэсся.

БОГАТЫРЬ ВАСИЛИЙ

Он жил в Кони, этот богатырь Василий. Жил он один, очень сильный человек. У него был серый конь, большой, громадный. И был он богатым.

От Турьи выше по реке есть маленькая речка под названием Пожег. На другой стороне устья Пожега, выше по течению, место называется Кар Яг*. Там, оказывается, он, богатырь Василий, хотел один построить город. А место на бору очень красивое и ровное.

Вот однажды он дал в долг денег веслянским мужикам. Веслянцы обещали за это город построить. Но веслянцы не пришли на работу. Трижды он просил вернуть долги, но веслянцы не вернули.

Пошел он в страдную пору к должникам. Взрослых в это время никого не было, все были на сенокосе. Он пришел в Весляну. И за то, что долги ему не вернули, он все их дома разрушил.

Пришли веслянцы со страды, а дома разрушены, все разваленны. Собрались веслянцы, посоветовались и решили убить Василия.

Излучиной Убийства* называют место, где они это сделали — там от излучины была дорога, ведущая в гору. Туда к дороге пришли веслянцы, все с копьями.

Богатырь Василий стал подниматься по этой горе, по этой дороге. А место было лесистое, мелкий ельник*. Набросились веслянцы со своими копьями и закололи его, свалив с коня. Человек двенадцать напали. Сбросили с коня и убили там Василия. Большой камень там еще есть у дороги, на нем и разрубили его всего на куски.

Потом соседи спохватились:

— Ох ты, наш Василий уехал и не приехал. Жив он или нет?

Только это сказали, конь его и прискакал сам, Вымь переплыл. Соседи и пошли, человека четыре. А дорогу знают, где он ездит. Пошли, забралась на гору и нашли — разрублен весь. Вот онн потом труп его зарыли, похоронили. А его хозяйство все осталось.

А там, где он жил, под домом был погреб*. И там у него был спуск с кирпичным сводом. И вот однажды спустились туда два кузнеца. Один был из Кыдэдина, другой из Кероса. Иван Андреевич Жилин и Алексей Михайлович Кучменев, мой отец.

На девять ступенек спустились было со свечой и наткнулись там на дверь на замке. Это было в 1902 году. Замок тронули молотком*, и он как песок рассыпался. А над дверью было нечто вроде окна, со стеклом, посинело уже стекло. Стекло разбили молотком, и оттуда воздух с гудением стал выходить. Огонь у них потух, и они вернулись, обратно вышли.

Не знают, этот погреб богатыря Василия или трех разбойников, которые, дескать, там жили еще до богатыря Василия.

Это место, вход в погреб, кроме меня, больше никто не знает.

37. ПАХОМ СТЕПАН

Вөвлөма тан сәтшөм вына морт. Война вылө усьлі. Тупөсьөн лун вөлі сөйө. Мамыс өтпыр вөлі пөжасьөма праздник кежлө да сөйө ставсө өтчыдөн сөйөма. Кык пудъя гира керка вомөн шыблавлөма. Öтчыд чөй воча вөлыс оз кат да ачыс катөма додсьө, вөвсө лэдзалас да. Коркө ыджыд якөр тыö шыбитөма витсө метр ылнаö. Гырыс ызъяс мудöг ылө лэпталөма.

СТЕПАН ПАХОМОВ

Жил здесь когда-то сильный человек. На войне погиб. По буханке хлеба в день ел. Однажды его мать к празднику наготовила выпечку, а он это все за один раз съел. Двухпудовую гирию, бывало, через дом перебрасывал. Однажды его лошадь не смогла везти в гору, так он распряг лошадь и сам поднял воз. А как-то большой якорь забросил в озеро, метров на пятьсот. А на чердак поднял много больших камней.

38. ИВАН МАТВЕЙ

Иван Матвей вөвлөма. Ыджыд Ягвыв сиктысь. Тайö война вылас сөйө уси. Да сөйө, дашкө, кык пудъя гира вөлөм керка вомөн шыбитө. Вот вын сылөн вөлөма. Кык пудъя гиратө колө öд шыбитны керка вомөныд!

А сэйю вөлөм уна жө. Армияю пө тай мунөма да вайюй пө меным көтө ытчыд пөттөдэ сэйны. Оз вөлөм пөтлы. Сэссия сэни сетө-маюсь сылы. Вай пө сетөй талы, мед пө пөттөдзис ытчыдысь көтө сёяс. Зэв уна пө вайисны ытпырйө сэйнысө. Сийө ачыс и шуөма, первойысь на пө меным неуна вөыштис.

А сёяс пө вөлі сія код төдас мыйта. Мамыс пө пөжасьө да вочасөн пө вөлөм кыскалө сёянсө, мукөдыслы сэссия оз нин коль. Тушаыс өд дзоля и вөлі, миян Валя кодь, дзоля на ещө. Но важөн ёна ёнөсь и вөлөмаюсь.

Сэссия турун додь пө катөдө сөнөдыс да вөлыс сувтөма. Сэссия лэдзалас вөвсө да кыскас додьсө. Сэссия шуөма: дерт нин сьөкыд, мен нин пө сьөкыд-а.

Вөлыс омөлик вөлі, көнкө. Ачыс асьсө сийө лыддис ёнджыкөн.

МАТВЕЙ ИВАНОВ

Матвей Иванов был когда-то. Родом из деревни Ыджыд Яг-выв*. На этой войне он погиб. Так он гирию, может двух пудов, бывало, через дом перебрасывал. Вот у него сила: а конечно, двухпудовую гирию ведь надо ж перебросить через дом!

А ел, как известно, тоже много. В армию ушел и попросил, чтобы дали ему хоть один раз досыта поесть. Не насыщался, говорят. И тогда дали ему. Дайте, дескать, пусть один раз досыта наестся. Очень много, говорят, принесли за один раз поесть. Он, говорят, сам и сказал, что ему в первый раз в жизни вдоволь еды досталось.

Воз сена однажды он вез по ложбине в гору и лошадь его встала. Он распряг лошадь и сам затащил воз наверх. И сказал: конечно, тяжело лошади, даже мне, и то тяжело.

А лошадь, видно, слабенькая была. Сам себя он считал по-сильнее.

39. ЫДЖЫД ЁГОР ДА ДЗОЛЯ ЁГОР

Лымваас йөзыс Джиянысь вөлөмаюсь. Тайю меным ыджыд айю на висьтавліс. Джиянын пө вөлөмаюсь кык Попов, Ыджыд Ёгор да Дзоля Ёгор. Дзоля Ёгорыс зэв дзоля тушаа, но зэв паськыд пельпома, а Ыджыд Ёгорыс кузь тушаа и бара жө паськыд пельпома. Кыкнанныс вөлөмаюсь зэв ёнөсь. Крестьянство кыкнанныс вөдитлөмаюсь, а Джиянас дзескыд лөма, сэни ёна паськөдчынысө некытчө да налы дзескыд вөлөма дай шуны, ветлам пө видласьны.

А сэтшөм ёнось вөлөмабсь. Коркө Дзоя Ёгорыс корось чегъ-
выны каяс. Корось ноб вочас сы ыждаос — локтө корось нобсө юр
вылас пуктөмөн да весиг кокыс оз тыдав, ачыс дзоя, а нобйыс
ыджыд да. Корось вайө да мортыс нобйысла оз тыдав. И Ыджыд
Ёгор паныд сылы лоө и сийө шуө:

— Ёгор, суйыд петө, сы ыжда ноб нобъялөмыд да.

— Мыйла петө!? Колө кө, пуксы менам ноб вылас.

Пуксяс Ыджыд Ёгорыд. А Дзоя Ёгор нобсө трак-трак вочас:
«Пуксин-ө, Ёгор? — юалө. — Мыйкө тай оз кыв!»

Сэсса нуас, звөз дорөдзыс нуас да көсийө звөз помөдыс катны.
Сэсса Ыджыд Ёгорыд чеччас. Сэсса звөз вылас оз жө пырт.

Вот кык Поповыд и мунасны Лымваад. Накөд сэсса некод оз
мунны сэтчө. Менам эськө ыджыд айө Ёгор жө и Попов, да абу на
рөдысь. Вот, найө пө и лооны медводз олысьясөн Лымваас.

БОЛЬШОЙ ЕГОР И МАЛЫЙ ЕГОР

В деревню Лымва люди прибыли из Ивановской. Это мне еще
дед рассказывал. В Ивановской, говорил он, были двое Поповых,
Большой Егор и Малый Егор. Малый Егор был очень маленького
роста, но с очень широкими плечами, а Большой Егор высокого роста
и тоже широкоплечий. Оба были очень сильными. Оба вели крестьян-
ское хозяйство, а в Ивановской стало тесновато, там особенно раз-
вернуться негде, и они решили, мол, сходим поищем новых земель
для поселения*.

А такие сильные были. Однажды Малый Егор пошел ломать
веники. Такую большую вязанку веников сделал — идет обратно,
подняв вязанку на голову, и даже ног не видно, потому что сам он
маленький, а вязанка огромная. Несет веники и из-за вязанки челове-
ка не видно. Большой Егор ему навстречу попался и говорит он:

— Егор, кишки выпадут, такую большую вязанку на себя взял.

— Отчего им выпадать?! Хочешь, так садись на мою вязанку.

Большой Егор уселся. А Малый Егор встряхнул вязанку раза
два*: «Сел ли, Егор? — спрашивает. — Что-то не чувствуется!»

Потом он понес, до своего взвоза донес и хочет через взвоз
поднять на сеновал. Большой Егор соскочил тут. И на сеновал уж не
поехал.

Вот эти двое Поповых и поехали в Лымву. С ними больше
никто не поехал туда. Мой дед был тоже Егор и тоже Попов, но не
из их рода. Вот они, говорят, и стали первыми жителями Лымвы.

40. ГУЛЕНЬ

На берегу реки Локчим, около 60 верст от устья реки, стоит село Позтыкерос. На правом и левом берегу Локчима ютятся около восьми селений, начиная с деревень и кончая волостями.

Позтыкерос имеет свои предания и своих героев: Гуленя, Ульвана, Спиру и др. Само слово Позтыкерос происходит от трех слов: поз-ты-керос (гнездо-озеро-гора)*. По рассказам, когда сюда пришли первые жители, то они здесь около озера нашли большое гнездо. Вот откуда тянется Позтыкерос.

Герои Позтыкероса все имели богатырскую силу. Гулень силу большую, Спира и Ульван сильный голос.

Давным-давно, когда еще Позтыкерос был много меньше, чем теперь, жил там Гулень (по-русски «обжора»)*.

Сам Гулень родился в Позтыкеросе. Рано лишился отца с матерью, братьев и сестер не имел, не имел и родственников, кроме крестной матери (вежань). Работать не учился и жил как попало.

Как немножко вырос, Гулень стал разбойничать и воровать что попало. А попадало ему все: курицу, барана, петуха, теленков* — ничего не жалел.

Силы у него было очень много. Высокого роста, крепкого телосложения и походил на богатыря. Жил Гулень в лесу, на деревьях, на одной большой ели имел свое гнездо, где и ночевал. В деревню приходил воровать и к своей крестной матери.

Разбойничать он стал очень сильно, и местные жители не могли уже терпеть его, да к тому же хотел сжечь всю деревню.

— Если мы его не убьем, то он нас убьет, — говорили крестьяне и решили как-нибудь избавиться от Гулени.

Решили поймать Гуленя у крестной матери и потопить в реке. Раз крестьяне спрятались у крестной, чтобы поймать Гуленя. Вечером пришел Гулень. «Крестная, зажигай огонь», — сказал Гулень. «Я больна, не могу», — сказала крестная. Тогда крестьяне вышли из засады, набросились на Гуленя. Кое-как повалили (мужиков было человек десять) и связали, и пошли топить его на реку. Народу собралось очень много. Связанного Гуленя бросили в реку, но он не тонул. Тогда к нему привязали две жерновы* и опять бросили — Гулень не тонул. Какие бы способы ни применяли, никак не могли затопить*.

В конце концов так замучили Гуленя, что он не мог уже терпеть все насмешки и сказал: «Развяжите завязку на ногах»*. Крестьяне так и сделали, опять бросили Гуленя, и он потонул.

Потом все участники в честь удачного конца и чтобы всем было греху поровну, сварили кашу и хлебали по одной ложке.

Поэтому и теперь Поэтыкерос называют «Гулень госа рок...»*. Местность, где бросили Гуленя: Гулень... Теперь еще есть это место около Поэтыкероса.

41. ОШПЕЛЬ

Сійö öд Ошпель старик. Сера Семко Гришкалөн кабак вöлі, öні тай нырдас сэтöн Мыжыын больнича лöсьöдлісны сэтчö. Сэсса Ошпель старикыс дежуритö винасö, быдсөн четвертьяс, шкальчикъяс, пöллитра, винасö каролитö. Сэсса сійö корöны гöсти, чай юны. Воас сэтчö, пуксяс чай юны. А бытчöмасö нин пызан вылас ваясны, вина и, быдсөн и.

Ошпель старик тай вöлі висьталö: «Грех ли мый ли мен тшöктіс бара пасьясьны». Дöскансö таркнитöма да пасьясьöма-а, нинöмыс абу кольöма, только куш голяяс пызан вылас, вöv голяяс пызаныс местö. Кодьяс пуксьöдалісны, ни öти морт абу ни, нинöм сэсса абу, чашка ни нинöм абу кольöма. Только вöv голяяс. Закуситны бара сійö корлöмаöсь голяяснас. Сійö öд лешакъясыс вöліны, из вöv народ.

Ошнільыс öд Мыжыын оліс, ки ота вöлі-а, сійö пуртöн ээ, көр ли мый ли, кинас и кулис. Сэтшöм сійö Ошпель старик. Сэтöн сійö важысянь нин оліс. Мöс кулис, вöv, көр. Семьяыс ставыс кулісны Ошпельыслөн. Ачыс нин куліс старикыс и.

Ошпель стариксö тöда. Миян Прос Максим дядеяслысь на мöс кулис да ме висьтала, мяся, мый нö, пурттöг тай нö кулян да!? Висьталö: «Мый нö пуртсьыс!» Ыджыд старик вöлі. Абу ош кодь, морт кодь вöлі-а, сэтшöм ён вöлі, ён мужик. Сылөн вöлі катыдын керкаыс, шор кодь тай выйим, но соимас катыдын сэтöн сылөн керкаыс вöлі.

Сэтшöм мыйкö пыр мальчаөн ветлаліс. Вексянь нин кулöма. Баба вöлі, старуха. Старухаыс öгнас. А челядыс кöнкö, гашкö, ээ вöv да. Ме вот сійö ог бура и помнит.

МЕДВЕЖЬЕ УХО

Прозвище старика – Медвежье Ухо*. У Сера Семко Гришки* был кабак, в Мужах на мысу, где потом больницу открыли. Этот кабак караулил старик Медвежье Ухо, все эти четвертинки, шкальчики, поллитровки, вино сторожил. И его пригласили в гости, чай пить. Пришел туда, сел чай пить. А уж всего нанесли на стол, и вино, и все.

Старик Медвежье Ухо потом сам рассказывал: «Грех что ли попутал меня, заставил перекреститься». Потряс он берестяной табакеркой и перекрестился. И вдруг ничего не стало, только одни комья на столе, комья лошадиного навоза вместо утощения. И народу никого. Так обманули Медвежье Ухо. Тех, кто пригласил его на чай, никого не осталось, ни одного человека, и ни чашек, ни закуски. Одни навозные комки. Закусить его так пригласили навозом. Это ведь лешаки были, не люди.

Медвежье Ухо жил в Мужах. Ладони у него были широкие. Если ему нужно было снять шкуру с оленя, так обходился без ножа, голыми руками и снимал. Такой был старик Медвежье Ухо. Он уже исстари там жил, в Мужах. Занимался тем, что снимал шкуры с коров, лошадей, оленей. Здоровый был человек, очень сильный. Из его семьи теперь уже никого не осталось. И сам он уже умер.

Я хорошо знала старика Медвежье Ухо. Однажды он у моего дяди Прос Максима с коровы шкуру снимал, так я ему говорю: «Ты что же без ножа снимаешь шкуру?» Отвечает: «А для чего нож?» Высокий старик был. Не похож на медведя, только здоровый, крепкий мужик. Его дом в южной части села, около ручья, около сойма* в южной части села его дом стоял...

Все время в малице ходил. Теперь много лет прошло, как умер. Жена у него была, старуха. Одна старуха. А детей, вроде, не было. Я вот это плохо уже помню.

42. УЛЬЯНОВ ОЛЕКСАН

Ён морт вöвлі миян Дереваннойын, миян дэöля дырйи на сійö, Кывтывд чой йылысь, Ульянов Олексанён вöлі шуöны. Сійö тай, вись-тавласны, том дырйиыс на гуляйтны ветлö, рыт гуляйтны. Рытын пö муно, ужнайтас семьяыскöд, мунас гуляйтны. Ветлас, гуляйтас, сылön бара нин кынöмыс сямалö. А көбрöг быдöнлөн выйим, көбрöгэд сүйöны сэтчö, мöскыд уна, рысь. Дзöнь пельса вöлöма, сылön мам чöжö сэтчö рысь. Коркö көбрөгö петас, а абу рыськыд пельсаад. И мам сэсся недовольствуйтчö, видö, наверно, гусялісны миянлысь, рысьтö повлöмаöсь. Олексан сэсся и кылас. Небыдика вöлі сёрнитö: «Мамö, тэ кодöс нö видан?» — «Рысьтö тай гусялöмаöсь». — «Эн вид не-кодöс, — тадзи шуö, — некодöс эн вид, сійö сиктысь пыригөн ме вид-лыштавлі». Сія пельсаыд бырöма. Ён сёйныд вöлі, дерт.

Мöдысь сэсся мунасны Уральской заводö, пес керавны ветлöны вылысаяс. Кутшöмкö Усольеын. И сэтчö сэки вöлі зимогорьяс тшöтш

ветлёны. Зимогоръясыс сійö, значит, семья абу налөн, мый нажөвигасны, сійö и юёны. Дальше, имущество нинём абу, төв воис, ньбёоны төвся паськөм. Ва веждигөн, сійö, наверно, март төлысьын овлө, сэки уже вузалёны нин төвся кёлуй. Вот тадзикөн. И найö зимогоръяс заводитасны нөйтны дереваннойсасö. А Ульянов Олексаныс сэн жö вёлөма. Видзөдö, сійö оз тышкась. Жаль лоас. Сэсса сійö вагон ли паровозса кёлеса вёлөма, босьтас сійö кёлесатö да на вылө тувөдасшыбитас. Сэсса ставыс сямунёны-пышьясны. Вот тадзи. Сы ыджта кёлеса вермөма шыбитны зимогоръяс вылө.

Но вөли Дереваннойын скөтыд уна, куйөд петкөдоны. И ставсö куйөдсö ыджыд пу вилаөн сійö сөвтö доддяд. Отар помөдыс пырёны вөлаяс, мөдарөдыс петёны. Сійö кык өдзөса карта вөли шусьö, кытөн мөсьясос видзёны. И куйөдтö сэтөнi пазөдоны во гөгөр чөж. Куйөдыд джуджыд, трамбуйтчөма сэтөнi, топыд. И вөлыд сійö куйөд вывтйид лымтөгид, ыджыд додтьö сөвтас да, и оз вермы кыскыныд, лым вывтйид кö кокныд. А ямщикыд вачкалө вөвтö. «Эн вөвтö ви, эн вачкав!» Сійö куйөд вила додь бөрад сатшкас и йөткыштас, а сийөсыд вөвлань петö дажö...

УЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР

Сильный человек был у нас в Деревянске — это было еще когда мы были маленькими — с Нижней горы, звали его Ульянов Александр. Рассказывали, что в молодости он ходил гулять, по вечерам гулял. Вечером, говорили, поужинает вместе с семьей, пойдет гулять. Сходит, погуляет, ему опять уже есть хочется. А в каждом доме погреб имеется, в погреб относят творог, коров-то много было. Целая кадка творога стояла там, его мать копила. Однажды она вошла в погреб, а в кадке нет творога. И мать сердится, ругает кого-то, мол выкрали у нас творог, растащили. Александр и услышал. А говорил он мягко так: «Мама, ты кого же это ругаешь?» — «Творог кто-то выкрал». — «Не ругай никого, — так он говорит, — никого не ругай, это я, возвращаясь из деревни, прикладывался». А кадка пустая. Здоров был есть, конечно.

На другой раз как-то пошли они на Уральский завод, дрова рубить ходили из верхней деревни. Стоял завод в каком-то Усолье. И в то же время приходили туда зимогоры. Зимогоры — это значит семьи у них нет, что заработают, то и проживают. Имущества никакого нет. Пришла зима — покупают зимнюю одежду. При освящении воды*, это, наверно, бывает в марте, уже тогда продают зимние

вещи. Вот так. И прибыл из Деревянске время. Смотрит колесо то ли от покатил-бросил.

Ну, в Деревянске зить. И вот весна на сани. В одну выезжают. Это держали. И на толстослойный, то, когда он бол снегу, легко бы ударяй!» — проснул и толкнул вылез*...

43. ТРӨК

Олөма сійö Водзö мөссö асылысьлөма мати мда абу сюрөма, ны сылысь олан

Косаыс зэ Сөтас косаыс да паньнас, сійөн рөбөтасьыс горд ритчөма, а оз ви скөтсö мыйкө мь

ТРЭК СА

Жил он, ни наяды чужую ко Люди не репали его поймать - осталось. В 19-м

вещи. Вот так. И вот эти зимогоры как-то начали избивать тех, кто прибыл из Деревянска. А Ульянов Александр там же был в это время. Смотрит, он не дерется. Жалко стало своих. А там было колесо то ли от вагона, то ли от паровоза, схватил он колесо и на них покатил-бросил. И все разбежались врассыпную. Вот так. Такой величины колесо смог бросить на зимогоров.

Ну, в Деревянске было много скота, навоз приходилось вывозить. И вот весь этот навоз он было деревянными вилами нагружает на сани. В одну дверь въезжают на лошадях, по другую сторону выезжают. Это назывался у нас хлев с двумя дверями, где коров держали. И навоз там разбрасывали постоянно в течение года. Навоз толстослойный, утрамбован, плотный. И лошади по навозу без снега, когда он большой воз нагрузит, не могут вытянуть, если бы по снегу, легко бы было. А ямщик-то бьет лошадь. «Не бей лошадь, не ударяй!» — просит он ямщика. Он навозные вилы сзади саней воткнул и толкнул сани, да так, что хомут-то у лошади даже с шеи вылез*...

43. ТРЁК САМЕЙ

Олёма сійö, населениеыд абу любитlöма. матö абу лэдзlöма. Водзö мөссö ас видз вылас потшкөн пивучкас до смерти. Люд абу лысьтlöма матi мунны. Сы бөрти пондöмаöсь коркö и кутны — пышйöма да абу сюрöма, сiдзi кольöма имуществоыс, 19 году волiсны, видлiсны сылысь олан местасö.

Косаыс зэв ыджыд вölöма, сötас да сыв пасьта местаö мунö. Сötас косаыс да пу йывтыыс мунас. Ачыс жö босьтас да тракнитас паньнас, сiйöн ныжмодас косатö быдөн. Чунь туйсö аддзим рöбötасыыс горшокъясысь, лаптыс ставыс кык ки пыдöс пасьта. Уберитчöма, а оз висьтассыыс сэссия нинём. Людсö тай абу жö вилöма, а скötсö мыйкö мында вилöма жö.

ТРЭК САМЕЙ

Жил он, население его не любило, к себе не приближало. Однажды чужую корову на своем лугу ударил жердью и убил до смерти. Люди не решались подходить к нему близко. Однажды хотели было его поймать — убежал и не попал никому в руки. Хозяйство его осталось. В 19-м году приезжали, осматривали его жильё.

Коса у него была огромной, как взмахнет, так на сажень берет траву. С размаху ударил косой — полетела коса над вершинами деревьев. Тогда он сам же взял и точильным бруском стукнул по лезвию, затупил свою косу. Как-то видели мы на глиняных горшках следы его пальцев, его ладонь шириной в две ладони. Куда-то убрался, а больше об этом ничего не рассказывают. Людей все же не убивал, а скота забил порядочно.

44. ЮАНЫБ

Оломны Юаныбас кыкөн, чоя-вока. Вокыслөн другыс вёлёма Пөгөстын, чойыслөн — Чорувын, 120 верст сайын. Вокыс пыжён ветлёма, вёла туй ректёмаось полной 100 верст. Вокыс кывтас Важгортё да сыныштас да шыж горувтыс шондї тыдалё. Важгортсыыс мёдас катчыны да пскод оз лысыт матёдчыны, валсё сэтшём ыджыдёс вёчё да.

Нелдыр соберитчасны да бёрсянныс и катёны Юаныбёдыс морт 40 кымын. Коркё воасны юкыс керкаё. Чойыс пёжасьё. «Кён, — шуасны, — вокыд?» Вокыд узяс турышын. Стен боксыыс босьтасны шёвк тывсё да куим пёв гаровтасны. Чойыд петё керкасыыс да турышсё гартёмаось 3 пёв нин. Вокыд петны кутас да сэтчё и гартчас тывьяс. Чойыд повзяс да сэсь и пышйё Чорувас. Вокёс кутисны, гартисны весь. Водзё юад и кыскасны. Зэв бур тывйыс вёлёма.

900 во сайын татшём мортыс вёлём. Ётиыс пышйис Чорувё, мёдсё кыскисны юё.

Лопыддинсыыс Яренскас сйё и туйсё карлёма, нылыс.

ЮАНЫБ

Жили двое в Юаныбе, сестра и брат. Любовница брата жила в Погосте, друг у сестры — в Чоруве, в 120 верстах. Брат ездил туда на лодке, когда прорубили санную дорогу, вышло полных 100 верст. Когда брат плыл в Важгорт, то греб так сильно, что после его гребка из-под лодки солнце показывалось. А когда из Важгорта вверх ехал, так никто не смел к нему приближаться, так как он плыл с огромными волнами.

Вот однажды собрались и поехали в Юаныб человек 40. Приехали всем отрядом к его дому. Сестра его в это время хлеба пекла.

«Где, — спрашивают, — брат?» А брат спал в лабазе. Взяли его шелковый невод, висевший около дома, и трижды обмотали лабаз. Когда сестра выпла из дому, лабаз был уже трижды обмотан. Брат стал выходить и запутался в неводе. Сестра испугалась и убежала в Чорув. А брата поймали и всего замотали. Потом потащили к реке. Очень крепким невод оказался.

Девятьсот лет тому назад такой человек жил. Сестра убежала в Чорув, а брата утопили в реке.

От Лопыдина до Яренска она сделала дорогу, девушка.

45. ЯРУК ИВАН

Ярук Иваныс тайо вёлёма миян Поньсы, зэв ён морт. Пöдругасö сийö видэлёма Серносысь — сэтчыöдэ миянсянь сё верс сайö. Важ йöз висьталлöмны: пукяс пö лызэö, босьтас коса пурт да мөдöдчас. Кутшöм ув мешайтчö, коса пуртнад керыштö. Рьтнас каяс сё версттö, аскинас бөр воас.

Коркö сийö узымöдчас вөр керкаын. Вöрсаясид и локтасны сийöс кыскыны. Кватитасны юрсиöдыс. Сылы ки улад шедö стобйыс, кодöс тульялöны öдзöс водзас, мед кинад пыксыны сы вылö. Мөд киас чер шедас. Стобъяд петитчас да юрситö кыскöны. Сöтас чернас да кералгтырийи вöтлас вöрсаястö.

ИВАН ЯРУКОВ

Иван Яруков это был из нашей деревеньки Пон*, очень сильный человек. Любовница у него была из Серноса — от нас дотуда более ста верст. Старые люди рассказывали: встанет, мол, он на лыжи, возьмет в руки нож, сделанный из косы-горбуши, и отправится в путь. Какие ветки на пути мешают, срезает своим ножом из косы-горбуши. За вечер пройдет сто верст, на следующий день обратно придет.

Однажды он заночевал в охотничьей избушке. И пришли лешие, чтобы его утащить. Схватили его за волосы. Ему под руку попался столб, который вколачивают перед дверью, для упора рук при входе в избушку. Другой рукой ему удалось схватить топор. Попятился за столб, а за волосы тянут. Рубанул топором и так, рубя, выгнал всех леших.

46. ПАРМЕН

а) Вöвлöма сэтшöм морт Пармен. Сийö вöлöма первой олысьöн. Öнi сэсся сийö местаыс шусьö Пар мылькйöн. Во кыксё кымын сийö вöлöма.

б) Кык вок öд вöвлöма, Пар Иван да Пар Елесь. Сизим мужик оз вермыны вöрэвöдны ыджыд из, а вот Пар Иваныд лэптöма... Вöлöм дыш ю дорас вала ветлыны. Чойыс кузь да джуджыд-а, лым сывдасны и юöны. Вот сийöн сэсся и шуöмаöсь юсö Лымва. Гöра улö лэччыны дыш вöлöм.

ПАРМЕН

а) Был такой человек Пармен*. Он был первым жителем. И теперь это место называется гора Пар. Было это около двухсот лет назад.

б) Нет, было ведь два брата: Пар Иван и Пар Елизар. Семь мужиков не смогли сдвинуть с места большой камень, а вот Пар Иван поднял... Им было неохота ходить к реке за водой. Гора длинная и высокая, так они снег растопят и льют. Вот поэтому и речку назвали Лымва. Под гору им неохота было спускаться.

47. ПАР МЫЛЬК

Татчö Лымваö первойöн волöмаöсь куим вок-багатыр. Найö локтöмаöсь нёбдинса Пар керöсысь. Вот нимнысö ог тöд. Налöн челядь абу лолывлöма, кулöмаöсь, и Лымваыс пустошитчöма. Сэсся локтасны джиянсаяс, Поповъяс. Танi öнi ставыс Попов овыс. Найö лымсö сыдлöмаöсь, дыш вöлöм юöдзэс лэччылны да, сэсянь и нимыс Лымва.

А вот часовня улас тай ыджыд из. Локтасны пö кыгысянькö мöд багатыръяс, гусясьны ли мый ли, озырмöдчыны ли. Сэсся сийö изсö кö кыпöдан, сийö и вына. Сэсся воём багатырыс кыпöдас толькö гач вöньöдзэс. А татчöс багатырыс кыпöдас юр вылöдзэс. Но и локтысьыс и висьталас: танi пö меным нинöм вöчны. Мунöма.

А нэсö пö поткöдöмаöсь да часовня улö пуктасны. Увланьсянь, карла дорсянь волöмаöсь.

Лымваса багатыръясыс гöтыраöсь вöлöмаöсь, только абу йывмылöмаöсь, кагаыс абу чужлöма.

ГОРА ПАР

Сюда в Лымву первыми поселились три брата-богатыря. Они прибыли с горы Пар, что возле села Нёбдино. Вот имен их не знаю. У них детей не было, умерли, и Лымва опустела. После них прибыли из деревни Ивановской Поповы. Здесь теперь у всех фамилия Поповы. Они растапливали снег, так как лень им было ходить за водой к реке, с тех пор название деревни Лымва.

А вот под часовней-то камень лежит. Прибыли, как рассказы-вают, откуда-то другие богатыри, то ли воровать, то ли в поисках богатств. И вот, кто поднимет этот камень, тот и сильнее всех. Богатырь, который прибыл, поднял камень только до поясного ремня. А здешний богатырь поднял выше головы. И прибывший сказал: «Здесь мне делать нечего». Ушел.

А камень этот раскололи и положили под часовню. Снизу приезжали, со стороны Сыктывкара.

Лымвинские богатыри женатыми были, только не расплодись, дети не рождались.

48. КОН ПЕДЬ

Кон Педь вöлі Турья Ыбысь. Найö вöліны кык вок, Кон Педь да Кон Сем. Найö зэв кокаось вöліны. Лола вöлі бура кыйöны. Налön асланыс угоддьö вöлі да сэні вöлі кыйсьöны. А Кон Педьыс öтнас кыйlöма нелямын ош. Нелямын ошсö некод на кö эз кыйлы-а. Кон Педьыс берччö вöлі ошкыскöд. Пу бердö личкас да сэсса пуртön бытшкас. Вомас вöлі суйö пуртсö и.

Топыд яя вöліны кыкнан вокыс, яйыс быттö свинеч.

ФЕДОР КОНДРАТЬЕВИЧ

Федор Кондратьевич был родом из Онежья*. Их было два брата — Федор Кондратьевич и Семен Кондратьевич. Они были хорошими бегунами*. На лосей успешно охотились. У них свое родовое угодье было, и там они промышляли. А Федор Кондратьевич один добыл сорок медведей. Вряд ли кто-нибудь еще добывал до сорока медведей. Федор Кондратьевич вступал всегда с медведем в единоборство. Прижмет его к дереву и потом заколет ножом. И в пасть бывало руку с ножом просовывал.

Крепкого телосложения* были оба брата, мышцы будто свинцом налитые.

49. (В СЕЛЕ ШЕЖАМЕ – О БАЛИНЕ)

Интересно также предание о некоем Балине из села Шежам, Айкинской волости, жившем около 150–200 лет тому назад. О нем еще в детстве я слышал много легенд, но старики утверждают, что Балин действительно был и то, что рассказывают о нем, правда.

Грамотных людей в волости тогда совсем не было. Один, говорят, Крит Гордыдов разумел в грамоте, но он жил позже Балина, да и беспросыпно пил. Балин был крестьянин. Начальство его не любило, за то что он разоблачал чиновничьи злоупотребления. Есть пожня под названием «Шыд видз» (щи-пожня). В голодный год местные богачи скупили ее у бедняков за чашку щей. По этому делу Балин написал прошение, причем добавил, что чиновникам и богатым неурожайные годы нравятся больше манны небесной, ибо манна, если выпадет с неба, то достается всем, а в неурожайный год пожни и поля и труды людей достаются только богатым и чиновникам (чиновники – начальство и богатые люди издавна жили заодно). За такое прошение Балина схватили, посадили в темную карету и повезли на шестерке лошадей (крупных преступников возили на шести лошадях) вниз по р. Вычегде. Балина обвиняли в том, что ему, еще задолго до случая с «Шыд видзем», было воспрещено писать прошения, а он не послушался и опять написал. Повезли сначала в Вологду, потом дальше. Возили больше года. В одном месте, наконец, ему сказали: «Вот тебе, непокорный раб божий Балин, архив. В недельный срок найди первоначальный указ Михаила Федоровича, найдешь – оправдаем, а не найдешь – не выпустим». Опечалился Балин, сидя в архиве под замком: в архиве книг много и нужно сидеть в нем годы, а не неделю, чтобы найти здесь что-либо... Пожалел непокорного один из служащих архива: ночью в отверстие он шепнул узнику: «Ищи там, в углу!» Балин был спасен. И слава о нем, как о наилучшем зырянине, после этого утвердилась еще больше. К нему приезжали издалека за советом и за помощью обиженные, и Балин помогал словом и писанием, так как он, имея при себе охранную грамоту, уже не боялся местных чиновников. После смерти, гласит предание, гроб ему был сделан не из досок, а был продолблен комель толстого дерева с тем, чтобы его труп дольше не истлел.

50. СИН ПӨЛА МОРТ

Миян син пөла морт вөвлі, сідз и рөдитчылөма. Синмыс сьлөн сэтшөм югыд — ставсө аддэ. Мужикъяс нарошнө бечева нюждасны Остяк Мыжы сайö, а сійö Мыжыын, сизим километра, петас керкасъяс и — висьталас кымын гөрөд бечеваас. Сійö öти синма, а кыкнан синсъяс югыдыс öти синмас чукөртчөма, сійөн сідз бура аддэ.

А керкаысь керкаö ветлө да бара жö ставсө аддэ, тöдысь кодь и вөлөма. Кутас пырны кутшөмкө керкаö да кодкө бара сійөс упритö, мальча бөждыс кутö. «Эн, — шуö, — играйтö, лэдэö». Сэсся пырас керкаас да висьталас: «Но, бара кодкө тиян кулысь лоö!»

И збыль, кодкө сы керкасъяс кулө. Сійö уресъяс, сійөс тöдö да, предупредитö: эта керкасъяс лоö кулысь, юөртö.

ОДНОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК

У нас был одноглазый человек, таким он и родился. Глаз его был таким острым — все видел. Мужики, бывало, нарочно за Ханты Мужами* натянут бечеву, а он в это время в Мужах, в семи километрах, выйдет из дому и — скажет, сколько узелков завязано на бечеве. У него один глаз, но острота двух глаз соединилась у него в одном, потому-то так хорошо и видел.

А вот, бывало, ходит по домам и тоже все видит, был как знахарь. Заходит в дом, а кто-то не пускает его, держит за полу малицы. «Не шутите, — говорит он, — отпустите». Ну а потом зайдет в дом и скажет: «Ну вот, опять у вас кто-то покойник!»

И верно, вскоре кто-то в этом доме умрет. Это урес*, он знает с одноглазым, и заранее предупреждает, что в этом доме кто-то на днях умрет.

51. СЁСЬКАСА СТАРИК

Сэтшөм сёськаса дядьö вөлөма, тöдысь кодь. Квайтөн мунасны Вöрыкваö, вöравны тувсов вöрын. Сёськаса дядьöыс старшöй пидденыс.

Вот найö бура прöмыс кыясны. Прöмыс зэв шедö. Найö прöмышляйтасны-оласны, öти обед вылө няньыс кольö. А матö куимсё километра колö лэччыны. Коркө найö и ужнайтисны.

— Аттö пö, — шуöны тöварышгъясъд, — öти öбед нянь коли, и кыдзи пö кутам лэччыны!?

— Чөвлө пө, пиянъяс,- шуө сёськаса дядьбөйд,- лэччам пө кыдэко. Вай пө шойччыштө төкөтбө.

Шойччыштитасны. Дедушконыс и сайдмөдас сэссия:

— Пиянъяс пө, чеччалө!

Но, найө көмасисны-пасьтасисны.

— Нортъяснытө вай көртавлө топыдджыка да асьныд пасьта-сялө бура, шоныда, — шуө дядьбөйд.

Көртавласны нортъяс.

— Но, пиянъяс, пуксялө пө нортаныд.

Окотникъяс пуксясны.

— Пуксинныд пө?

— Пуксим.

— Синнытө пө куньбө.

Куныясны син.

— Ме пө кытчөдз ог тшөкты, син эн восьтө, а то пө пөгибнитам весьным.

Стариклөн норт водзын. Старик нортө пуксяс, макнитас кинас дай квайт норт и вөрзяс.

Вот коркө өти и шуас думнас: а ме пө восьтыла синмөс.

Веслянасянь дас куим верст, Ёлдинсянь куим верст и сувтас нортыд. А пемыд на.

— Но, пиянъяс, — шуө старикыд, — коді восьтінныд син? Нортасьбө да кыскө ас выланыд, энө кө кывзө менө!

Сэссия и Ёлдинө воасны. Шойчасны, обедайтасны и лэчасны гортлань, ас выланыс нортсө кыскасны.

Эз кө восьты эсийө синсө, эськө важөн ннн гортынөсь вөліны.

СТАРИК ИЗ ШОШКИ

Был такой старик из Шошки, как знахарь. Шестеро пошли однажды на реку Воряква лесовать в весеннем лесу. Старик из Шошки был за старшего.

Вот они хорошо напромышляли. Очень шел хорошо промысел. Они пожили, попромышляли, и у них хлеба осталось только на один обед. А около трехсот километров обратная дорога. Вот они поужинали.

— Ах ты, — говорят товарищи-то, — хлеба на один обед осталось, а как же будем возвращаться до дому?!

— Погодите, сыночки, — говорит дядя из Шошки, — как-нибудь доберемся. Давай-ка немного отдохните.

Отдохнули. Затем дедушка и будит их:

— Сыночки, вставайте!

Ну, они обулись, оделись.

— Давайте перевяжите покрепче ваше снаряжение на нартах, сами оденьтесь получше, потеплее, — дядя им говорит.

Перевязали нарты.

— Ну, сыночки, садитесь по нартам.

Охотники сели.

— Сели?

— Сели.

— Закройте глаза.

Те закрыли глаза.

— Пока я не скажу, глаз не открывайте, а то все погибнем.

У старика нарта впереди. Старик сел на нарты, махнул рукой и все шесть нарт двинулись.

Вот через некоторое время один и подумал: открою-ка я ненадолго глаза. Открыл — до Весляны осталось тринадцать километров, до Ёлдино — три, нарты остановились.

— Ну, сыночки, — говорит старик, — кто открыл глаза? Раз меня не послушались, впрягайтесь в нарты и тащите на себе!

Прибыли они в Ёлдино. Отдохнули, пообедали и отправились в сторону дома, потащили нарты на себе.

Если бы этот не открыл глаза, давно бы уже дома были.

52. ДАРУК ПАШ

Дарук Пашсö ме зэв мича тöда. Сійö тöдысь вöлі. Пöдчерйöын оліс квайт пельöса керкаын. Сэсся öти купчкöд споруйтöма, Габö Иванöн вöлі шуöны. Ме пö талун тэкöд нина юа, а аски пö татöн менам керка оз ло, лоас сійö Васька керкаын. А Васька керкаыс Пöдчерйöсянь нелямын километра улын. А эн пö, пийö, ошйысь. А он кö пö веритчы, ковмас пример петкöдлыны, мед народыс тöдисны. Ме кö пö ворсся, оз кö пö менам керкаыс кывт да аски асыв оз ло Васька керкаын, четверть вина пукта. Четверть вина — сійö, мян ногөн кö, вит парта. А менам кö керкаö Васька керкаын лоö, тэ пуктан. А гöтырыс шуöма: «Эн дур, код лешак вермас öти войöн квайт пельöса керка косяв да, нелямын километра кылöд да, пукты да, да шондi петигөн мед пондас тшын петны пачысь!» Видзöд, пачöн и быдсөн!

Сэсся споруйтасны, ки кучкасны (мян важөн вöлі ки кучкöны), значит, всё, кодi ворссяс — ворссяс.

Аскинас Габö Иваныд чеччас, видзöдлас — керкаыс абу. Дявöлыд, ставсö нуöма, кирпичтор весиг абу, чистö поле! Раз керка абу,

ворсси жö öд нин пö-а, четверть вина босьтас, Ош Васькаöс медалас: «Вай,— шуö,— кылöдлы!»

Сэссия дас километра оз на воны, а дас километра сайсянь тыдалö Васька керкаыс, вомыныс кузь, Васька видзöдö, синма вöлöма: то пö Пашыдлөн керкасьыс тшын петö, то пö керкаыс дзик кыр йылас пуктöма. А квайт пельöса керка абу ичöтик, абу кыйсян керка, абу прöста нуны.

Сэссия воасны. Пашыд кок вежынь пуктöма, шпуткö-куритчö. «Мый нö, Иван Гаврилович,— шуö,— кодным тöдiм, тэ али ме?» — «Тэ, молодец!» И вот сэссия кум друг юасны-гаждчасны, кылöдысьсö öд тшöтш юктöдасны.

Сэссия кулигас нин Дарук Пашыд керкасö вузалас, ачыс Троицкöйö овны каяс. Кад воис кувны, пöрысь, а кувны оз вермы: некодлы пö кольны тöдöмсö, ог лысьт, ставыс пö лёк, завидьöсь, колысьсь; толькö пö лысьта сетны Иван Гришöлы, но мед пö менö кывзас, оз кö пö кывзы, бөрья пом синтöм кольö.

Сэссия Иван Гришöыд босьтöма тöдöмсö, Пиццик Гриш. А вöлөм колö кывзысьны Дарук Пашлөн другьяссö, мый тшöктасны, колö вöлөм вöчны, он кö вöч, всё, синтöм колян. А кызкö абу кывзöма и öнi дзик сиитöм, коньöрöй. Öнi на ловья, Пыстин Григорий Иванович, Заречьевын олö, мекöд тшöтшья.

ДАРУК ПАШ

Дарук Паша я прекрасно знал. Он знахарем был. Он в Подчерье жил в пятистенном доме. Однажды он поспорил с одним купцом, звали его Габэ Иван, Иван Гаврилович. «Вот,— сказал он,— мы сегодня здесь с тобой вино пьем, а завтра моего дома здесь не будет, а будет он в Васькиной избе». А Васькина изба находится по реке ниже на сорок километров от Подчерья. «Не хвались, сынок»,— ответил тот. «Если мне не веришь,— продолжал Дарук Паш,— то придется доказать, да так, чтоб и народ знал. Если я проиграю, если не поплывет моя изба и не будет завтра утром в Васькиной избе, то ставлю четверть вина». Четверть вина — это в наше время пять бутылок. «А если будет мой дом в Васькиной избе, то ты поставишь». Жена Дарук Паша забранилась: «Не дури, какой лешак сможет за одну ночь пятистенный дом и разобрать, и сплавить за сорок километров, и поставить снова, да чтоб еще и дым шел из печи на восходе солнца!» Смотри-ка, еще и с печкой!

Вот поспорили, ударили по рукам (у нас раньше принято было ударять по рукам), значит, всё, кто проиграл — тот проиграл.

Наутро Габэ Иван встал, посмотрел — дома нет. «Вот дьявол, все увез, даже кирпичика не оставил, чистое поле!» Ну, раз дома нет, значит проиграл. Захватил он четверть вина, нанял лодочника Ош Ваську*: «Давай, — сказал он, — свози-ка меня туда!»

Еще десяти километров не доехали, а за десять километров Васькина изба уже видна, плес-то длинный. Васька смотрит, глазастым оказался: «Вон, — говорит, — из избы Дарук Паша дым идет, вон дом-то на самой вершине кручи стоит». А ведь пятистенный дом не маленький, не охотничья избушка, непросто увезти.

Наконец присхали. Дарук Паш ноги крест-накрест положил, пыхтит-курит. «Ну что, Иван Гаврилович, — говорит, — кто был прав, ты или я?» — «Ты, молодец!» И вот три друга стали пить-веселиться, лодочника-то ведь тоже угостили.

Незадолго уже перед смертью Дарук Паш продал свой дом, а сам переехал жить в Троицко-Печорск. Старость подошла, пришло время умирать, а умереть не может. Он сказал: «Не на кого оставить свое знахарское умение, не смею передавать, никто не годится — завистливые, жадные; только могу доверить Григорию Ивановичу, но пусть он помнит мой наказ, если нарушит его, то под конец жизни слепым останется».

Григорий Иванович, по прозвищу Пищик Гриш, перенял у Дарук Паша его знахарское умение. А оказывается, надо было слушаться друзей Дарук Паша, надо было исполнять все, что они прикажут, если не исполнишь, всё, будешь слепым. Вот чего-то он не исполнил, и теперь совершенно слепой, бедняга. Он и сейчас еще жив, Пыстин Григорий Иванович, в Заречье живет, ровесник мой.

53. ГАНЬ-ИВАН ЙЫЛЫСЬ ПРЕДАНИЕ

Гань-Иван вöлі озыр да сюсь рёзбой-атаман. Деньгасö ötчыл дзэбис да шуис: «Коді кö кöть и аддзас кладсö, аддзас сöмын Иван Иванович Иванов». Ивановыс и аддзис...

Гань-Иванöс велöдöма рёзбойö да кöлдуйтны öти усть-цилемскöй баба. Та вöсна рёзбой-атаман ыджыд гöснеч обещайтис да регыд вунöдис та йылысь.

Пондисны найö кывтны, кывтисны Усть-Цильмаöдз. Пондисны пусьыны да шыдыс гырдоң пуö. Эз тöд Гань-Иван öти ключевöй кылöс. Шуö сійö: «Пом меным воö, вунöди старукалы пöдароксö сетны да». Тані Гань-Иванöс и кыйисны...

ПРЕДАНИЕ О ГАНЬ-ИВАНЕ

Гань-Иван был богатым и хитрым атаманом разбойников. Однажды он припрятал свои деньги и сказал: «Если кто-нибудь и найдет этот клад, найдет его только Иван Иванович Иванов». Иванов и нашел...

Гань-Ивана научила разбойничанью и колдовству одна женщина из Усть-Цильмы. И за это атаман разбойников пообещал ей хороший подарок, но вскоре позабыл про это.

Стали они плыть, доплыли до Усть-Цильмы. Начали варить суп, и суп стал кровавым. Не знал Гань-Иван одного ключевого слова. Он и сказал: «Конец мне приходит, потому что забыл старухе сделать подарок». Здесь и был пойман Гань-Иван...

54. ТУНДЫРЬЯК

Татон вёлёма кутшомкё Тундырьяк. Туньяс. Найо вёлём быдторсё тёдони. Тадзи сёрнитоны вёли менам дэоля дырйи на...

Тундырьяк и висьталёма, тиян пё олёмыс лоо зэв бур. Усть-Кулом пё дзикёдэ бырас, только отик петук кольо. А Чукля шорын пё лоас мир. А татчё лоас кар. Эжваыс пё кутас мунны вичко увтыс. Оні тай кытён пристаньыс, сэн вичко на вёлёма и кладбище, неважён на льяс сюралісны. Важён Эжваыс вёлём мунё, эстён тай ю мунё, а татчё нёти вёлём оз мун.

Сэсся лоас пё клад. Сійо кладыс сюрас дас кыкёд чуркаыслы. Чурка сійо, значит, батытём. Первой батытём, сэсся мёд нылыслён батытём, но дас кыкёд чуркаыслы. Сэк од чуркаон вёли шуоны да. А сэсся пё Деревянной лоо кар...

А ме пё ог кув, менё кё он лыйё няня пуляён. Мен пё нинём оз мөрччы, только пё лыйё няня пуляён. Мен пё нинём оз мөрччы, только пё лыйё няня пуляён, кор ковмас, ме пё тшюкта. А что за няня пуля?

ТУНДЫРЬЯК

Здесь жил какой-то Тундырьяк*. Туны. Они будто бы обо всем знали наперед. Так рассказывали про знахарей, когда я еще была маленькой...

Тундыръяк и предсказал, что наша жизнь будет хорошей. Усть-Кулом, дескать, совсем исчезнет с лица земли, только один петух останется. Около ручья Чуля* будет населенный пункт, а здесь в Деревянске будет город. Река Вычегда, дескать, будет течь под церковью. Вот, где сейчас пристань, там раньше стояла церковь и было кладбище, еще недавно там попадались человеческие кости. Раньше, рассказывают, наша Вычегда протекала там, где теперь старица, похожая на речку, а сюда даже и близко не подходила.

А потом, дескать, обнаружится клад. И этот клад попадетя двенадцатой чурке. Чурка — это родиншайся без отца. Вот первая, родившаяся без отца, потом у ее дочери родившаяся без отца, ну и чурке двенадцатого поколения достанется. Тогда ведь их чурками называли. А после этого Деревянск будет городом...

А его, дескать, ни за что не убить, если только не выстрелить в него хлебной пулей. Его, дескать, ничего не берет, если не стрелять хлебной пулей. А когда это потребуется, он сам скажет. А что это за хлебная пуля?..

55. ТУНДЫРЪЯКЛЫ ОЗ МӨРЧЧЫ ПУЛЯЫС

Ачыс жö сийö морт, абу морт, Тундыръякыс, сийö көть Тундыръякөн шуоны. А мортыдлы пуляыс öд мөрччö, а сылы öд пуляыс оз мөрччы, ме öд сийö шуа, мися, сийö абу морт. Тундыръяк сийö ачыс кутшöмкö олысь.

Кöнкö трундраын, сийö трундраын олö. Трундрасянь пö сийö ветлöдлывлö. Ветлöдлö на тай-а. А öнi ог тöд сэсся-и. Öнi öд сэсся виисны нин колöкö. Öнi ружьяснад ветлöдлöны да, кöнкö, виисны нин сийö.

ТУНДЫРЪЯКА ПУЛЯ НЕ БЕРЕТ

Он особый человек, не человек, Тундыръяк, хоть его и зовут Тундыръяком. Человека ведь пуля берет, а его ведь не берет, вот я и говорю, мол, это не человек. Все равно ведь какое-то, Тундыръяк все равно какое-то особое существо.

Где-то он в тундре живет. Он, говорят, из тундры странствует. До сих пор еще странствует. А теперь уже и не знаю. Теперь, пожалуй, уже убили. Теперь ведь все с ружьями ходят да, наверно, убили уже его.

56. КӨРТ АЙКА

Важон пö тай вöвлöма Көрт айка. Сийö пö, вöлөм, став йөзсö «сөйö. И татысь йөзыс ставыс бырлöма. Сидз тай ме кывлi кыськö. Сэссия öтик локтас казак. Эжва кузя кутас кывтны дай кытöнкö петук шы кылö. Сэтчö сэссия-й овмöдчылöма. Сийö казакыс вöлөм ветлö-кытплалö, чери кыйö да. А кватитчас да сэссия Эжвасяньыд зэв матын вöлöма. Ыджыд йөр горулын сэтшöм чудь гу эм. Сэтөн дзевсьöмөн овлöмаось важон йөзыс. И гусö, сийö мыльксö, ми век на чудь гуөн шуам. Вот сэссия Ыджыд йöрад и стрöитчас казакыд. Казакыс овмöд-чылöма и сэсянь сэссия-й йөзыс чукөрмöма, казаксяньыс. Көрт айкаыс вöлөм став йөзсö сөйö вочасөн. А сэссия сэсянь йывмöма йөзыс, казаксяньыс. Роч вöлöма мортыс, абу коми. Сэссия тай переходитöма комиö.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАРЕЦ

В старину, говорят, был Железный старец*. Он, говорят, по-едал всех людей. И поэтому народ весь исчез. Так я где-то слышала. Потом пришел сюда один беглый человек. Стал плыть по Вычегде и услышал в каком-то месте петушиный крик. И там поселился. Этот беглый человек стал повсюду ездить, рыбу ловить. И вот как-то он неподалеку от Вычегды обнаружил чудские ямы*, они находятся под горой в местечке Ыджыд йөр*. Там в старину потаенно жили люди. Эту яму, этот холм мы до сих пор называем чудской ямой. Вот он и построил себе дом в местечке Ыджыд йөр. Беглый человек поселился, и с тех пор снова люди пошли, от этого беглого. Железный старец, оказывается, поедает людей постепенно. А от этого беглого человека потом снова люди пошли. Этот человек был русским*, не коми. А уже потом превратился в коми.

57. КӨРТ АЙКА ЙЫЛЫСЬ ВИСЬТ

Миян бать висьтавлis. Сэни пö вöлöма Көрт айкаыс, да кык тöдысь вöлöмась, кык кöлдун. Сийö пö вöлөм Көрт айкаыд зэв ыджыд тшан вöчас сэтчö да сур пуас, да юö, да сэн кодалö.

Кутас пö пыжа катны. Пыжа катысьыс шуас: «Сусло пö стой!»

А Көрт айкаыд шуас: «Лодка пö стой!» Сэссия пыжыс сувтас дай мунны оз вермы.

Көрт айкаыс туйсö пö потшö, оз пö вермыны мунныс. Сурсö пö пуас да, гашкö, пö куим суткиöдз сийö йөктас да сьылас.

Сутуганас васо потшөма да некодлы туйсö Корт айкакыс оз сет, ва кузяыс ветлынысö.

Сэсся сийос виясны. Корткерössаяс виясны.

РАССКАЗ О ЖЕЛЕЗНОМ СТАРЦЕ

Наш отец рассказывал. Там, в Корткеросе, мол, он жил, Железный старец, и были два знахаря, два колдуна. И он, этот Железный старец, сделал себе огромный чан и в нем варил себе пиво и пил там, пьянствовал.

Однажды вверх по реке шла лодка. Плывущий в лодке и сказал: «Сусло, стой!» А Железный старец сказал: «Лодка, стой!» И лодка остановилась и не может идти.

Железный старец путь перегораживал так, что не могли ездить.

А как пиво сварит, так, может, до трех суток поет и пляшет.

Проволокой перегородил реку и никому Железный старец не давал проходу по реке.

И его убили. Жители Корткероса убили.

58. (ПÖЛЯ-ВНУКА)

Сийö, значит, важ йöз висьтавласны. Важön, значит, Эжва кузя комынысь* кылöдлöмаöсь баркаөн нянь. Сийö сідзи срубйысь тшупасны, керйысь, көнöпатитасны, сийön и кылöдöны кар дорöдз нянь. Сэтöни вузалöпы няньсö и баркасö пес вылö, бөр эз катöдны, пароходыд эз вöв да. Нёбдін сельсовет улын, Öникаын, вöвлöма, значит, öтик олысь пöльö внукукскöд. Вöлөм сур пуöны пöварняын. Пöварняад сур пуигад сэтi Эжваöд вöлөм кывтö барка. А барка вывсаыд, значит, важъя комилөн преданье серти, сийö тöдысьяс. Öти тöдысь, мöд ещö выше. сийö мöда-мöдсö панийöны. Баркавывса кöзяиныйд и горöдас:

— Сусло, стой!

Сэсся чужва виялöмысь дугдас. А пöльыд вöлөм оз нин аддзы, сьöкыд пеля. Дстинаыд и висьталас:

— Пöльö, пöльö, то барка вывсыныйд горöдiс «сусло, стой!» да сурыд дугдiс.

— Но, морö, көн нö?

Сия омöлик синнад аддзас да горöдас:

— Сусло кö стой и барка стой!

Сэсся баркаыд сувтас. Сэсся кык тöдысь вермасысны, вермасысны дай миритчасны да öта-мöднысö лэдзасны да барка кывтас и суслö мöдöдчас виявны.

СТАРИК И ЕГО ВНУК

Это, значит, старые люди рассказывали. В старину, значит, из Прикамья* сплавляли по Вычегде хлеб в барках. Делали из бревен сруб, конопатили, и на нем сплавляли до Сыктывкара хлеб. Там хлеб продавали и барку тоже продавали на дрова, обратно вверх по течению не везли, так как тогда не было еще пароходов. А в деревне Аникиевка Нёбдинского сельсовета жил один старик со своим внуком. И они однажды варили пиво в предбаннике. Когда они варили пиво, по Вычегде плыла барка. А тот, кто был на барке, по коми старинному преданию, — знахарь. Один знахарь, второй еще сильнее знахарь, и они друг перед другом состязаются в знахарской силе. Хозяин барки и крикнул:

— Сусло, стой!

И сусло перестало течь. А старик, оказывается, уже был слепой и тугой на уши. Мальчик и сказал:

— Дедушка, дедушка, вон с барки крикнули: «Сусло, стой», и сусло остановилось.

— Ну, черт, где?

Он слабыми своими глазами увидел и крикнул:

— Если сусло стой, то и барка стой!

И барка остановилась. И вот два знахаря боролись, боролись меж собой и наконец помирились и отпустили друг друга, и барка поплыла, и сусло потекло.

59. (КЫК ВОК)

Кык вок овлёмаось, Көрт айка да князь. Князьыс олөма Князьпогостын, а Көрт айка Көрткерөсын. Көрт айкасө нинөм оз заберит вөлі, көть мыйон Көрт айкалы вачкы — телөыс сьлөн көрт вөлөма. Көрт телөыс вөлөма, сійон Көрткерөсөн и шуоны. Кутласны пө и быдөн сійө да гыжйыштасны, да вирыс сьлөн оз пет — көрт.

А князьыд сійө зэв вына вөлөма. Да быд лун пө сійө сур тшан пуө да юө. Сэсся князьыд вөлөм сур пуө, а Степан вөлөм ыджыд из вылын кывтө Емва кузя Князьпогост весьтті. Да горөдас: «Сусло, стой!» И чужваыд оз кут петны. Но князьыд тожө горөдас: «Сусло кө постой, и Степан постой!» И Степаныс сэтчө, Емва кузяыс кывтө да, сувтөма жө. Сэсся князьыд горөдөма: «Тайө тай мейсь ыджыдджык төдысь вөлөма; мый дыра пуи да сурыд оз пет». И сійө друг тшанас пырас и петө нин Емва ваас. И пыр мунө Көрткерөсөдыс.

А найо кык вок вёлөм век гоститны ветлоны, ватиыс и ветлоны вёлөм. Князьыс шуома: ветла по вок дорө, юала, мыйла тайо Степаныс мыйсы на ыджыдджык тодысь? Князьыс мунома, а Степаныс сэсса Емдинодз кывтома... Талз тай висытавліс бать-а.

ДВА БРАТА

Жили когда-то два брата, Кэрт айка и князь. Князь жил в Княжпогосте, а Кэрт айка в Корткеросе. Кэрт айку ничем нельзя было взять, чем бы в него ни захотел ударить — тело его было железным. Тело его было железным, поэтому и село получило название Корткерос (Железная гора). Его, бывало, поймают и тычут чем-нибудь острым, а у него и кровь не течет — железный.

А князь был очень сильным. И он каждый день варил себе чан пива и выпивал его. Однажды князь варил пиво, а в это время мимо на большом камне плыл по Выми Степан Пермский. Он и выкрикнул: «Сусло, стой!» И сусло перестало бежать. Но и князь тоже выкрикнул: «Если сусло стой, то и Степан постой!» И Степан тоже остановился. Но князь все же воскликнул: «А этот, оказывается, знахарь посильнее меня; сколько времени уже варю пиво, а пиво не выходит». И он вдруг нырнул в чан, а вынырнул уже на Выми. И так он под водой пришел до Корткероса. Они, оказывается, два брата постоянно таким образом ходили друг к другу в гости, под водой и ходили. Князь, оказывается, решил: схожу-ка, дескать, к брату, спрошу, как так вышло, что Степан больше нас знахарь? Князь ушел, а Степан доплыл до Усть-Выми... Так мне рассказывал отец.

60. (КУИМ ВОК)

Найо вёлөмаось куим вок: Питирим, Ярасим да Иона. Емдинын оломаось. Сэсса корко отчыл Сольвычегодскойсянь локтоны вёлөм кутшомко йоз, кутшомко племя. Локтоны чукорон-чукорон, съод юраось. Абу гачаось, а тати только вевтгыштөмаось, кутшомко гона йоз. Сэсса вөрсьыс петөмаось да локтоны Емдинлань отарсянь и модарсянь, окружитөмаось. Ватиыс локтоны и горэоны: «Ермак! Ермак!» Ермак по, горэоны, а мый сийо ермакыс на ногон, ог куж висытавны. Съыланкыв ли, мойдкыв ли?

Сэсса кык вокыс, Питиримыс да Ярасимыс, пышйөмаось, а меддоля воксо, Ионасо, тайо племяыс кутөмаось да и виөмаось. Больнича горулас, Эжваланыыс. Вот ог тод ермакъяссө. Съод юра ермакъяс тай казетылоны-а.

ТРИ БРАТА

Их было три брата, Питирим, Герасим и Иона*. В Усть-Выми жили. Однажды со стороны Сольвычегодска прибыли какие-то люди, какие-то племена. Двигались они толпами, волосы черные. И не в штанах, а только с набедренными повязками*, какие-то мохнатые люди. Они вышли из лесу и двинулись к Усть-Выми с двух сторон, окружили город. По реке подплывают и кричат: «Ермак! Ермак!»* Кричат «срмак», а что это такое на их языке, не знаю. Песня ли, сказка ли?

И вот два брата, Питирим и Герасим, убежали, а младшего брата, Иону, этот народ поймал и убил. Здесь, под больницей, ближе к Вычегде. Вот не знаю этих ермаков. Иногда только вспоминают про каких-то черноголовых ермаков.

61. ШИПИЧА

Славный атаман Шипича сидел однажды над рекой Сысолой и грустил. Думал он о том, какая в этом году будет осень. Думал о том, что уже третий год живет без жены, а за три версты от него живет красавица-вдова, и о сокровищах, какие награбил он вместе со своими сообщниками, а зарыл в глухом месте один.

И все сны ему снились в последнее время самые страшные. То видит во сне каких-то людей в кольчугах, с ружьями, каких никогда не видел прежде. То лодки с большими веслами, каких никогда не видел на Сыsole.

Загрустил Шипича и решил нарушить обет вдовства и пошел по знакомой тропинке к той красавице-вдове. А в отдельном тереме над Сысолой жили его дочери. Одна была с белыми волосами и голубыми глазами, другая — темноволосая и с глазами, как осенняя ночь. Первая еще не знала любви, вторая испытала любовь с черным туном — хитрым Сизьяком из-за речки Чев-ю. Имя первой было Шонди нын — дочь солнца, и родилась она в день праздника у солнца. Имя второй — Тэльсь-бан, потому что лицо ее было бледно, как лицо месяца в середине неба в зимнюю холодную ночь.

Они сидели у окна, когда мимо проходил отец, смотрели на облака и на воду и в воде и в облаках видели смерть отца, потому что все это было написано в книге, лежащей в золотом тереме на крыше неба у великого бога Ена. Сыновья Шипичи ходили далеко вверх по Вычегде собирать ясак для своего страшного отца. Но не думал о

своих детях Шипича, когда шел к вдове. Он подошел к тыну избушки, в которой сидела Сизь-ю, чесала волосы и приговаривала:

Не заяц идет в петлю,
Не медведь идет в капкан,
Не волк лезет в яму,
Не лиса ищет стрелу из лука,
Сам атаман Шипича
Спешит к бедной вдовушке —
Сизь-ю-гэтыр-ёме.

Она была ёмой.

И, открывая дверь Шипиче, подумала ёма:

— Я служу Ену и брату его Омэлю. Пусть будет все, что бывает после греха...

Вошел к ней Шипича, поздоровался, она усадила его в красный угол, положила его голову к себе на колени и своими волосами, как шелком, окутала его шею. Потом она запела о Войпеле и о близкой смерти Шипичи.

И Шипича слушал ее сладкий голос.

Так прошли три дня и три ночи. Совсем обессиленный вернулся Шипича домой от вдовы, дома налил в чашку воды, хотел принести очистительную жертву богам, чтоб вернулись к нему прежние силы, но не успел, как то и было написано в книге Ена на крыше пеба. Тремя отрядами напали на дом Шипичи новгородские разбойники, закованные в железо.

«Ослабел я сейчас, — подумал Шипича, — не отражу удара!» — и, подняв руки над водой, произнес заклятие:

— Море, седой старик, родивший много дочерей — рек и маленьких детей — звенящих ключей, вспомни своего сына Шипичу!

Не успел он закончить заклятья — поднялись из чаши высокие фонтаны, и все разбойники оказались в воде по колени, но все-таки пошли с оружием на Шипичу.

— Мать облаков, Кымэр-мам, — сказал тогда Шипича, — помоги мне!

Поднялась вода разбойникам по грудь. Назад повернули два отряда к своим лодкам, но третий отряд с атаманом во главе храбро поднялся на крыльцо.

Тогда третье заклинание произнес храбрый тун:

— Отец льдистых гор, живущий на севере, Саридз-айка, приди ко мне на помощь. Я зову тебя!

По шею оказались разбойники в воде. Все бросились назад вплавь, но атаман с двумя разбойниками уже двигался к Шипиче в сенях. Не хватило Шипиче очистительных заклинаний после объятий ёмы-вдовы. Схватили его разбойники за бороду, начали рубить топорами. И с каждым ударом топора воды все убывали и убывали, стекая назад в Сысолу.

Дочери колдуна также обратились к матери облаков, но сами броситься на помощь отцу не посмели.

— Не смеем мы идти против слов, — так сказали они друг другу, — записанных у белоусого бога, живущего на крыше неба.

Долго рубили разбойники Шипичу, но убить его не смогли.

— Неумные вы дети, — закричал он им, — если я вам сам не скажу, вам меня не убить и сокровищ моих не найти. Но мне жизнь надоела, любовь меня утомила — я хочу умереть сам. Разрежьте мой пояс, и тогда я усну смертным сном.

Разрезали разбойники пояс Шипичи, и тотчас все воды вытекли из его дома. А сам грозный Шипича умер. Тогда разбойники убили обеих его дочерей, ограбили дом Шипичи и ушли с богатой добычей.

А когда сыновья Шипичи стали подъезжать к дому, ольхи и березы им пели:

— Куру-кура, нет Шипичи, нашего друга. Погасли Шонді ныв и Тэлысь-бан.

62. РӨЗВАЛЬ ТЫР ДЕНЬГА

А ме вот отикос кивли. Важон нин вольома. Отик правда озыр вольома, денегасо по тай розваль тыр ыргоныс да эзысьыс вольа. Вот сийо пондас чужва вийодны сэтони, кон мян вичко тай вовли. Сийо сетоли вольом чужва вийолдо, праздник кежло ли мый ли. А вольи ниньсо баркаон тулыснад, Екатерининской канал шусьо, сати вольи пыр вайоны нянтю Комиад, но рочыс нин, позьо шуны. Екатерининской канал од все-таки се кокьямысдас вит да джын километра. Вот сати пондас сийо баркаын нянтю кылодны. Но и висьталас: сусло по стой! Сэсса чужвасо вийодысьыс и шуас рочон жо: если ко по наша сусла стой, и ваща лодка по стой! И ва шорас сувтас пыжыс, кивтигас ва пиад сувтас. И кыгчолдз оз лэдз, оз справит, сэтони сулалас пыжыс. Кевмысьны пондас да лэдзас да вольис простмас, сэсса кивтас. Вот йозыс вольомаось.

ПОЛНЫЕ РОЗВАЛЬНИ ДЕНЕГ

А я вот одно слышал*. Это было в старину. Один по-настоящему богатый был, денег у него полные розвальни было меди и серебра. И вот начал он сусло гнать там, где у нас бывшая церковь стоит. Он там гнал сусло, к празднику, что ли, какому. А хлеб, бывало, весной на барках сплавляли через канал, мы называем его Екатерининским каналом, вот через него всегда хлеб везли в Коми край, из России, можно сказать. Екатерининский канал — он ведь все-таки протяженностью сто восемьдесят пять с половиной километров*. Вот стала барка мимо богача плыть, хозяин барки и сказал: «Сусло, стой!» А тот, богач, что варил пиво, тоже по-русски сказал: «Если наше сусло стой, то и ваша лодка стой!» И на середине реки встала лодка, остановилась на середине реки. И до тех пор, пока не отпустил, не отправил, лодка там и стояла. Тот, что был на лодке, стал умолять, и отпустил, лишь после этого освободилась барка и поплыла. Вот люди были.

63. КӨРТКЕРӨС ЙЫЛЫСЬ

Зэв нин важён первой Көрткерөс кыр йылас локтас өтик беглөй морт. А водэын өд сийө беглөй мортыс вөлі шуёны казакөн, пот, кодъяс Дон вылө пышйылысны. И быттьөкө өтик сэтшөм беглөй морт веськалө Көрткерөсө. И сэтөн овмөдчас...

Казак стрөйтчас Көрткерөс катыд помас да кутас сэн овны. А сэтi ставыс гөгөр вөр. Сэсся коркө кутас өтик асылө көнкө кывны петук шы. Сийө сэсся босьтас чер и черөн мөдөдчас петук шы вылад мунны. Но сийө лөсас вөчалө, медым не вошны, лөсасөн пасъялө ассьыс туйсө. Мунө и веськалө аслас сосед дорө, колкөд өти калө овмөдчылөмаось да төдсаось нин вөлөмаось. Из Юр нимаыс сувтас Кияө, юас пырас да сэтчө сувтас, а мөдыс, казакыд, каяс-катас Эжва кузя да вылө сувтас. Вот вөлөм өта-мөдыскөд найө аддэысьны локтөны. Кия юыс усьө Эжваас, и йылыс Эжваыслөн өтлаась да Эжва кузя кө кывтны да Кия кузя катны, вывтi ылын, гашкө, дзөнь сутки колө мунны, а лөсас туй кузяыс өти здукөн и воас...

О КОРТКЕРОСЕ

Очень давно первым на Корткеросскую гору пришел один беглый человек. А раньше ведь беглых людей называли казаками, вот те, которые на Дон убегали. И якобы один такой беглый человек попал в Корткерос. И вот он поселился...

Казак построил себе дом в верхнем конце Корткероса и стал там жить. А там тогда кругом лес был. И вот он однажды утром слышит: где-то петух кричит. Взял он топор и отправился с топором на петушиный голос. Ну, он идет и делает затесы, чтобы не заблудиться, затесами отмечает свой путь. Пошел и попал к своему соседу, с кем они были уже раньше знакомы, одновременно вверх по реке поднимались. Тот, которого зовут Каменноголовый*, остановился на речке Кия, въехал в речку и там остановился, а другой, казак-то, поднялся выше по реке Вычегде и там остановился. Вот они, оказывается, друг к другу навстречу пошли. Речка Кия впадает в Вычегду и в верховьях тоже сближается с ней, поэтому, если ехать на лодке, то слишком далеко, может целые сутки надо ехать по Вычегде, потом по речке Кия, а по затесинам за один миг можно дойти...

64. ПАКӖСЬ ВӖЧЫСЬЯС

Вычегдаті, Эжваті, ветлӖдлӖны вӖлӖм кутшӖмкӖ пакӖсь вӖчысьяс, кутшӖмкӖ лӖк вӖчысьяс. Вот сӗтшӖм кутшӖмкӖ йӖз вӖлӖма. НекутшӖм паракход сӗки эз ветлы Вычегдаті. Мый колӖ, сӗн груз ли мый ли, вичко оборудование катӖдӖны пыжӖн. Туй тожӖ омӖль, трактыд тожӖ непроходимӖй. ОсновнӖй груз вайӖдӖны, кылӖдӖны пыжӖн ва туйӖд.

Вичкояс кутӖмаӖсь вӖчавны Эжва пӖлӖныд, и вичколы Ӗд ӖбязательӖ со жыннӖя колӖ, кӖтя бы кутшӖм, а мед вӖлі жыннӖя. Но сӗсся этатӖні жыннӖя катӖдӖны. И найӖ, пакӖсь вӖчысьясид, жыннӖянсӖ мырддьясны, кӖнкӖ Ульяна дорыи. И жыннӖянсӖ берегӖ кыскасны. МестасӖ вӖлі шуӖны Камбал яг, сӗтчӖ пӖ жыннӖянсӖ Камбал нюрӖ кыскасны. И сӗтӖн жыннӖянсӖ кодсюрӖ аддзылӖмаӖсь на. Ыджыд-Ӗ жыннӖяныс вӖлӖма? Дерт абу ыджыд. СійӖ вермӖмаӖсь кыскыны ас выланыс берегӖ да.

Меиам дзоля дырйи, меным вӖлі, гашкӖ, вит-Ӗ-квӖйт арӖс, мян батъяс ветлісны корсьны сійӖ жыннӖянсӖ, абу и сюрӖма. СійӖ пӖ вӖйӖ. КодкӖ аддзылӖма, джынйыс пӖ нин вӖйӖма, видимо, небыд места. СійӖ, видимо, сӗтчӖ вӖйи. А, гашкӖ, жыннӖя местаас абу веськалӖмаӖсь, ме ог вермы Ӗні висътавны...

РАЗБОЙНИКИ

Раньше по Вычегде ездили какие-то люди, занимались грабежом. Вот какие-то такие люди были. А паракходы тогда ещӖ не ходили по Вычегде. Что необходимо, груз или какое-либо оборудование

для церквей, все привозили на лодке по реке. Дороги тоже были плохие, тракт нынешний тоже непроходимый. В основном грузы везли, сплавляли на лодках по водному пути.

Вот стали строить церкви вдоль по Вычегде, а церквям ведь обязательно нужен колокол, какой бы ни был, но чтобы колокол был. Ну вот и стали везти колокол. А эти разбойники колокол отобрали, где-то около Ульяны. И этот колокол на берег вытащили. Это место называли бор Камбал, и вот туда в болото затащили колокол. И там кое-кто еще и видел этот колокол. Большой ли колокол был? Конечно, небольшой, раз смогли на себе унести.

Когда я был еще маленьким, мне всего было лет пять или шесть, мой отец с товарищами ходили искать этот колокол, но не нашли его. Говорят, он тонет. Кто-то видел, наполовину уже было погружился, видимо, топкое место. Видимо, он утонул там. А может, на это место, где находится колокол, не попали, я теперь это не могу сказать.

65. УЛЬЯНОВСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Ульяновской монастырь существуйтö важесянь. Висьталöны, сійö кутшöмкö дзюляник грезд вöли даже Степан Пермской дырся. Сэсся Уралсянь воласны грабительяс, кутшöмкö особöй национальность, Уральской гора сайсянь. И тайöс, Ульяновской монастырсö сійö лёк вöчысьясыс грабитасны и кутшöмкö мича нылöс пышйöдöны пыжөн вöлöм. Ульяния ныв, нимыс вöлöма Ульяния. Оз кöсйы накöд муны и пыжсьыл сійö Эжваö чеччыштас и вöйтчас, пöдö сэсся.

Но, сэсся сійö Ульяна вöян местасö Ульяновскойöн шуасны. Но, сійö лыддьöны, мый вроде сэтшöм поступок вöчöма Ульяния, мый налы, лёк йöзлы, эз сетчы, асьсö пöгибнитöдöс, вöйтчис. Öнi кö шуны, героиня, но вот сэсся местаыс и Ульяна. Сы весьтö и стрöйтö-маöсь монастырсö, сы местаö. Но ещё Ульяна монастырыс, названиееыс ещё сложнойджык: Ульяновский Троицко-Печорский Стефановский монастырь. Тадзи сложной названиееыс.

УЛЬЯНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Ульяновский монастырь существовал уже издавна. Рассказывают, что это была какая-то маленькая деревушка уже со времен Стефана Пермского. Потом с Урала набежали какие-то грабители, люди иной национальности, из-за Урала.

И вот этот Ульяновский монастырь те разбойники ограбили и какую-то красивую девушку повезли на лодке. Девушка Ульяния, имя у нее Ульяния. Она не захотела с ними ехать и выпрыгнула из лодки в Вычегду и утопилась, утонула.

И вот это место, где утонула Ульяна, назвали Ульяновское. Ну, считают, что Ульяния совершила такой поступок, не далась в руки разбойникам, сама себя погубила, утопилась, как бы теперь сказали, героиня, и вот это место теперь Ульяна. Напротив этого места и был построен монастырь, на этом месте. Но Ульяновский монастырь называется еще сложнее: Ульяновский Троицко-Печорский Стефановский монастырь. Вот такое сложное его название.

66. ТЮВӨ

Тювөйс олома Висерсянь комын километра. Семья сълөн абу лолөма. Сійө төдөма, висьталлөма: Лымваыс кык пөв опустошитчас, сэсса пө оз ло олысыс. Сійө быдтор төдө: көрт вөвьяс пө лооны, көрт пгидаяс кугасны лэбавны, черань везьяс пө ошъясны — сійө волзвыв висьталөма тракторьяс, самолөгьяс, радио-телефон проводьяс йылысы. Юыс пө көдж ордас и Висер пө сэсса озырмас. Öнi озыра олоны.

Отнас овмөдчөма. Сэсса кувны кутас, гөтырыслы шуас: ме пө кула да тэ эн кольччы тани, лэччы Висерө.

Сэсса Тювө кулө, да бабаыс шуө: «Ветымын во олим да ог жө коль мужикөс, узьмөдча». Тювө кулө да бабаыс Тювөөс лабичө пуктас, ачыс пач вылө каяс. Сэсса дас кык час лоө да друг Тювөлөн өти кокыс усьө джоджө. «Мый тайө, — думайтө гөтырыс, — лөка тай пуктыссьөма». Кыпөдөма коксө. Сэсса кокыс мөдыс усьө. Сэсса чеччас да кутас гөтырыс вылө локны, а важөн өд керкаас кругом джадж, джадж гөгөрыс кутас котрөдлыны. И вермас өти пельсө курчъны. А сэсса петук горөдас, и Тювө пласът усьө, кытчө суас петук горөдөмыс. Сэсса кымыньөн дзөбөмаөсь, мед му пытшкас пырас, а оз эрдас.

* * *

А кодкө кувны көсйө, төдыс, нимсө ог нин помнит. Висьталө Тювөлы: «Ме кор кула, тэнө сөйны вола». Сэсса куим вой помся волөма, но сөйны абу вермөма. Сэни на пон вөлөма, ог төд Катшыс, ог төд мый. И сылы тшөктөма видзны. Сэсса понйыс тай видзөма-а.

Тювөйс вөлөма вына жө, төдыс да, мөдыд сэсса абу жө и вермөма сөйны.

ТЮВЭ

Тювэ жил в тридцати километрах от Богородска. Детей у него не было*. Он знал, говорил: Лымна, мол, дважды опустошится, после этого, мол, там не останется жителей. Он обо всем знал: железные кони, мол, будут, железные птицы будут летать, паутина, мол, повиснет — это он заранее предсказал о появлении тракторов, самолетов, радио-телефонных проводов. Рска, мол, когда перероет один мыс*, Богородск, мол, станет жить зажиточно. Теперь они богато живут.

Одиночно жил. А когда умирать стал, жене сказал: я, мол, умру, так ты не оставайся здесь, а отправляйся, мол, в Богородск.

Вот умер Тювэ, и жена подумала: «Пятьдесят лет жили вместе, не оставляю же мужа одного, заночую». Тювэ умер, и жена положила его тело на скамейку, а сама на печь забралась. Как наступило двенадцать часов, вдруг у Тювэ упала одна нога на пол. «Что это, — подумала жена, — плохо, видимо, положила». Подняла ногу. И нога второй раз упала, а затем и сам встал и пошел на жену, а раньше ведь в домах кругом лавки* были, по лавкам начал гонять ее. И сумел откусить ей одно ухо. А потом прокричал петух, и Тювэ упал пластом, там, где застал его петушиный крик. Затем его схоронили вниз лицом, чтобы в землю вгрызался, а не наружу.

* * *

А вот какой-то знахарь умирать стал, имени уже не помню*. И говорит, обращаясь к Тювэ: «Когда я умру, приду тебя съесть». И потом три ночи подряд приходил, но съесть не смог. Там еще и собака была, не помню по кличке, Катшыс* или как-то по-другому. И он (Тювэ) ей велел себя охранять. И собака спасла его.

Тювэ тоже был сильный, знахарь, и тому не удалось его съесть.

67. МАТИ

Меным өти висерса висьтавліс. Батьöкөд пö каям Лымва пыр Помоздіноö. Сэті öд веськыд туйöдыс матын, Кулөмдінöд öд кутшөм кузь туйыс. И сэті век вöлі Помоздіноö подөн ветлöны. И сэк пö ме кывлі Мати йылысь, кутшөмкө тшыкөдчысь вöлөма. В самом деле вöлі.

Батькөд вöлі каям да охотничöй керкаö пырим узыны. Охотникыс ачыс сэні жö. Но, нар вылö водан, сэтчö öд куим морт и тöрö. Сэссия бать да охотник пö ас костаныс сёрнитісны, и бать коркө унмовсис, а ме ог узь. И друг охотник понйыскөд кутас сёрнитны.

шуас: талун пö Матийд локтас да шор вомöныс пö эськö вуджанін эм, öти кер чöвтöма, но кер вывтійыс пö сійö оз лысьт вуджны, вильдöмысь полö. А таті весьтасöдыс пö эн лэдз, сэк пö пöгибö воам ставным.

Сэсся коркö войнас понійыс ёна увтчыны кутіс да ав-авön пö петіс, и кылö зверлы моз сёйöмön сёйö. Кытчöкö выліö кайисны. Увтöм шыыс век ылыстчö. Сэсся понійыс коркö воис да ставнас ва, войнас öд вöрыс лысваа, лысваöдыс сідзи кöтасьöма. А охотник пö шуö вöлöм: «Но и молодец тэ, эн лэдз. Лэдзин кö, миянöс эськö сёйис».

Нимнас на понсö шуис да вот ог нин помнит. Эз эськö и гораа сёрнит, а страшнö кодь жö лолі.

Матийыс сійö вроде кöлдун. Охотникыс эськö тожö кöлдун, но слабджык. Шулёны тай öтияс вынаджыкöсь, мөдьяс слабджык овлёны. Охотниксö понійыс только спаситöма.

МАТИ

Мне рассказывал один из Богородска. Шли, мол, мы с отцом через деревню Лымва в Помоздино. По прямой дороге ведь там близко, а если идти через Усть-Кулом, путь длинный-длинный. А по той дороге всегда ходили в Помоздино пешком. В тот раз я впервые слышал о Мати*, какой-то колдун был. В самом деле это было.

Вот шли с отцом и зашли переночевать в одну охотничью избушку. Хозяин-охотник там же был. Ну, ляжешь на нары, на них ведь три человека и умещаются. И вот отец и охотник поговорили меж собой, и отец мой уснул, а я не сплю. И вдруг охотник стал разговаривать с собакой, сказал: «Сегодня Мати придет сюда, и через ручей вообще-то есть переход, одно бревно перекинута, но по бревну переходить он не посмеет, так как боится поскользнуться. А здесь, напротив избушки, ты не пускай его, иначе всем нам гибель».

Через некоторое время ночью собака очень сильно стала лаять и так с лаем и выбежала, и было слышно, как будто на какого-то зверя лает, ну прямо поедом его ест. Куда-то вверх ушли. Лай все удалялся, удалялся. Вот через какое-то время прибежала собака и вся мокрая, это оттого, что ночью в лесу роса, на росе она так вымокла. А охотник и сказал: «Ну, молодец ты, не пустила. Если бы пустила, нас бы он съел».

По кличке еще он собаку эту называл, да вот уже и не помню. Негромко он и разговаривал, а страшновато мне было.

Матн — это вроде колдун. Охотник вообще-то тоже колдун, но послабее. Говорят же вот, что одни посильнее, другие бывают слабее. Охотника собака только и спасла.

68. ЯГЙЫВСА

Отыыс вёлёма ягйывса, мёдыс съоласа. Кыкнанныс быттьо тёдысь. Отыыс кулас да шуо: «Ме кё кула, воа тэ динё поконикиам». Мёдыс шуо: «Ме кё кула, ме воа». Споруйтоны сійон. Съоласьыс и водзэти куло. Ягйывсаыс и шуо бабаыслы: мёд керкао пё мун узьны. Ачыс кольччас. Ошйысёма: тан колё виччысьны поконикиос. Важон вёд сэтшом вёлёма пёрадокъясыд. Ягйывсаыслон кык тятей вёлёма. Тобас отъясон да ватнойясон, мед оз вермы сёйныс съоласаыс. Съоласа поконикид и локтис ягйывса динё: «Но жё,— шуо,— пукты пызан выло мусто да съолөмтө!»

Ягйывса пач кымөссьыс кирпич босьтас и шуас: «Первой тшыгйывсьыд сёй,— шуас,— тайө...» А сэк кості ягйывсаыд тятейяссө босьтас да и петас...

Ягйывса ачыс абу, а рёдыс оло, ныла-пыыс, зэв ён пи на эм. Ягйывсаыс зэв ён вёлёма, съоласаыс зэв лёк вёлёма.

ЯГЙЫВСКИЙ

Один был из починка Ягйыв, второй — из починка Съэла. Оба знахари. Один говорит: «Когда я умру*, приду к тебе в образе покойника». Другой говорит: «Если я умру, я приду». Поспорили на этом. Из починка Съэла умер раньше. Ягйывский и говорит своей жене: «Иди спать в другой дом!» А сам остался. И похвастался, мол, здесь надо будет дожидаться покойника. Такие уж раньше порядки были. У ягйывского было двое детей. Замотал он их в холст и в ватные одеяла, чтобы не мог их съесть съэлаский. Пришел к дому покойник из Съэла и зашел к ягйывскому:

— Ну,— говорит,— положи на стол свои печень и сердце!

А ягйывский вынул из чела печи кирпич и сказал:

— Для начала с голоду поешь,— говорит,— у меня вот это...

А тем временем ягйывский взял своих детей и убежал...

Ягйывского уже нет в живых, а родные живы, дочери и сыновья. Есть у него сын, очень здоровый. Ягйывский и сам был очень сильный, а съэлаский очень зловердный был.

69. ОДЫБЫН СУНЫШТАС...

Тювö вöлөм сэтшöм — суныштас Одыбын, а мыччысяс Висерын. Йöзыс шуоны: «Тювö вöли — Тювö абу!» А сийö нин Висерын. Батъö вöли висьталö.

В НИВШЕРЕ НЫРНЕТ...

Тювэ был такой — нырнет в Нившере, а вынырнет в Богородске. Люди говорят: «Тювэ только что был, Тювэ уже нет!» А он в это время уже в Богородске. Отец мой рассказывал.

70. ВИСЕРЫН КРЫСА ОЗ ОВ

Висер вомöдзыс татысянь сизим километр. Сэни тай кодкö овмöдчылöма. Тöдысь пö вöлöма. И сэни крысаыс оз ов. Тани быдлаын эм, а сэни, кöть кодлысь юав, абу.

Мый причинаыс ог тöд-а. Гашкö, тайö тöдысьыс кысянькö кайö Висер кузя да Гöрд чойö воас да шуас: став лёкыс пö мед татчö кольö! И сэтсысянь пö сэн и крысаыс оз ов.

НА ВИШЕРЕ КРЫСЫ НЕ ЖИВУТ

До устья Вишеры отсюда семь километров. Там кто-то поселялся. Знахарь, рассказывают, был. И там крысы не живут. Здесь везде есть, а там нет. Коль кто кого спроси.

По какой причине, я этого не знаю. Может быть, из-за того знахаря, он ехал откуда-то вверх по Вишере, доехал до местечка Красная гора и сказал: «Вся скверна пусть останется здесь!» И с тех пор там выше Красной горы крысы не живут.

71. ТЮВÖ И ЛЕВА

Найö вöлöмаöсь кык вок. Öтикыс Тювö, мöдыс Лёва нима. Тювöыс быттö овмöдчас Висерö, а Лёваыс быттö каяс Паслötчöмö. Паслötчöмыс Висерсяньыс дас кык кымын километр, сийö водзын, Одыбланьö. Лёваыд сэтчö и мунас.

Тювöыд гöтрасяс и овмöдчас. Керкаыс сёлөн быттö абу вöлöма дзик Висерас, абу быттö сиктас дзик, а километров двадцать вьынджык Висер ю кузяыс.

Тювоыс гётрасьлас, челядыс оз лолыв, гётырыскөд найö и оласны.

А Лёваыс Паслөтчөмас каяс да гётрасьс, и Лёваыслөн рөдыс быттьö ещё паськалө на. А найö кыкнанныс быттьö вөлөмаось төдысьяс. И Тювоыс, и Лёваыс.

А кытысь найö локтөмаось — оз төдны. То ли найö рочьяс вөлөмаось, то ли комьяс жö вөлөмаось. Сэтчö вот быттьөкө локтөмаось и овмөдчөмаось. Но абу висерса рөдьяс найö. Менам зять, племяницалөн мужикыс, сийö висьталіс, ме пö лоа Лёва рөдысь.

А Тювоыс овмөдчөма Висер вылас ю вом усьыштö, Висерсяньыс катігөн веськыд ки вылал, кывтчөс вылө кö, значит, шуйга ки вылас, Пугдым, буракö.

Коркө менам зятьöй вөлі висьталө, ме пö ветлі Тювö оланінас да керка местаыс пö төдчö на. Тювö пач местаыс пö төдчö на. Толькө пö зэв ёна заводитö вөрсявны. Ставыс посни пигу раскөн пö тырö.

А Тювоыс пö кулігас, кулан водзвылас пö, гётырыслы шуөма. Тэ пö, гётырöй, эн лөсьөдчы менам кулігөн гортö, лөк пö вермас лоны. Тэ пö гортысь мун ме дінысь.

Быттьö гётырыс сы дінысь и мунома. А мый Тювоыс коркө вөвлөма, öні Висерас унаөн на сийöс казьтылөны, зэв на свежөй воспоминаниеыс.

Сэні и öні на эмось Тювö видзьяс. Кутшөм видзьяс Тювö уджавлөма, öні сылөн нимьясыс — Тювö видзьяс. Öні на сийö Висерскöй совхозас сийö Тювö видзьяс.

А Тювоыс вөлөма зэв төдысь. Тювөсö вөлөм зэв ёна уважайтөны, пыдди пунктöны зэв. И Тювөлысь кыв оз вуджны. Мый Тювö тшөктö, кызди тшөктö, сідзи и олөны. И Тювөос оз паповтны некызд, мед первой Тювö водзмөстчас, а сэсся и мукөдыс. А кодкө кö водзмөстчас, Тювөысь кö водзö петас, Тювö накажитас татшөмсö, зэв ёна вөлөм полөны Тювö накажитөмысь...

ТЮВЭ И ЛЁВА

Они были два брата. У одного имя Тювэ, у другого Лёва. Тювэ поселился около Богородска, а Лёва поднялся выше в Пасвомын. Пасвомын находится от Богородска на расстоянии около двенадцати километров, он дальше, в сторону Нившеры. Лева туда и переехал.

Тювэ женился и отстроился. Дом его был не в самом Богородске, не в самом селе, а километров на двадцать выше по реке Вишере.

Тювэ женился, но детей у него не было, вдвоем с женой и прожили они.

А Лёва якобы поднялся в Пасвомын, женился, и его род якобы сильно расплодился. А оба они якобы были знахарями. И Тювэ, и Лёва.

А откуда они прибыли, никто не знает. То ли это были русские, то ли тоже были коми. Туда вот якобы они прибыли и поселились. Но сами они не были от рода вишерцами. Вот зять мой, муж моей племянницы, так он говорил, что он из рода Лёвы.

А Тювэ поселился в устье речки, кажется, Пугдым, в Вишсру впадает, если ехать от Богородска вверх, то на правую руку, а если вниз, то, значит, по левую руку.

Как-то однажды мой зять говорил, что он ездил на местожиительство Тювэ и что место, где стоял дом, еще заметно. Следы от печки Тювэ еще видны. Только, мол, очень сильно стало зарастать деревьями. Все зарастает, мол, мелкой оснновой рощей.

А Тювэ перед смертью, когда стал умирать, якобы сказал своей жене: «Ты, жена, не намервайся остаться дома после моей смерти, очень плохо может кончиться. Ты уйди из дому».

И жена якобы ушла от него. А то, что был такой человек Тювэ в Богородске, это многие еще там вспоминают, о нем еще очень свежие воспоминания.

Там и сейчас еще есть покосы Тювэ. Те покосы, которые он возделывал, и теперь еще называются покосами Тювэ. И теперь еще эти покосы принадлежат Вишерскому совхозу.

А Тювэ был большим знахарем. И Тювэ люди очень уважали, очсь почитали. Словам Тювэ не перечили. Что Тювэ велел, как велел, так и жили. И наперед Тювэ никто не совался, пусть сначала Тювэ проявит инициативу, а потом уж и другие. А если кто-либо захочет вперед выйти, опередить Тювэ, то Тювэ такого накажет, очень сильно боялись, чтобы Тювэ их не наказал...

72. ЗВЕР ГЛӨТ

Глотова весьтас, юас, вёлёма кутшөмкө звер — глөт. Кодкө кö матыстчас — глөтайтö, и морт, и кукань, и быдсөн. Сійö вийöмаöсь сідз: вёлёма тöдысь морт, мыйöкө пöртчöма гöнаö, а ачыс ыджыд кинжал пурт босьтöма. Да сійö глөтнитöма, а ачыс пытшкөссö кырлалöма и петöма. Глөтыс кулöма и кылалöма ыджыд ваён внт верст сайö. И сійөн шусьö Глотова, и виддзыс, кытчö кылалöма кулём

зверыс, шусьö Глöt виддзöн. Дыр на лыясыс сэн вöлöмаöсь. Но мый нö, сы виджда звер да!

Сэсся пынъялöмаöсь кор, крестьянскöй вераас пыртöмаöсь да, и овмöдчöмаöсь. А сэсся и заводитчöмаöсь стрöйтчыны. Медвода Ирва вомас, Ван Ты Ыб гöраас пуксьылöмаöсь. Öнi тай шор вылö пуксьöны, а важöн öд гöра вылö. А сэсся старик быд асыв кылö петук чуксасьö, да Глотовоыс, Слöбöдаыс пуксис сэни. Ван Ты Ыб вылас — Яренскын пö архивас гижöма — важöн нин, триста лет назад олöмаöсь. А öнi сэн нинöм олöм абу.

ГЛОТ-ЗВЕРЬ

Напротив Глотова, в реке, был когда-то какой-то зверь — глот. Если кто-либо приближается к нему — он глотал, будь то человек или теленок, все равно. Его убили так: был один знахарь, он оборотился во что-то мохнатое*, а сам взял большой нож-кинжал. И его проглотил глот, а он живот вспорол глоту и вышел. Глот умер, и его отнесло в высокую воду вниз по течению на пять верст. И поэтому название — Глотова, и сенокосный луг, куда отнесло умершего зверя, называется Глот-луг. Долго еще там лежали его кости. Ну, разумеется, раз такой величины зверь!

Потом, когда начали убежать, так как в христианскую веру стали обращать, поселились здесь. А потом начали отстраиваться. Сперва в устье реки Ирва, на горе Ван Ты Ыб* поселялись. Вот ныне и на болоте поселяются, а прежде ведь только на горе. А потом один старик каждое утро стал слышать петушиное пение, и жители переселились на новое место. Так возникло нынешнее село Глотова, или по-другому Слобода. На горе Ван Ты Ыб — в яренском архиве, говорят, написано — когда-то давно жили, триста лет тому назад. А теперь там уже никто не живет.

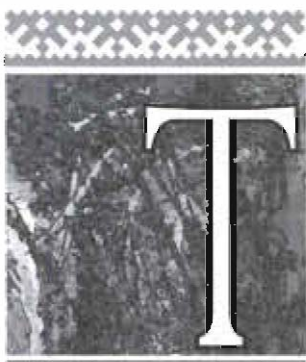
ПАН КВ ЙС ВЪ СЪ

**ВӖРАЛӖМКӖД
ЙИТЧӖМ
ВИСЬТЪЯС**

**ОХОТНИЧЬИ
РАССКАЗЫ**

73. УР КЫЙЫСЬ ЯРАН

увсов ур кыйигөн өтилаасясны коми вöралысь да ур кыйысь яран. Коми морт берданка пищала, а яран ньöвъя-вужъя. Коми морт пондас сийö серавлыны, кылз пö тэ тайö ньöвнас вöралан, мый нö пö шедö дай. Яран шуö, шедавлö пö неунасö.

— Со öд менам пищальыс, вот тайö пищаль, не тэнад карнаныд. Яран шуö: «Да, тэнад бур пищаль, сöмын ме тэ дорысь унджык кыя, кöть заклад вартам».

Вартасны заклад. Понныс увтчас, аддзасны öти пуысь ур комын-нелямын.

Коми морт мöдiс лыйлыны, а яран пу бокö зэвтчöма да лöсьöдлö стреляяс. Коми морт лыйлис нин ур 5—6, а яран век на ноксьö. Сэсся тай, гашкö, 50 стрела öтпырысь резыштiс, став урыс öтпырийөн сяркылö-киссис. Сэсся мешöк тыр сöвтiс да и мунiс гортас. Коми морт дивуйтчö коли.

НЕНЕЦ, ПРОМЫШЛЯЮЩИЙ БЕЛОК

Однажды на весеннем промысле белок встретились коми охотник и ненец, охотящийся на белок. Коми человек был с ружьем берданкой, а ненец с луком и стрелами. Коми человек стал насмехаться над ним, дескать, как же ты охотишься этими стрелами и что же тебе попадает. Ненец же отвечал, что иногда ему кое-что попадает.

— Вот мое ружье — это ружье, не то что твое коромысло.

Ненец ответил: «Да, твое ружье хорошее, но только я добуду больше тебя, хоть об заклад побьемся».

Побились об заклад. Их собаки облаяли белок, увидели на одном дереве белок тридцать—сорок.

Коми человек стал стрелять, а ненец встал под дерево и начал подготавливать стрелы. Коми человек застрелил уже штук пять—шесть белок, а ненец все еще копошится. Затем он как брызнул, может, штук пятьдесят стрел одновременно, и все белки с треском посыпались с дерева. Потом он собрал **белок полный мешок** и пошел домой. Коми человек **ошеломленный** остался стоять на месте.

74. МИРОН

Тані орчча керкаас Мирон нима морт оліс, ме на сійӧс помнита. Эв меткой вӧлі охотник. Пищальыс сьлӧн вӧлі шестигранной кремневка. Ок, эськӧ ӧні кӧ сэтшӧм пищальяссӧ! Дрӧбсӧ вӧлӧм свинец проволочкаыс вӧчӧ, курччас ӧти дрӧб, зарядитас пищальсӧ и кызь вит шагсянь урлы пиняс. Куыс мед эз розьӧссы.

МИРОН

Здесь в соседнем доме жил когда-то человек по имени Мирон, я еще его помню. Очень был меткий охотник. Ружье у него было шестигранная кремневка. Ох, теперь бы такое ружье! А дробь делал он из свинцовой проволоки, откусит одну дробинку, зарядит ружье и с двадцати пяти шагов белке в зуб попадает. Чтобы шкурку не продырявить.

75. ЯРАН-КЫЙСЫСЬ

Ярантӧ меным висьтавліс Катя Вась Гень. Сійӧ вӧлӧма важӧн. Ме ог тӧд, гашкӧ, содтавлӧмӧн висьтавліс да. Значит, куйм морт вӧтчӧны вӧлӧм квайт йӧра бӧрся. Ӑти сутки вӧтчӧны, мӧд сутки вӧтчӧны, суӧдны оз вермыны йӧраясӧс. Ставыс ружьеаӧсь.

Сэсья узьмӧдчасны кутшӧмкӧ вӧр керкаӧ и аддзасны сійӧ охотниктӧ, ярантӧ. Сійӧ вӧзйысяс, вайӧ пӧ тшӧтш босьтӧ, ме пӧ тшӧтш вӧтча. А найӧ ещӧ думыштасны: «Мыйла ми лишной пай кутам сетны талы, ми коймӧд суткиас и асьным суам».

Асьывнас водз чеччасны, пасьтасясны, бара кутасны суӧдны сійӧ квайт йӧратӧ. Яран тшӧтш вӧтчӧ накӧд. Мунасны, мунасны, мудзасны, пӧсяласны, кӧлуйнысӧ шыблаласны. Сэсья сійӧ и шуас: «Но сэсья ті сувтлыштӧй, час ме ветла, вӧтчыла».

— Кьгчӧ нӧ мунан тадзи, ружье ни нинӧм абу да?

— Нинём!

Сэсса сійо мөдөдчис. А бокас ошалө зэв кузь пурт. Мунө — только тшын-бус водзвылас. Лунтыр өд найө вөтчисны өтлаын, и өдий мунисны, а сійо ещө на өдий заводитис йөра бөрсяыс.

Найө мунасны след кузяыс и видзөдөны да өти йөра, коркө удитөма пин вины, виөма дзик пуртөн, морөсас пурт розь выйим. Сэсса мунасны водзө да өтиөс да, мөдөс да, квайтнан йөратө сійо виөма. Только шензёпы: кызд пө вермис тайө квайтнан йөрасө суөдиы да пургнас вины!

Сэсса шуас: мен нө тавысь некутшөм яй пай оз ков, асьныд пө аски ставсө меститаньыд, а ветламө пө менам прөмыс вылө. А пөлөм сійо төдө көнкө ош гу. Ош гу дорад матыстчытөдз найө чургөдасны ружьяессө: ош ош и эм, чеччыштас кө, гөтөвөсь. А сійо ош гу дорад матыстчытөдз кыскас зепсьыс сюмеыс тасма да шуйга кисө дзоньнас гартас йывсяньыс пельпомөдзыс тасма сюмеыснас. Найө оз на удитны думыштны, мыйла колө кисө гартлыны, а налөн морт дзурс пырас ош гуад.

Найө ннөм весиг оз лысьтны шуны, а сійо мыйкө дыра поксяс сэн, сэсса петас да пөсьсө чышкыштас и шуас: куим ош на пө сэнн вөлөма.

Куимнансө, значит, пуртөн вермөма кызкө вины, куш пуртөн. Вот тайө настоящей вөралысь.

НЕНЕЦ-ОХОТНИК

Про ненца мне рассказывал Катя Вась Геннадий. Это, дескать, случилось еще в старину. Я не знаю, может, он и от себя прибавил. Но было, дескать, так: три человека преследовали шестерых лосей. Гнались одни сутки, вторые сутки гнались, никак не могут настичуть лосей. Все с ружьями.

Вот они започевали в какой-то охотничьей избушке и там встретили этого охотника, ненца. Он и напросился, возьмите, говорит, меня тоже, я, говорит, тоже с вами буду гнаться. А они и подумали: «Чего это мы будем с ним делиться, на третьи сутки мы и сами нагоним лосей».

На следующее утро встали пораньше, оделись и опять погнались за лосями. Ненец вместе с ними побежал. Бежали, бежали, устали, вспотели, сбросили с себя лишнюю одежду. И тут он сказал: «Ну, теперь вы постойте, я буду гнаться».

— Куда ты так побежишь, у тебя ни ружья, ничего нет!

— Ничего!

И вот он побежал. А на поясе сбоку у него висел длинный нож. Бежит — только пыль столбом. Целый день они вместе бежали и быстро шли, а этот еще быстрее побежал за лосями.

Они пошли по его следам и смотрят — один лось лежит, уже успел убить лося, именно ножом убил, на груди дырочка, проткнутая ножом. Пошли дальше по следу, и вот другой лось. Всех шестерых лосей он один уложил, ненец-охотник. Те только удивляются: как это он сумел всех шестерых догнать и одним ножом заколоть!

А потом ненец сказал: не надо, говорит, мне никакого пая, завтра вы сами разделите меж собой, а теперь, говорит, сходим на мой промысел. Оказывается, он знал, где находится медвежья берлога. Еще не доходя до берлоги, эти охотники взяли свои ружья на изготовку: медведь он медведь и есть, бросится на них — и готовы. А он, не доходя до берлоги, вытащил из кармана сыромятный ремень и обмотал им левую руку всю от пальцев до плеча. Они еще и понять не могли, для чего нужно обматывать ремнем руки, а ненец раз — и нырнул в медвежью берлогу.

Они стоят, слова сказать не смеют, а тот какое-то время повозился там, потом вылез из берлоги, вытер пот и сказал: «Уф, оказывается, там три медведя было».

Значит, всех трех он как-то сумел убить, одним ножом. Вот это настоящий охотник.

76. ОШ ВЫЛӖ — ПУРТӖН

Менам дед уна ошкӖс чергӖдліс пуртӖн. Вот пӖ кыдзи ошкӖ колӖ кыйны, Сергей, мунам пӖ да видзӖд виж лым. КӖні ошкыс куйлӖ да лолалӖ, сӖні лымыйыс вижӖдӖ. СійӖ быд ловъя Ӗд кислородтӖг оз вермы овны, и гу пыранін весьтыс пӖ пыр овлӖ виж.

Дед пыр вӖлі шуӖ, оз пӖ ков попны, растеряйтчан кӖ чуть-чуть, и ачыд веськалан. ДедӖ ошкӖ аддзас гусьыс да вӖлі медводз кузь бедь сухостойысь кералас, ӗсытас сійӖс, сӗсся гу дӖнас матыстчас и шуркнитас бедьнас розяс накрестӖн. Ӗд ошкӖ вӖрзӖдодан да сійӖ садьмас и юрсӖ мыччас и вомсӖ паськӖдас. И сӗк колӖ китӖ гырлдзаӖдзӗыс вомас суйны. А водзвыв на кисӖ гартӖны, шуйга кисӖ, чорыд гынйӖн гартӖны, мед оз курччы, а сӗсся кывсӖ кыскӖнны да вужйӖдыс вундӖны, а сӗсся пель вужьяс пуртӖн чергӖдӖны.

Дед пыр шуліс, ружьеён пö рöскodнö. Пороксö нель пунт вылö и договор вöчліс.

НА МЕДВЕДЯ С НОЖОМ

Мой дед много медведей убил одним ножом. Вот, мол, Сергей, как надо медведя ловить, надо, мол, смотреть, где имеется пожелтевший снег. Там, где лежит медведь, он ведь дышит, и в этом месте снег желтеет. Ведь каждая живая душа не может обходиться без кислорода, и поэтому всегда бывает так, что снег над входом в берлогу желтеет.

Дед всегда было говорил, что не надо бояться, а если чуть-чуть растеряешься, то сам попадешься. Дед, бывало, обнаружит медведя в берлоге и для начала срубит жердину из сухостоя, заострит ее, потом подойдет к берлоге и крест-накрест протолкнет жердь в отверстие. Ведь медведя пошевелишь, так он проснется и высунет голову и пасть разинет. И в это время надо протолкнуть руку по локоть в пасть. А перед этим еще левую руку обматывают прочным войлоком, чтобы он не прокусил ее, а после этого вытягивают язык и отрезают его у самого основания, а после этого ножом бьют в основание уха.

Дед всегда говорил, что пользоваться ружьем слишком накладно. Порох-то он брал по договору не более чем четыре фунта.

77. ОШ КЫЙÖМ

Изьватасьяслөн вед сідзи овлö. Ошсö код аддзас, сійö и должен кыйны. Лыяс берлогасьыс да горзö ёртыслы, код сэтön сулалö, кароличö:

Абу тай, абу!

Сэсся мунасны да вöлöсьтас чай юасны да вöлись дзонь брига-да корас да мунасны ошсö «вины».

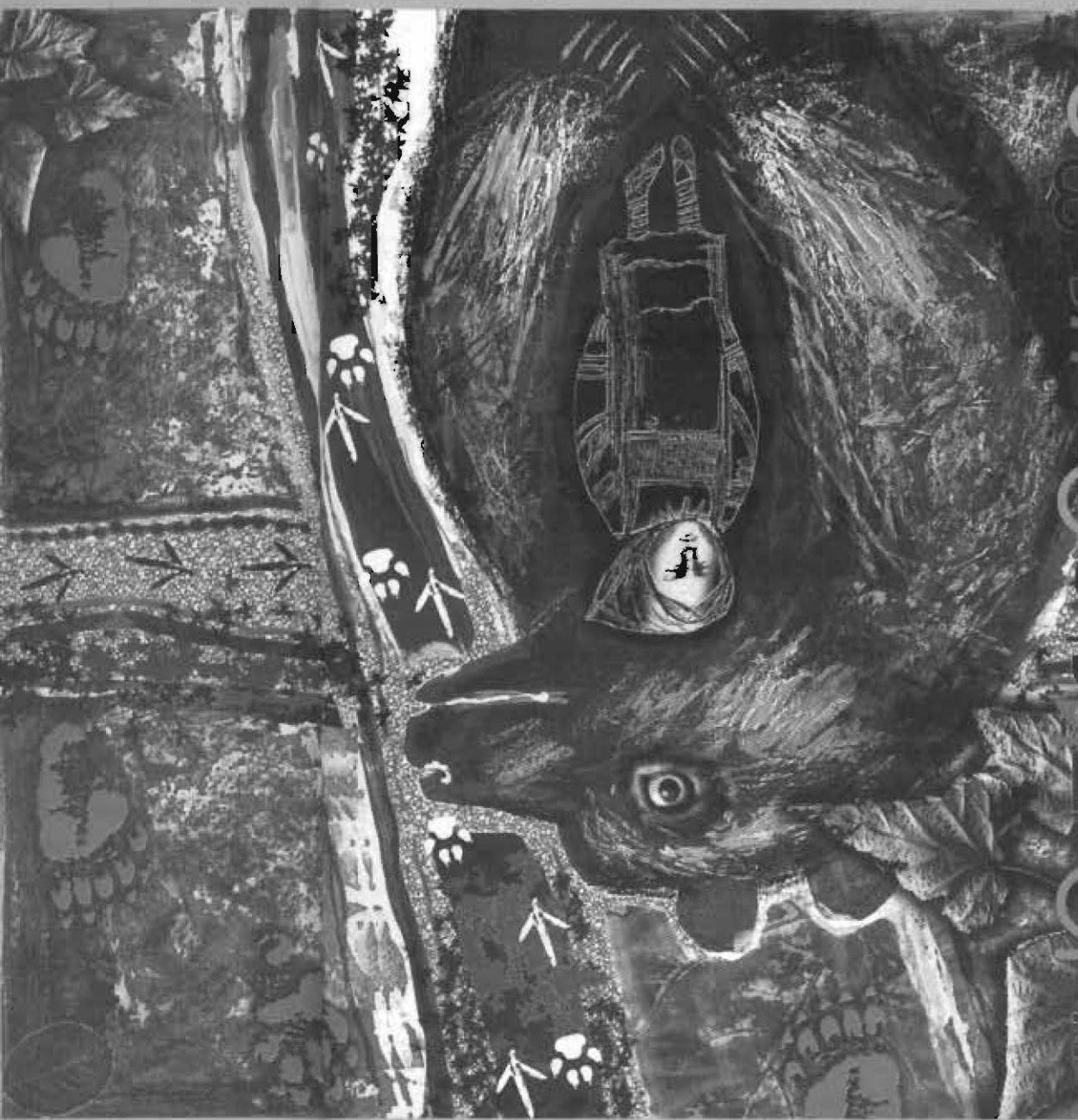
ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

У ижемских коми-зырян так принято. Кто первым обнаружит медведя, тот и должен его убить. Застрелит он медведя в берлоге и кричит товарищу, который там стоит, подстраховывает его:

— Нету же, нет!

Потом они отправляются в свой населенный пункт, попьют там чаю, и только уже тогда он созовет целую бригаду охотников, и они все вместе отправляются «убивать» медведя.

**ПЕМОСЪЯСОС
ДА БЫДМОГЪЯСОС
ВЕЖАВИДЗОМ
ЙЫЛЫСЬ
ВИСЪТЪЯС**

**РАССКАЗЫ,
СВЯЗАННЫЕ
С ПОЧИТАНИЕМ
ЖИВОТНЫХ
И РАСТЕНИЙ**

78. СЁРНИТЫСЬ ПУЯС

лк охотиик коркө важөн Емва йылын сёрмасны зойын да коз улө узьмөдчасны. Төдтөм вөр керкаад либө пу улад узьмөдчан да век тай юасьлан:

— Избушка-матушка, пусти ночевать!

Охотникъясыд, көнөннө, сідз жө юаласны козлысь. Юасьтөг оз узьмөдчыны.

Войнас сэсся найө и кылөны, быгтьө локтас да шуас:

— Мамыд тай кулө, мамтө видлыны он-ө волы?

А налөн козыйд шуас:

— Ме ог муи, узьысыяс локтисны да мед узясны. Аски ме локта.

Сэсся бөрги, коркө войнад, сажень кызь сайын гьп кылө пöржө пу.

Асыв охотникъяс видзөдөны да ина, пөрөма пөрысь коз. Мам козыйс и кулөма войнас.

РАЗГОВАРИВАЮЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Однажды в старину два охотника в верховьях Выми припозднились и заночевали под елью. А когда случается ночевать в незнакомой избушке или под деревом, обычно спрашивают:

— Избушка-матушка, пусти ночевать!

Охотники, конечно, так же спросили у ели. Без спросу не заночевали.

Ночью они и услышали, будто кто-то подошел и сказал:

— Мать твоя умирает, не сможешь ли навестить свою мать?

А ель ответила:

— Я не пойду, ночующие пришли, пусть спят. Завтра утром приду.

Потом позже, ночью, в саженях двадцати от них слышно было, как с глухим стуком рухнуло дерево.

Наутро охотники смотрят — и верно, упала ель. Это ель-мать и умерла ночью.

79. ШӨПКӨДЧЫСЬ ПОЖӨМЪЯС

Расов Петырлөн батыс вөлі шуө и мукөд охотникъясыс тожө шуөны, мый көнкө пармаас быдмө өти ыджыд пожөм, а мөд пожөм пө көнкө ылын. Найө кык пожөмыс өта-мөдыскөд шөпкөдчөны, өти пожөмыс мөд пожөмыскөд.

Вот, сийө пожөм улын позьө, висьталам, шойччыны. Этйө примитө ас улас узьны. Көнкө пө өти пожөмыс тайө быттьө, мөд пожөмыс пө ылын, джуджыдөсь да өта-мөдтө аддэоны да сэки пө и шөпкөдчөны.

Сидэ тай висьтавлөны-а, көнi сэтшөм пожөмъясыс, ми ог төдө да. Кодкө, но быттьө кодi вөралысьяс, найө төдөны сийө пожөмъяссө, а мукөдыс быттьө сэсса ог төдөй. Оэ петкөдлыны, гашкө-й абу да. Ог төдө сэсса.

ПЕРЕШЕПТЫВАЮЩИЕСЯ СОСНЫ

Отец Петра Расова рассказывал и другие охотники тоже говорили, что где-то в парме растет одна высокая сосна, а где-то далеко имеется вторая сосна. Эти две сосны перешептываются между собой, одна сосна с другой сосной.

Вот, под этой сосной можно, скажем, отдохнуть. Она принимает на ночлег. Где-то одна сосна, скажем, здесь, а вторая сосна далеко, и они такой высоты, что видят друг друга, и тогда шепчутся между собой.

Так рассказывают, а где эти сосны находятся, мы не знаем. Настоящие охотники лишь знают эти сосны, а такие, как я, не знают. Не показывают, а может, и нет их. Не знаем.

80. ÖЛЕШ ЯККӨД ИНА ВӨВЛӨМТӨР

Өлеш Як, көнешнө, охотник, Тыла мөдлапөлысь, сэтшөм деревня мяян выйим.

Но вот, коркө сийө вөлөм вөралө Кедва Изйын, Кедва ю йылын. Вөрө петөма войколөн да, значит, Кокля бокө сөрмөма. Кокля-

ыд мян дэоля ю. Сёрмас дай узьмодчас коз улё. Пес карас, биасяс и быдён. Но козйыслысь оз юась, вунодас ли мый ли, прамо биасяс. Пу улад узьмодчигад тай колё юавны: ышто лэдзышт тэ менё, козйю-матушка, узьыштны.

Но биасяс и урсё кутас карны. Ті ног кё, кульпы, а мян ур карёмён шуёны. Друг сэсся сылы кылас гөлөс: — вай пё пет коз увсьыс. пет!

Видзёдлас да, некод нинём оз тыдав, а гөлөс век кылё, пет пё коз увсьыс и прёст.

Мый сэсся, лоё сылы, көнешнё, пыпийны мод коз улё да сэн выльысь пестысьны.

Сійё козйыслысь юалас нин, да спокойнёя узяс мод асылөдэ.

Төлтөм вөр керкаясьи либё пу улын узьынгё век тай колё юасьны.

ПОДЛИННЫЙ СЛУЧАЙ С ЭЛЕШИ ЯКОМ

Элеш Як, конечно, охотник, он из Отлы, из Заречья, есть у нас такая деревенька.

Ну вот, однажды он охотился на Тимане в верховьях Кедны. Пошел в тайгу с ночевкой и, значит, возле Кокли припоздился. Кокля — это у нас маленькая речка. Припоздился и заночевал под елью. Приготовил дров, развел костер, и так далее. Но не попросил разрешения у ели, забыл или что, так прямо и развел огонь. А когда под деревом започевать хочешь, как известно, надо спрашивать, дескать, пусти ты меня, ель-матушка, на ночлег.

Ну, он костер развел и стал белок разделывать. По-вашему — снимать шкурку, а у нас говорят — белку разделывать. И вдруг ему послышался голос:

— А ну-ка, выходи из-под ели, выходи!

Посмотрел — нигде никого не видно, а голос все повторяет, выходи, мол, из-под ели да и только.

Ну что, пришлось ему убежать под другую ель и там снова костер разводить.

У этой ели он уже спросил разрешение и спокойно проспал до утра.

Надо всегда спрашивать позволения, если надо заночевать в незнакомой охотничьей избушке или под деревом.

Я1 «ОГ НА ЭШТЫ»

Тайо меным ыджыд айö на висьтавлис. Öтчид сийö вөрö мөдөдчас. А верст дас сайын муну эм рунтэ, пожня, Вадвисдор шусьö. Вадьис — сийö мян озеро. Ви — проточной ты. И сэнi видэ вылас быдмö вöлөм эвв дэ пу.

Ыджыд айö локтас коз пу дорас да узьмөдчас. А шуоны, узьмөдчигөн, коз улын ли, керкаын ли, колö тотш-тотшкерны да шуны: «Керкаö, керкаö, лэдэ менö узьны, видэ менö быд лёкысь и притчанись, лёк войтырысь, тöлысь падераысь!» Сэсся колö олыштынны и педыр мьсти пырны. А коз улö кö узьмөдчан, колö козыслы тор-торкерны да шуны: «Козйö, козйö, лэдэ менö ас улад узьны; видэ менö лёк йöзысь, биысь и ваысь, лёк зверьясысь, тöлысь падераысь!»

Ыджыд айö ээ вöv код ни нинөм, по праздникам неун, но ээ вöv пьяница, да и вөрö мунигөн öд оз жö босьт, да верстөö öд сийö нин мун.

Вот сэсся сийö пöрччыяс, пусяс, сёяс и узяс. Аскинас садьмас, бара пусяс, сёяс-юас, и чукöртö сэсся кöлуйсö, пасьтасьö туйö петны. И друг сылы гөлөс кылас, кылö гөлөс: «Ог на эшты!»

Сэсся ыджыд айö тэрмасьтөг мөдөдчас. Коз пусянь мунас, и сэк ээн ыджыд төв ныр кыпөдчас, төв ныр кыпөдчас и коз пусö сийö пөрөдас. Да пу йылыс ыджыд айöлы мышку саяс усьö, но сылы оз инмы.

Ыджыд айö бөрвыв сэсся и шуö вöли: ме пö вöзыниси козйыды да сийö пö и кыли гөлөссö, ог пö эшты на, морт пö на эм. А мунi да вот пö и пөрөдис.

А сийö пөрөм кос пусö ме адзэли на. Сийö вöли дэикöдэ нин рушмöма, но абу тай несалöмаось-а. Видэ межаон на сийö пуйс вöли. Мыйла пöри сэсся, ог төд-а.

«Я ЕЩЕ НЕ ГОТОВА!»

Это мне рассказывал еще дед по матери. Однажды он пошел в лес. А верст за десять у нас есть луг, пожня, называется Вадвисдор. Вад — это по-нашему озеро. Вискаты — проточное озеро. И там на этом покосе росла очень высокая ель.

Дед пришел к этой ели и заночевал. А сказывают, что, когда собираешься ночевать или под елью, или в избушке, надо постучаться

и сказать: «Избушка, избаушка, пусти меня спать, храни меня от всего плохого, от беды, от плохих людей, от буйного ветра!»*» Потом нужно немножко подождать и через некоторое время войти. А если собираешься ночевать под сьлю, надо постучать по ели и сказать: «Ель, ель, пусти меня под себя ночевать: храни меня от плохих людей, от огня и воды, от диких зверей, от буйного ветра!»

Дед мой не был пьян, он по праздникам немного выпивал, но не был пьяницей, да и в лес ведь не возьмешь вина, к тому же он уже прошел десять километров.

Вот он разделся, сварил ужин, поел и поспал. Наутро проснулся, снова приготовил пищу, поел-попил и начал собирать снаряжение, стал одеваться, чтобы выйти в путь. И вдруг он услышал чей-то голос, кто-то сказал: «Я еще не готова!»

После этого дед не спеша отправился. Отошел от ели, и в это время неожиданно налетел сильный порыв ветра и свалил ель. И вершина дерева упала как раз за спиной деда, но его не задела.

После дед и рассказывал: «Я, — говорит, — попросился на ночлег к ели, и ее голос я и слышал, дескать, не готова еще, человек еще есть. А как я ушел, так и повалило ветром».

А это упавшее сухое дерево еще я видела. Совсем уже отрухлявевшим было, но его не убрали. Знаком сенокосной межи еще это дерево служило. А почему упало, в общем-то я не знаю.

82. ОЛЫСЯ КЕДРИ

Карисны айкояс охотникъяскөд вөр керка ыджыд кедри улын. Кедри дорас кор матыстчан, кылө, кыдзи кедрыйс шумитө, а төв абу, лөнь. И мукөдыс ставыс повзисны, эз кутны овны сы керкаас. А айко мян некодысь оз пов да кольчис сэн овны. Сэсся пуө чай, а өбөсыс друг воссис, и пызай вывсьыс ставсө чышкис-иуис пос вылас, пөртсө пөрөдис и.

Но бара мөд пөв кутис пузөдчыны. Только кутис сөйны лөсьөдчыны, бара воссис өбөсыс и ставсө шыбитис. А ывла вылын лөнь, некутшөм төв абу. Обөссө гезйөн гартис-көрталис топта и сөйис-юис и узьны водис.

Только водис, өшиняс кодкө тарквартис. «Но, — думайтө, — кодкө на и гөсыг локтө». Видлис — некод абу. Только водис, бара кодкө таркөдчө. Обөссө востис, видзөдө — некод абу, өшинь дорас некутшөм кок туй оз төдчы.

«Тайо, тыдало, кодкө мөд таркөдчө, оз көсйи, медым ме тан олі. Ничего, — думайтө, — ме абу польсь рөдысь».

Бара көртавліс өбөссө да водіс, а бокас пицальсө пуктіс.

Кодкө стenas — гым! Отпыр и, мөдысь и. Сэссия кылө өбөсыс воссис и сы дорө матыстчис, а ачыс оз тыдав. А биыс ачыс кусі. Сэссия матыстчис айко дорө да пельпомас тапваргіс да висьталө: «Сувт!» Сідз кымынкөбысь висьталас и тапвартас. А айко эськө и мөдө сувтны, но оз вермы даждө вөрэзыны.

Но коркө сэссия лэдзис жө да айко өдйөджык пасьтасис и муні, лэччис керкаө. И унсө сылысь пырпыр торкис, оз вермы унмовсьыны и всё. Нель сутки узьтөг лэччас да керкаө воас да тшөктас кульсьөдны. А ачыс этадэ пызан саяс пукалө да только кинас быдлаө петкөдлө и висьталө: «Этия код? Этия код?» А кытчө петкөдлө кинас, нинөм абу.

Сэссия чай кутас юны да юрыс ки вылас усьө и унмовсяс. Дзөнь сутки пызан саяс и уэяс.

Сэссия бөрвыв и висьталас: «Ме өд нель сутки эг узь, нөшта кө этша, и узьтөмысла кувны верми».

Недыр мысти сы бөрын сэссия и кулі айко.

ОБИТАЕМЫЙ КЕДР

Мой отец совместно с другими охотниками построили охотничью избушку под большим кедром. А когда приближаешься к этому кедру, слышно, как кедр шумит, хоть и нет ветра, штиль. Поэтому другие все испугались, не стали жить в этой избушке. А отец наш никого не боялся, и он остался там жить. Стал кипятить чай, и вдруг дверь открылась, и со стола все подмело-сбросило на пол, даже котелок опрокинуло.

Ну, он снова начал кипятить. И только приготовился поесть, опять дверь открылась и все сбросило. А на улице штиль, никакого ветра нет. Дверь веревкой скрутил-привязал накрепко, поел-попил и лег спать.

Только лег, кто-то в окно торкнул. «Ну, — думает, — гость еще какой-то идет». Посмотрел — никого нет. Только лег, кто-то опять стучит. Открыл двери, смотрит — никого нет, и под окном никаких следов не заметно.

«Это, видно, кто-то другой стучит, не хочет, чтобы я тут жил. Ничего, — думает, — я не из рода трусливых».

Снова привязал дверь и лег, а рядом ружье положил.

Кто-то в стену — трах! И один раз, и другой. Потом, слышно, дверь отворилась и к нему подошел кто-то, а самого не видно. А огонь сам собой потух. Потом он подошел к отцу, хлопнул по плечу и говорит: «Встань!» Таким образом несколько раз произнес и хлопнул. А отец и хочет подняться, но не может даже сдвинуться с места.

Ну, наконец тот отпустил отца, и он оделся побыстрее и ушел, отправился домой. И у него отняло сон, не может уснуть и все. Четверо суток без сна шел домой, пришел, велел себя раздеть. А сам сидит за столом, указывает рукой в разные стороны и говорит: «Кто это? Кто это?» А куда указывает рукой, там никого нет.

Потом стал пить чай и уронил голову на руки, и тут же уснул. Целые сутки так за столом и спал.

Потом уже позже сказал: «Я ведь не спал четверо суток, еще бы немного и умер бы, наверно, из-за бессонья».

После недолгого времени с того случая и умер отец.

83. БУБЫЛЯ

Быдсяма повзёдлысьсё мян шуоны бубыля. Батьё мян коркё вөр керка вёчлёма суседкёд. Сэсся сэтчё вёлі ветлөдывлөны веж-ласьёмөн, первой отыис, сэсся мёдыс. А вёлом сэтшөм поверья. Лок-тан керкаас да колё сетны знак, мый сэтчё пырны кёсьян. Сійё олысьсё медым юортны, а то, оз кё кывлы тэнад локтөмтё, йёзалас да кутас мешайтчыны тэныд овнысё. Локтигад на колё либё чорыда кызёктыны, либё вачкыны мыйёнкё керка пельёсад.

Коркё суседным мян турунла каяс, да поводдяис лёкмас, кап-каньяс нёлёма сиялёма да ни оти коч абу шедёма. Сэсся, сөвтчыны мунны да, сійё скёрысь вомгорулас видчитыр керкаад пырас, ноп-торей, узьмөдчыны кёсийё да, шыбитны. Одьёссё восьтёгас нин дум вылас усьё: «Аттё, лёка өд лои!» Эз юорт да. Сэсся өдзёссё восьтас, а быттё кок увтёис мыйкё толькё вуджөрасьшптис. «Аттё,- шуас, — лёка өд лои!»

Но ладнө. Тэчяс-керас, локтас, пусяс, сёяс и сэсся водас. Сөмын на унмовсяс, кодкё быттё пырас да сы вылө шлап водас. Водас да сійёс кутас личкыны. Личкё, но нин лавны оз вермы, сідзикөн. Сэс-ся кызкё вештас вылысьсыс и садьмас. Видлас - некоді некөн абу. Бөр водас. Толькё вугыртас, бара сы вылө кодкё водас. Бара сідзи жё вештас вылысьсыс да садьмас. Коймөдысь бара водас, бара и воас.

Сэсся эгадзи пö пельясöдыс босьтас да нар вывсьыд сійöс тойыпштас. А пельыс бытгö кыз дöра кодь, юр куш-а. Пельясöдыс босьтас да нар вывсьыд сійöс йöткыштас. Босьтас черсö да сійöс крестöн моз керавлас. Сэсся бисьыд босьтас öгыр да öгырнас быд пельöсöд нов-лöдлас, а ачыс молитва да мый да лыддьö. Бубыляыд на öд вöлöм шуö сылы узигад: вешйы пö татысь, менам пö тайö местаыд! Сэсся черöн кералöм бöрад нин асылöдз некод оз вöрзöдлы.

Гортö мöд асывнас локтас да батьлы висьталас. Бать коркö кайлас жö сэтчö да эськö быдсямасö нин вöчас, мый колö. А войнас оз жö сет узьнысö, бара жö вöлöм вöтлö керкасьыд батьöс. Сэсся коркö монь кайлас гожöм турун пуктыны рöбöтничакöд да рöбöтничка сійö узьö, нинöм тöдтöг, а моньлы оз сет узьнысö. Куимысь чечöдас да сідэ оз и сет узьнысö. Коркö сэсся и ми воккöд кайлам да мяян нинöм эз висьтавны та йылысь. Ми тай нинöм тöдтöгыд зэв бура узьлам-а.

БУБЫЛЯ

Всевозможных пугал у нас называют бубылями. Когда-то наш отец совместно с соседом построили себе охотничью избушку. И туда ходили попеременно, сначала один, потом другой. А существовало такое поверье. Как приходишь к избушке, надо дать знак, что хочешь войти в нее. Это чтобы предупредить живущего в ней, иначе, если он не услышит твоего прихода, то обнаружится и будет мешать жить. Прежде чем войти, надо либо громко кашлянуть, либо чем-то стукнуть в угол избушки.

Однажды наш сосед поехал за сеном, погода в это время испортилась, а у него были настрожены капканы, но ни один заяц на этот раз не попался. Перед тем как пойти накладывать сено на воз, он, о чем-то про себя ругаясь, вошел в избушку — надо было оставить кое-какие пожитки, так как решил переночевать здесь. Уже открывая дверь, он вспомнил: «Ах ты, нехорошо получилось!» Не известил о приходе. Открыл он двери, и ему показалось, будто какая-то тень промелькнула под ногами. «Ах ты, — сказал он, — нехорошо получилось!»

Ну ладно. Накидал воз сена, пришел, сварил ужин, поел и лег спать. Только заснул, показалось, будто вошел кто-то и шлепнулся-лег на него. Лег и стал давить. Давит так, что дышать не может. С трудом он сбросил с себя тяжесть и проснулся. Посмотрел — нигде

никого нет. Опять лег. Только задремал, опять тот на него навалился. Опять так же сбросил с себя и проснулся. Третий раз лег, и опять тот пришел.

Затем он вот так схватил его за уши и столкнул с нар. А уши у него якобы как будто посконные, голова же лысая. Взял за уши и сбросил его с нар. Затем взял свой топор и крест-накрест рубанул его. Затем взял горячие угли и обнес ими все углы избушки, а сам между тем молитвы произносит. А бубыля, оказывается, еще во время сна говорил ему: убирайся, мол, отсюда, это, мол, мое место! Потом уж после того, как топором порубил, никто больше до утра его не тревожил.

На следующее утро он приехал домой и рассказал об этом отцу. Отец как-то тоже ездил туда и вроде бы уже предпринял все предосторожности, какие при этом требуются. А ночью ему тоже не дал спать, тоже, оказывается, выгонял из избушки отца. Потом как-то сноха моя летом на сенокос ездил с работницей, и работница спит ни о чем не ведая, а снохе тоже не давал спать. Трижды будил ее, но так и не дал уснуть. Потом и мы как-то с братом были там, а нам об этом ничего не рассказывали. Мы, не зная о его проделках, очень хорошо спали.

84. ЛОДЯ БОКЫН УЗЬМӨДЧЫЛӨМ

Коркө батъяс дядьяскөд куимөн узьмөдчасны лодья бокө. Батъё пукалө вөлөм шөрас, а дядьяс бөкъясас. Лодьясө өд төдан, кызди вөчөны? Чомтор сувтөдасны, а кокладорас би пестөны. Сэсся батъё чай юө, а вокъясыс нин узьөны.

Сэсся вөрсьыс морт петө, ловъя, пиццала. Локтас да вөзйысьö: «Лэдз, дядьö, чомъяд».- «А кызди нө ме тэно лэдзэ, ми асьным куимөн, миян сидэ нин дзескыд да. Пуксьы, колөкө, би дорас, шонтысь». А ачим нө кокъясөдныс дернитла да шуала: «Детинаяс, чеччө, чеччө, морт сөйысь өд локтис!» Найö узьөны. Мортыл и шуö:

— Тэ чомъяд лэдз, а татпөм биыд өд менам и аслам выйим.

— А кысянь нө ачыл локтан?

Да висьталö:

— Лөк ёльсянь.

Но сэсся и шуö: «Эн кө лэдз, мен колө аслам лодьяөдз вөдчаны».

И муні. Только берді, сэсся и кыкнанныс вокъясыс чеччисны.

НОЧЕВКА У ОХОТНИЧЬЕГО КОСТРА

Однажды отец с моими дядьями заночевал у охотничьего костра*. Отец сидел посерединке, а дяди мои по бокам. А охотничий костер ведь янаешь, как строят. Стапят небольшой шалашик, а со стороны ног разжигают костер. И вот отец сидит, пьет чай, а братья уже спят.

Вдруг из лесу вышел человек, в лузанае, с ружьем. Подошел и просится: «Дядя, пусти в свой шалаш». - «А как же я тебя пушу, мы и сами трою, нам и самим тесно. Садись, если надо, к костру». А сам тем временем трогает спящих за ноги и говорит: «Парни, проснитесь, проснитесь, человека едящий ведь пришел!»* Они спят. Человек-то и говорит:

— Ты в шалаш впусти, а такой огонь у меня и у самого есть.

— А откуда идешь?

— От лесной речушки Лёк*, — говорит гость.

А потом и продолжил: «Раз не впустил, придется мне идти до своего костра».

И ушел. Только скрылся из виду, оба брата проснулись.

85. МИРОН КЕРКА

Мирон керка. Гожомбыд сэтöи оломаось пуктысьысьяс, пывсьо-майсь. Сэсся н миян кайисны лысьтысьны, мос лысьтыны кайисны, и ломтасны пывсянто сийö. Ломтасны и детинатö вьтасны, дас вит арöса детина миян вöли, вок мепам.

— Вай, пиö, душ пывсьы мун!

Ягас пывсьыны каяс, пывсянто пырас, пöрчысьяс, косьяс коясьны, и шыасясны морт гөлөсөн: гожомбыд пö дөзмөдчисны, дөзмөдчисны дай бара пö локтисны дөзмөдчыны, куалом ни висьталом!

Детинаыд сэсся курыштас кöлуйтö-й, оз и вежөртлы кыдзи-й петас. Лаччас сэсся мамысьяс динö бөр: «Мунö пö кайö пывсьö, мамö. Ме пö тай мый пывси, пывси-а».

А сэсся пö казяласны старукаясыд: «Тайö пö не то, навернө пö, тайос повзбөдöма».

Сэсся каясны да öти баба ёна вөйысьяс пывсянлы. Сэсся пывсясны. Налы нинөм оз кажитчы.

Локтасны да висьталас сэсся: «Морт гөлөсөн пö и шыасисны. И омöля пö и вежөртли сэтöни, повзи пö сы вийөдз».

[— А кыдзи вöйысьöны?]

«Пывсянö, шондыбанö пö, лэдз миянös пывсьыны, пывсян олысьö пö, лэдз миянös пывсьыны». «Господьö, благословит»,— первой шу-асны. Сэсся пывсян олысьяслы да пывсянлы вöйысясны: «Господьö, благословит пö да пывсян олысьяс пö да пывсянö, шондыбанö, лэдз миянös пывсьыны!»

МИРОНОВА ИЗБУШКА

Миронова избушка. Все лето там жили сеиокосчики, использо-вали и как баню, и как жильё. После них и наши однажды поехали туда, поехали коров доить и затопили ее под баню. Затопили и послали первым мальчика, пятнадцатилетний подросток у нас был, брат мой.

— Давай, сынок, иди попарься в первый пар.

Пошел он париться в лес, вошел в баню, разделся, хотел плес-нуть воды на каменку и вдруг человеческим голосом кто-то произнес: целое лето, говорит, досаждали, досаждали и опять, говорит, пришли досаждать, ни просьбы, ни предупреждения!

Подросток сгрëб свои вещи и выскочил не помня себя. Потом пришел к матери и остальным женщинам: «Идите,— говорит,— парь-тесь, мама. Сколько мне нужно было париться, я попарился».

А старушки догадались: «Тут что-то не то, наверно, его испу-гал кто-то».

Потом они пошли, и одна женщина очень долго обращалась с просьбой к бане. Затем попарились. Им ничего не почудилось.

Лишь когда вернулись, он рассказал, что, мол, по-человечески к нему обратились и что он, мол, плохо и помнит себя, так испугался.

[— А как обращаться к бане?]

«Банюшка, солнцеликая, пусти нас попариться, в бане живу-щий, пусти нас попариться». Сначала говорят: «Господи, благосло-ви». Потом обращаются к живущим в бане и к самой бане: «Господи, благослови, в бане живущие, банюшка, солнцелная, пусти нас попа-риться».

86. ОШКÖД СЁРНITÖМ

Расовыд öд важөн нин кыйсьö, прöмысловик сийö. И Расовыд шулис: ошкыд пö öд век орччөн тэкöд, сийö пö мортлы зэв бур друг, сылы кö бура шуан, сийö лэчьястö оз вөрзёд, мыйта аслыс колö

босьтас, а тэныд пайсö век жö пö коляс. А саныдлы кöть висытав, кöть эн.

Öтчыд пö ошкыс кутöма сылысь сьöла лэчьяссö босьтавны водз-вылас, мöдiс пакöсьтитчыны. Сэссия Расовыд сылы и шуас: вай пö кольышт меным, менам пö öд сы мында труд пуктöма, ставсö пö öд он жö босьт. Сэссия ошкыс оз кут водзвывсьыд босьтавны. Аслыс пö пай и сылы пö пай.

ОБРАЩЕНИЕ К МЕДВЕДЮ

Расов уже издавна занимается охотой, он промысловик. И Расов как-то говорил, что медведь всегда рядом находится, он большой друг человека, и если к нему обратиться по-доброму, он не тронет твоей добычи, сколько самому ему надо — возьмет, но и тебе твой пай оставит. Не то что росомаха, ей хоть говори, хоть нет.

Однажды медведь стал брать у него из петель рябчиков наперед Расова, стал пакостить. И Расов будто бы обратился к нему с такими словами: оставь, дескать, и мне, у меня ведь на это столько труда вложено, не будешь же ведь все до единого брать. И будто бы медведь не стал брать наперед из его петель рябчиков. Себе брал пай и охотнику пай выделял.

87. ОШКÖД ПАНЫДАСЬЛÖМ

Нелямынöд воын ме вöли на зэв дэоля, Иванлы, ыджыдджык вокöлы, дасöд во мунö вöли. А айко мян нэмсö кыйсис.

— Ягың, — висьталö сийö, — оз ков повны некодысь, толькö мортысь.

Ветлим ми коркö вотчыны. Айко нуöдiс ягö зэв уна баба, ми тшöтш муним. А катöдö вöли зэв ылö да сувтiм шойччыны.

Сэтөн аддзим ош кок туйяс, а этша ылынджык, руалö толькö, ыджыд сiгъяс. А айко висьталö:

— Тi шойччö, а ме ветла боклань.

Но ми тшöтш Ванькакöд сы бöрсянь кыйöдчигмоз муним. Этша и муним-а, воча локтö, ачыс. Айко сувтiс да зэв спокойнöя кутiс ськöд сёрнитны. «Мун,- висьталö,- ас туйöдыд. Ми тэнö ог вöрзёдлö, и тэ мянтö эн жö повзёдлы. Мун!»

И ошкыс станöвитчис да сувтiс бөр кокъяс вылас да сьöлалiс-пызыйс айкоöс. Шлюдь ва лои паськöмыс айколөн.

Сэсса сійō бōр сувтис нель кок вылас. Бергōдчис да и муні нбōж-вōляōн ягас. Сэсса айко воис миян дорō да и висьталō:

— Но, шойччинныд? Оні сэсса позьō водзō кайны.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

В сороковом году я был еще очень маленьким, а Ивану, моему старшему брату, шел тогда десятый год. А отец наш весь свой век охотился.

— В лесу, — говорил он, — никого не надо бояться, только человека.

Однажды мы ходили собирать ягоды. Отец повел в лес очень много женщин, мы тоже пошли с ними. А вел он нас очень далеко, поэтому остановились, чтобы немножко отдохнуть.

Там мы обнаружили медвежьи следы. а немножко дальше увидели медвежий помет, только пар идет. А отец и сказал:

— Вы отдохайте, а я схожу в сторонку.

Ну, мы тоже с Ванькой пошли тайком за ним следом.

Немножко и прошли, а он идет, сам. Отец остановился и очень спокойно стал с ним разговаривать. «Иди, — говорит, — своей дорогой. Мы тебя не трогаем, и ты нас не пугай. Иди!»

И медведь остановился, встал на задние лапы и всего отца оплевал. У отца одежда насквозь стала мокрой.

Потом он снова встал на четвереньки. Повернулся и тихо-тихо пошел в лес. Потом отец пришел к нам и сказал:

— Ну, отдохнули? А теперь можно дальше двигаться.

88. АГИЕВ ГЕНЯ

Воддза воас арнас веськалім Агиев Генякōд дялянкаяс вундавыны лесопункты. Дереванной ю бокас, Чумана ёль шусьō, сэтчō. Сэсса ми сыкōд пуксим, и Геня шуис: «Вот тайō визир вылас ме опкōд паньидасьлі». Ме шуа, мися, висьтав, кьдзи вōлі, мый да. Ме пō батьясльсь, сійō шуō, лэчьяссō лосьōдала. Батььисльсь лэч туйсō, кьті лосьōдō, а кьті самалō.

Сэсса пō сійō визирōдыд видзōда да водзвылын только пō тюрōлоктō, сійō жō визир кузяьс. Юр пō лэдзōма. Ме пō эськō ыльсьянь аддза. Сэсса пō нарoшнō куті колскōдны гора пуад, мед ыльсьянь аддзас да мыйкō кōть вōчас. Нинōм пō оз кыв. Ме ог тōд, мый пō

сійо сы өдзяё локтё. Вот-вот локтас. Ме пö ещö думьшті, час пö, дрöб пö вежи ружьеысь, сэтчö пö пуля сюйи, а запасөн пö номö сюйи мöд пуля, мыйкö кö лоас ли мый ли.

Сэтчöдз пö öд локтіс да кык метра сайын пö сэсся друг быгтыö сувтіс, надзöникөн кок йылас пö сувтны кутіс, кыккокйыя, дзик воча. Ме визир вылас, и сійö пö визир вылас. Думьштіс: «Код тайö сувтіс менам туй шöрö?» Ме пö сэсся пышйыныд эг жö гөгөрво, гашкö, пö сійö водэджык кежас. Кык метра сайö сувтіс, зэв пö лöсьыд синмөн видзöдö ме вылö, ме пö тожö видзöда. Вомын пö пуляыс. Ружье пö лыйны ог лысьт. Сэсся пö думайтіс, думайтіс, ог тöд, мый думайтіс. Сэсся пö ки пыдöсас сьöлыштіс, карснитіс пö ки пыдöсас, сэсся пö мен сійö öвтыштіс дульнад. Ме пö шуйга кийн чыпкася, нинöм пö ог аддзы, чужöмö пö öвтыштіс, ставыс пö дуль. Öвта, öвта. Сійö пö ещö на видзöдіс сюся. Мöдысь пö карснитіс. Но, обычно öд сьöлалöны, а сійö, висьгалö, ки пыдöсас пö, лапаас сьöлыштіс да öвтыштіс пö. Сэсся пö ставыс тыри, этадзи пö керася. Висьгавліс мен сійö, да менам серам петö. Сэсся пö коймöдысьсö, ог тöд дышöдіс, али мый, совершенно пö бокö кежис да муніс дай.

Сэсся пö и, мунöм бöрад, вомысь патронсö кыски пулянас, и пуляыс пö лямалöма пинь костад, сöчөн кодь пö лöйма. Но вомад пуляыд, патроныд, сэсся повзём вылад сэтшöма топöдöма, пока сулалас, кыски пö да лямалöма нöлі. Вот пö и ошкöд паныдасьöм. Кöть пö и зарадитны куті, эз пö эськö стволас и пыр сэтшöма лямалöмаыс.

АГИЕВ ГЕНА

В прошлом году осенью мы с Агиевым Геной были направлены отводить делянки для лесопункта. По реке Деревянке есть лесная речушка, по названию Чумана ёль*, туда. Мы с ним сели, и Гена сказал: «Вот на этой просеке я встречался с медведем». Я попросил его рассказать, как и что было. Я, говорит он, поправлял отцовские силки. Охотничью тропу отца кое-где подправляет, кое-где приманку кладет.

Потом, говорит, смотрю вдоль по этой просеке, а немного впереди меня только прет-идет в мою сторону, по этой же просеке. Голову, говорит, опустил. Я его издали уже вижу. И, говорит, нарочно стал громко стучать по дереву, чтобы он меня издали увидел и хоть что-нибудь предпринял. Ничего, говорит, не слышит. Я не знаю,

чего он с такой скоростью идет. Вот-вот подойдет. Я, говорит, еще подумал, тотчас дробь из ружья сменил, туда пулю втолкнул, а про запас в зубы взял вторую пулю, вдруг что случится.

До такой степени близко подошел, только в метрах двух вдруг остановился, стал медленно подниматься на задние ноги, на две ноги встал, лицом к лицу. Я, говорит, на просеке. и он на просеке. Подумал, вероятно: кто это на его пути встал? И я, говорит, тоже не догадался убежать, может, думаю, он раньше меня свернет. В двух метрах, говорит, встал, очень ясно смотрит на меня, я, говорит, тоже смотрю. Та пуля во рту у меня. Из ружья, говорит, не решаюсь стрелять. Потом он подумал, подумал, не знаю, говорит, о чем он думал. Затем, говорит, сплюнул на ладонь*, харкнул, говорит, на ладонь, и, говорит, махнул в меня слюнями. Я, говорит, левой рукой утираюсь, ничего, говорит, не вижу, он мне в лицо махнул, весь в слюнях. Смахиваю, смахиваю. А он еще на меня осмысленно посмотрел. И второй раз харкнул. Ну, обычно ведь они плюются, а этот, говорит, на ладонь, на лапу сплюнул и махнул, говорит, в меня. И весь я стал в слюнях, только, говорит, так делаю*. Так он мне рассказывает, а меня смех берет. Потом, говорит, в третий-то раз, не знаю, то ли ему надоело, то ли что, совершенно в другую сторону свернул и ушел.

Затем, говорит, когда он ушел, я выгасил патрон с пулей нэо рта, а пуля расплющилась меж зубов, как лепешка, говорит, стала. Он с испугу так сдавил, что выгасил, и она оказалась расплющенной. Вот тебе и встреча с медведем. Если бы, говорит, даже стал заряжать повторно, пуля бы не вошла в ствол, до такой степени расплющилась.

89. ОШ ТӨЙӨДӨМА БАБАӨС

Бабаыд вошө. И вот ветлас, ветлас, сэсся ошкөд аддзысыны. Ошкыд сийө сэсся гуад нуас. Сийө вердө и юкталө ошкыс. Вот сийөс ошкыс төвийөдас дзонь төв. Кыськө пө, ветлас да, ваяс няньяс и быдтор пө. А дерт нин, мыйонкө төвийөдис сийө, кузь төвбыдтө. Сэсся сылөн паськөмыд ставыс киссяс.

И ошкыд пиялө. Пияна ош. Пиялас да и челядыд на сэсся сылысь паськөмтө косявласны. Сэсся бабатө сийө нуас деревня дорад матө да грөзитас, менө пө эн кый, ме пө тэнө видзи, дзонь төв пө ме тэнө төвийөди.

Сэсса бабаыдлысь оз веритны мужикъясыд. Ог пö веритöй, мужикъясыд висьталасны. Сэсса сійö гуöдзыд нуас, бабаыд. Гуöдзыд нуас, да и сэсса кыясны.

Сэсса баба ог тöд, кулö, дашкö, кулö да.

Сійö висьталöны, збыль сійö.

МЕДВЕДЬ ЗАСТАВИЛ ПЕРЕЗИМОВАТЬ У СЕБЯ ЖЕНЩИНУ

Женщина однажды заблудилась. И вот она ходила, ходила и повстречалась с медведем. Медведь отвел ее в свою берлогу. Ее медведь кормил и поил. Продержал ее целую зиму. Куда-то сходит и принесет хлеба и всякой еды. Ну, конечно, чем-то ведь надо было кормить ее всю зиму. Вот через какое-то время у нее износилась вся одежда.

И медведь разродился. С медвежатами медведь-то. Разродился, и дети-то его ей еще более изорвали одежду. Из-за этого он отвел жеищину близко к ее деревне и настрожил: меня, говорит, не выдавай, я ж, говорит, целую зиму тебя кормил.

Женщине не поверили мужики. Не верим, дескать, этому. И ей пришлось привести мужиков к берлоге. Привела, и они убили медведя.

Женщина, не знаю, наверно, тоже умерла. Вот это рассказывают, это был.

90. ОШ БАБАÖС ВИДЗÖМА

Ёна ог нин ме помнит-а, важ йöзыд вöли висьтавлöны. Öти баба кайöма вотчыны. Сэсса сійö ошкöд паныд лоöма. Сэсса опкыд гуад и сюяс, арнад. Арнад гутö кодйöма нин сыла ошкыд. Гуад пö сюяс да сэсса абу лэдзöма петныс. Сэсса тулыснад абу вийöма-а, лэдзöма бабатö. Тöвбыд видзöма. Кор ачыс петас, сэсса бабатö лэдзöма. Нинöм пö эз кер. Только пö кимодзсö нёнявны сетö. Ачыс пö нёнялö жö. Вот сійö вöли. Сійö ошкыд öти бабаöс видзлывлöма. Зэв бура. Сэсса абу омöльтчöма ни нинöм, баба-д локтис. Ош, менö пö ош видзис; ошальсь пö госсö нёнялим. Быттö пö мыйкö локтыштö. Кимодзсö пö сетас, лапа модзсö да, сійö пö нёняла.

МЕДВЕДЬ ЖЕНЩИНУ СОДЕРЖАЛ

Не очень уж и помню, но рассказывали старые люди. Одна женщина пошла собирать ягоды. Там она повстречалась с медведем. И медведь ее затащил в свою берлогу, осенью. Осенью ведь у жирного медведя уже готова берлога. Затащил в берлогу и уже не позволил выйти. А потом весной не убил, а отпустил женщину. Всю зиму держал. Потом как сам вышел (из берлоги), так и женщину отпустил. Ничего с ней не сделал. Только, мол, мясистую часть ладони дает сосать. Сам, мол, тоже сосет. Это медведь одну женщину содержал. Очень хорошо. И женщина обратно вернулась и даже не похудела.

Медведь, меня, говорит, содержал; медвежий, говорит, жир сосали. Вроде кое-что идет, когда сосешь. Мясистую часть ладони, мол, даст мясистую часть лапы, и, мол, ее сосу.

91. (ОШ ДА БАБУШКА)

Вёлёма дзюляник деревня, сэн од ичотик керкаяс. Вот, вёлёма сизим керка деревняяс. Тайё ме Аныбын кывлі. Деревняяс оти керкаын дзик помас вёлёма олоны пöрысь гозъя. Бабушкаыс мунас чöд вотны, а вöрыс абу и ылын. Сійö чöдтö вотас чуманöн дзик тырыс и кутас гортас локны. А сылы ош петас туй вылас. Ошкыд петас туй вылас да сэсся оз бабсö нинöм кер, а панлодлö пö. Сійö чумантö союз суйыс да сэсся пö мунö, и менö чуксалö. Ог пö од лысьт, лоö пö вöтчыны, сійö бабушкаыд висьталöма. Сэсся пö ме вöтчи, вои гу дорас. Гу дорас пö вои да чумантö лэччöдіс и менö пö гуад кыскис. Гуад пö кыскис и кык вой узьтöдöма сійö бабушкатö. И морт моз пö вöд видзö, кызди мужик, сиди видзö. Сэсся пö коймöд асывнас кынöмыс, тыдалö, сюммис, а чöдсö пö оз вөрöшит, дай менö пö оз жö лэдз сёйны. Менам пö кынöмöй жö сюммис. Сэсся пö сійö кайыс, менö пö быдсяманас поньтавліс, увнас и колоданас и ставнас, рузьсö, гусö. Сэтшöм пö лöсьыд гуыс. Ме пö видзöдлі, муныштіс двадцать метров кымын да и водіс. Ме пö и ог вөрöшитчы. Сійö пö муныштіс, муныштіс и бара на водыштіс. Сэсся пö и эг кут аддзыны. Эг пö кут аддзыны да ме пö куті кайны. Кайи. Ок, волз асыв! Колöкö пö шондыыс муртса петö вöлі. А сійö пö мунöма яйла, сёйны. Ъжтъяс сэні, деревняыс пö матын, скöтнöй двор да. Ме пö сэсся чуманъяссö эг нин босьт и пыр пö гортö котöрта. Куим километра

пö вöдöма гортöда. А пöрысьыдыды вед колö жö вот котöртны. Сэсья дедушка пö менö виччысьö нин вöлöм. Игнасим, да ме пö тiралiг дeдлы висьтала, и ошкыд тай кыдан локтiс кильчö вылö. Сэсья пö керка вылö кайис кильчö стрöпилаяс вывтiыс. Бабушкаыд паччöрö кайöма, да кытöн пö ме узя паччöр весьтас, тьöсьяссö пö шыблавны кутiс, йирксö пö шыблалö.

А дедушкаыд петöма öшиньöдыс да сусельястö чукасалöма. Сусельястö чукасалöма да сэсья оштö лыйöма.

МЕДВЕДЬ И БАБУШКА

Была маленькая деревушка, и там маленькие дома. В деревне было семь домов. Это я в Аныбе слышала. В этой деревне в одном доме на самой окраине жили старик со старухой. Бабушка пошла собирать чернику, а лес совсем рядом. Она собрала чернику полную берестяную корзину и стала возвращаться домой. А дорогу ей преградил медведь. Вышел медведь на дорогу и бабушке ничего не причиняет, а лишь все вперед ее забегает. Потом он взял берестяную корзинку и повесил себе на руку, идет и зовет ее. И не смею, мол, пришлось за ним гнаться, это уже бабушка рассказывала сама. Погналась, мол, за ним, пришли к берлоге. Пришла к берлоге, и он спустил мою берестяную корзину и меня, мол, втянул в берлогу. Втащил он ее в берлогу и две ночи там продержал эту бабушку. И как человек охраняет, как мужик, так же охраняет. Потом на третье утро, видимо, проголодался, а чернику не трогает и мне, мол, не позволяет есть. И мне тоже захотелось есть. Он вылез и всем, чем попало, завалил отверстие, берлогу, и сучьями, и колодами. А такая хорошая берлога. Я посмотрела, отошел метров двадцать и лег. Я не шевелюсь. Он немножечко отошел, и еще раз прилег. Потом мне не стало его видать. Не стала его видеть и стала выбираться. Выбралась. Ох и раннее утро! Пожалуй, солнце только еще выходило. А он пошел за мясом, покушать. Овцы там в скотном дворе, деревня-то близко. И я свою берестяную корзину не стала брать, а все, мол, бегу в сторону дома. Три километра до деревни оказалось. Пожилому человеку-то вот тоже бежать надо. А дедушка, оказывается, уже поджидал ее. Потом заперлись, и я, мол, с дрожью рассказала дедушке, а он, медведь, тут и пришел на крыльцо. Потом на крышу забрался через крылечные

стропила. А бабушка забралась на печь, и там, где, мол, я лежу, он прямо надо мной стал тес разбрасывать, крышу разбирает.

А дедушка вылез через окно и созвал соседей. Соседей созвал, и те застрелили медведя.

92. РУШКУА БАБА ДА ОШ

Дедö висьтавліс. Пув вотны каяс рушкуа бабаыд. А важöнсö вöлөм даже видз вылас и быдлаын кагасö вайöны, некутшöм отпуск. А рöдитны нин должен, вайны. Ъджыд рушкуа. А пув вотны каяс, и ошкөд сійö паныдасяс. Сэк öд ошкыд зэв уна на вöлі да. Но, а вöлөм ошкыд сійö оз любит, дедö шуö. Пи кө пö нöбалö женщинаяс, значит, обязательно писö перъяс. Ныв кө пö, оз вөрöшит бабасö. Но вот, сійö бабасö сэсся и косялас, рушкусö перъяс. Пи вöлөма. Рушку, дерт, мыйöн вожöдан, сійö ош вожöдас, дерт, кулö бабаыс-

Локтас асылыс. Сэсся и корсьны мөдасны. И лун корсясны, да и мөд, да и коймөд луннас вöлись аддзасны.

Гу кодйыштöма, мөгила кодьöс вöчöма да нитшкөн тыртöма, а вылысас пö став валежниксö. А колода бокö пö шляпкөбтöма пи, кага сэтчö и вийöма, рушкусьыс перйöма да.

Вот, сійö дедö висьтавліс жö. На самом деле вöлөма. Да морöс вылас пö кисö даже пуктöма. Сідз уже похоронитöма сійö.

Но, вот чудесаыд!

БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА И МЕДВЕДЬ

Дед мой рассказывал. Беременная женщина пошла однажды собирать бруснику. А раньше было так, даже на покосе рожали, никакого предродового отпуска. А она должна была уже разродиться. А пошла собирать бруснику, и медведь ей навстречу попался. Тогда ведь медведей много еще было. А оказывается, дед говорил, медведь не любит беременных мальчиком. Если женщина беременна мальчиком, значит, он обязательно извлечет сына. А если беременна девочкой, он не тронет женщину. Ну вот, он эту женщину и разодрал, плод вынул. Сын оказался. Конечно, раз живот разодран, если уж медведь разодрал, то, конечно, умерла.

Пришло утро. Пошли ее искать. И день ищут, и второй, и лишь на третий день нашли.

А он выкопал яму, наподобие могилы, и мохом накрыл, а по-
верх валежник накидал. А сына женщины об колоду стукнул, ребенка
тут же и убил, как только вытащил из живота.

Вот, это мне тоже дед рассказывал. На самом деле было это.
И еще даже руки у нее сложил на груди. И так ее схоронил.

Вот чудеса!

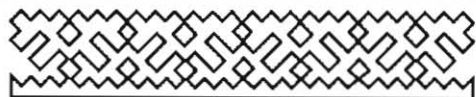
КЪМУНОН

NEKÖCVC

**ВÖР-ВА ДА СЭНІ
ОЛЫСЬЯСЛÖН
АРТМÖМ ЙЫЛЫСЬ
ВИСЬТЪЯС**

**РАСКАЗЫ
ЭТИОЛОГИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА**

93. ЛӨДЭ. НОМ ДА МОШКА

рокопей бөрын лөдэ этшаджык лои. Ном да мошка сёрнитöмаось:

- Лөдзö, кор тэ горгад мөдан?
- А ме Прокопей дырйиыс öбöдайтa да водзö и гортö муна. Ме народöс ог дöсaдит. А, номйö, тэ кор?
- А ме Илля лунсö на витла. Илля лун öбöдайтa дай тöжö гортö мöда.
- А мошка, пони мошка, тэ кор мөдан?
- А ме ог мөд друг, сёртни карöмсö на витла. Кытчöдз оз кöйдты.

ОВОД, КОМАР И МОШКА

После праздника Прокопия* оводов стало значительно меньше. Однажды разговаривали овод, комар и мошка:

- Овод, ты когда домой полетишь?
- Я в Прокопьев день пообедаю и полечу домой. Я людям не буду долго досаждать. А, комар, ты когда?
- А я подожду до Ильина дня. В Ильин день пообедаю и тоже отправлюсь домой.
- Мошка, маленькая мошка, ты когда отправишься?
- А я не вдруг еще отправлюсь, подожду до тех пор, пока репу не уберут. Пока холода не наступят.

94. НОМ ДА ЛӨДЭ

- Номйö, мый нö тэ жарнас он лэбав?
- А менам тшöгйö сылö да сйöн.

- Лөдзё, мый нё тэ зэранас он лэбав?
- Менам шёвка платцьё кётасяс.

КОМАР И ОВОД

- Комар, ты почему не летаешь в жару?
- У меня мой жир может растопиться. вот почему.
- Овод, почему ты в дождь не летаешь?
- Мое шелковое платье вымокнет.

95. ТОХ-ТОХ

Енмыс карас тох-тохсё медбөръя лыдын. Нырыс өд, тодан ачыл, кутшом сылөн ыджыд да паськыд. Кольома сылөн материалыс да сийё и ляскас сылы сы ыжда ныр. Сэсся краска коляссё оз жё бокё чөвт да, мый кольё, сийён и мавтас бордьяссё и, бокьяссё и. Тодан өд, кутшом сера, уна пөлөс краскаа сийё.

УТКА-ШИРОКОНОСКА

Утку-широконоску Бог создал в числе самых последних. Знаешь ведь ты и сам, какой большой и широкий ее клюв. При создании утиных клювов у него остался лишний материал, вот он и шлёпнул ей такой большой клюв. Затем остатки красок он тоже не выбросил, а тем, что осталось, намалевал ей крылья и бока. Знаешь ведь, какая она пестрая да разноцветная.

96. ЛӨДЗ

Кор лөдзьяс вөлі бырёны, юалан:

- Кён лөдзьяс?
- Кебраё мунісны узьны, мөд во бөр локтасны, узясны да.

ОВОД

Обычно когда исчезали оводы, бывало, спросишь:

- Где оводы?
- В Кебру улетели спать, на будущий год снова придут после того, как выспятся.

97. КЫДЗ УТКАЯС ТАТЧӨ ЛОКТӨНЫ

Өбөсас, кыгї уткаясыс лэбїиы таздорөвыв, старик гозъя, өбөс каролитысьясыс. Унмовсисны. Сы костї уткаясыс и лэбїиы.

Өбөссө тай, буракө, оз жө сиптыны.

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА УТКИ

У дверей, черєз которые пролетают утки, летя в нашу сторону, старик со старухой, это сторожа этих дверей. Заснули. В это время утки и пролетают через двери.

Двери-то, по-видимому, они не запирают.

98. КЫМЫН НОМ ЛОКТИС?

Тулыснас, кор номъяс воасныс, кодкө быттьө и юасьө:

— Но мый, дзоньөн воинныд?

— А өтик токо пым ва пөртө пырис.

СКОЛЬКО КОМАРОВ ПРИБЫЛО?

Весной, когда появятся комары, кто-то якобы и спрашивает:

— Ну что, все в целости прибыли?

— А только один угодил в котел с горячей водой.

99. ТӨЛЫСЬ, НЯНЬ ДА СОВ

Төлысьлы вөйпөдөны, кор сийө ушатөн лэччас челядьөс катны, чукөрчөмадьс өтлаө нянь да, сов да.

Нянь шуө:

— Мыйла нө нин тэ сы мыдасө он терпит. А менө тай кыдз лөк көзййкаыс пачас сотас, сэся кыскас шөштөг вылас, пыркөдө. Пөйм ли мый ли, сотас да. Да и то терпит!

А сов шуө:

— Менө тай кок уланьс таялөны и сьөлалөны. Каллян кури-тасны да чөвтөны и, гырьөн тойөныс и. Да пыр тай терпит!

Төлысьыс помлась тай нинөм оз шулыны-а, кытчө сийө мунөма сэся ушатнас.

ЛУНА, ХЛЕБ И СОЛЬ

Когда луна стала спускаться с ушатом, чтобы поднять детей, глядящих на нее, собрались вместе хлеб и соль и стали упрекать ее.

Хлеб говорит:

— Что уж ты столько-то не можешь вынести. Меня вон нехорошая моя хозяйка уж как жгла-то в печи, потом вынула на шесток да стала трясти. Золу стряхивала, горелые места. Да и то терплю!

А соль говорит:

— Меня уж как топчут под ногами, сплёвывают на меня. И цигарку-то выкурят да бросают в меня, и в ступе-то толкут меня. Да я все терплю!

А вот про луну что-то ничего не рассказывают, куда она после этого ушла со своим ушатом.

100. ЙӖРШ ДА ЧИРАК

Вензьоны йӖрш да чирак.

— Ӗти чирак вердӧ ӧкмыс душа семьяӧс шыдӧн да яйӧн. Ме кӧ пӧ абу, кыдзи вермас крестьянин овны?

— Тэ нӧ мый, — шуӧ йӖрш, — ме ӧтнам нелямын ведра юква вӧча.

ЕРШ И ЧИРОК

Спорят меж собой ерш и чирок.

— Один чирок может накормить семью в девять душ супом и мясом. Если бы не я, как мог бы жить крестьянин?

— Ты-то что, — говорит ерш, — я один делаю уху в сорок ведер.

101. ИЛЛЯ ВЕЛИКОЙ ДА СЬӖЛА

Важӧн Илля великой мунӧ вӧрӧд. Туй вывтӧ туй боксьыс сьӖла лэбзяс. Борд шысьыс вӧлыс повзис, боквыв чепӧсйис. Илля великой вӧв вывсьыс муӧ уси. И проклинайтӧ сьӖлаӧс: мед пӧ тэ чульыд ыджда кындзи он ло!

И сясянь дзоля лоӧма. И ӧнӧ дзоля.

ИЛЬЯ ВЕЛИКИЙ И РЯБЧИК

В старину ехал однажды Илья великий* по лесу. С обочины над дорогой взлетел рябчик. От шума крыльев конь испугался, отпрянул в сторону. Илья великий упал с коня на землю. И проклял рябчика: «Будь ты впредь не больше, чем твой желудок!»

И с тех пор он стал маленьким. И теперь маленький.

102. СЬӦЛАЫС СЬӦЛӦМ ЫДЖДА

Сьӧлатӧ сійӧ меным Илля дядьӧ на висьтавлывліс. Илля дядьӧ татысь, менам аслам дядь, батейлӧн вок. Сьӧлаыд сійӧ ыджыд пӧтка вӧлӧма, медся ыджыд пӧтка вӧлӧма.

Кристосыс муно вӧлӧм вӧлӧн. Верзьӧма вӧлӧн. Сэсся сійӧ шпоркнитас, лэбзяс сьӧлаыд. Повзьӧдас Кристоссӧ. Тэ пӧ мед сьӧлӧм ыдждаыд и лоан. Сьӧлаыдлы шуас. Сэсся сьӧлӧмыс ыджда и лоӧ. Сьӧлаыд чипан кольк кодь и эм, но, стӧканыд кодь.

РЯБЧИК ВЕЛИЧИНОЙ С СЕРДЦЕ

Про рябчика мне еще дядя Илья рассказывал. Дядя Илья был здешний, мой родной дядя, брат отца. Рябчик был очень большой птицей, самой большой птицей.

Христос Бог ехал на лошади. Верхом на лошади. И вспорхнул, вылетел рябчик. И напугал Бога. Пусть, дескать, будешь ты величиной со свое сердце. Рябчнку сказал. С тех пор он и стал величиной со свое сердце. Рябчик и есть величиной с курное яйцо, ну, со стакан.

103. ЕНЛӦН ВӖЧӖМТОР

Ми коркӧ каим турунла, кык вӧлӧн. А важӧнсӧ ӧд пунктӧны турунъястӧ гортсянь верст дас вит, кызъяс сайӧ. Единоличнойыд дырйи, важ пӧраад, колхоз организуйтчӧдзъяс. Турунла ми кык вӧлӧн кайим. Кык капкан босьтим. Ӧти зэв паськыд трӧпа да трӧпа вылад ӧти капкансӧ пунктим, мӧдсӧ мӧд трӧпа вылӧ. Кык додътӧ ми сӧвтим, турунтӧ, ыджыд батъӧ сӧвтис, ме толькӧ таяла, но дзоляник, вӧвсӧ веськӧдлыны и верма толькӧ. Бӧр кутим петны туй вылад. Эжйӧс ю бокын самой вӧлі. Кӧчыд прамӧ туй вылад, и ловъя, кыскӧ, капканӧ шедӧма.

Вот, Серож, тэ пö часьлив. Серожөн менö вöлі шуö. Вот пö сэся помнит: тайö пö вот Господьлөн. Пернапасасис. Пель йылыс пö сьöд. Кростос пö да антикрстыд пö и öтлаасясны. Ме пö вот, — антикрстыд шуö, — зэв уна эськö ыж лэдзи да эг вот пасйы. А господьыд сийö шуас: ме пö уна жö лэдзи да менам пö ставыс паса. А кутшöм эськö тэнад пасьд? А ставыслөн пö пель йылыс сьöд. Лешакыс да Господьыс кöчöс быттö вöчасны, но кöч жö эськö-а, ыжөн шуö-маöсь.

А сэся дедö, ыджыд батыд, вöлі и шуö: вот пö мн тайö сёям, тайö Господьлөн пö. А кöть тö Господьлөн, Керчомья гөгöрад пö оз сёйны староверьясыд тайö.

Ме бура уна кöч жö нин дзoлясянь кыйлі. Четвертöй классын на вöлі велöдча, а капкансö вöлі ог на пермы октыны, табья вьлö кöрталасны, пружинасö октасны да трöпа вылад пукта нин капканти, маскируйта да. Вот сэсянь и до сих пор эз на меным встречайтчы кöч. мед еджыд, абу сьöд пеля. Станыслөн сьöд пель.

БОЖЬЕ ТВОРЕНИЕ

Раньше сено ставили от дому верст за пятнадцать-двадцать. В старину, при единоличных хозяйствах, до того, как колхозы организовались. Вот однажды мы поехали на двух лошадях. Взяли с собой два капкана. И на одну широкую тропу поставили один капкан, на другую тропу второй капкан. Два воза мы накидали сена, дед накладывал, я только топтал, ну маленький еще был, только и мог еще управлять лошадьми. Стали обратно выезжать на дорогу. Это было возле речки Эжъес. И заяц прямо на дороге, живой, тащит, в капкан попался.

«Вот, — говорит, — Серёж, ты счастливый». Меня он называл Серёж. «Вот, — говорит, — помни теперь: этот заяц — творение Господа Бога». Перекрестился он. «Кончик ушей, — говорит, — черный. Христос, — говорит, — и антихрист как-то встретились. Я, говорит антихрист, выпустил много овец, но не пометил их. А Господь сказал:

— Я тоже много создал, но они все с метками.

— А какая у тебя отметина?

— Кончик уха у каждого черный».

Это лешак и Господь Бог якобы создали зайцев, ну, речь идет о зайцах, а они называют их овцами.

И вот дед, отец матери, сказал: «Вот мы этого съедим, этот Господа Бога». А хоть и Господа Бога, но староверы из Керчюмь и их не едят.

Я довольно много зайцев с детства ловил. В четвертом классе еще учился, капкан не мог еще сам настораживать. Мне было дома насторожат, привяжут к дощечке, и я шел в лес, ставил капканы на тропы и маскировал их. И вот с тех пор мне еще не встречался заяц, чтобы он был с белыми, а не черными ушами. У всех черные кончики ушей.

104. (КОЛДУМНИКЛӨН КӨЧЬЯС)

Важон оло-выло мужик колдумник. Зэв ёна капканон көч кыйо. Көч кыйны петас сарай помас и капканъяс сиялас. И көчьясөс корас, и войнас локтасны. И куйм көчөдэ өтик капканас шедас. Сийо кыйис мужик — ыджыд амбар тыр. И кутис торгуйтны көчөн. Поп муно туй вывти. И видзөдо поп: мужик көчөн торгуйто. «Нолто,- шуо,- мужикө, тэнад кутшөм көчыд?» Мужик оз сибөд. «Көть,- шуо,- менам кутшөм көчыд, тэд,- шуо — не төдны».

Поп чукөстис полицейскойясөс. Полицейскойяс локтисны, амбар өдзөс восьтисны. И поп пырис. И поп босьтис ладан, крест босьтис киас и крестон креститис көчөс. Ладанон тшыныштис, и быдсон лои лёк голик шуй; и корось шуй, и сэрапом лои көчьяс. И мужикөс босьтисны, тюрьма нуисны.

ЗАЙЦЫ КОЛДУНА

В старину жил-был один мужик колдун. Очень бойко ловил он зайцев в капканы. Однажды он насторожил свои капканы прямо на конце своего взвоза. И позвал зайцев, и те прибежали ночью. И до трех зайцев попало в один капкан. И наловил мужик — полный большой амбар. И стал торговать зайцами. Идет по дороге поп. Смотрит поп: мужик торгует зайцами. «Ну-ка,- говорит,- мужик, какие у тебя зайцы?» Мужик не подпускает. «Хоть,- говорит,- какие у меня зайцы, тебе,- говорит,- не знать».

Поп пригласил полицейских. Полицейские пришли, открыли двери амбара. И поп вошел, взял ладан, крест взял в руки и крестом перекрестил зайцев. Окурил ладаном, и все зайцы превратились в голики, негодные венники, и в головешки превратились зайцы. А мужика взяли и посадили в тюрьму.

105. ОШ КОРӢ ПЕВ ЧУНЬ

Ошкыд Енлысь корас пев, сійӥ ӧд нӗль чуны. И кевмысьӧма Енмыльксь. Енмыс, ог тӧд, эм абу-а: мен пӧ пев вай. Сэсся сылы Енмыд оз и сет. Тэныд кӧ пев сетны, тэ пӧ ставсӧ кутан пачесайтны. Певыйд кӧ ӧд эм сылӧн, сійӥ чистӧй багатыр, сійӥ ӧд мусӧ бергӧдас. О, ӗн ӧд ошкыд, другӧ!

Ме сійӥ важӧн нин сӓрнияссӧ кывлі, Печераын на. Ок, сэтӧні Печераад Кӧджорӧмсянь васьыс чеччыштӧма йӧра. Васяньыс жӧ вӧлӧм кайӧ йӧраыс. Сэсся дашкӧ гектар тыла пӧрӧдӧмаӧсь йӧраыскӧд тыш-касигӧн. И всӧ равно комын пудъя йӧраӧс вийӧма ошкыд.

Значит, ошлы кӧ пев сетін — всӧ!..

МЕДВЕДЬ ПРОСИТ БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ

Медведь однажды попросил у Бога большой палец, у него ведь четыре пальца. И вот взмолился он перед Богом. Не знаю, есть ли Бог, а дескать, попросил: дай большой палец на переднюю лапу. Бог ему не дал большого пальца. Тебе, дескать, если дать большой палец, ты всех будешь трепать. Если б у него был большой палец, он был бы чистый богатырь, он бы землю перевернул. Потому что, брат, силен ведь медведь!

Я такие разговоры давно уже слышал, еще будучи на Печоре. Ох, там на Печоре однажды из плеса выскочил лось. От речки шел лось-то. И схватился он с медведем. Может, целый гектар леса повалили, пока боролись меж собой. И все-таки этого тридцатипудового лося победил медведь.

Значит, если медведю дал большой палец — конец!

106. (КЫДЗИ ЧУЖИС ОШ)

а) Важӧн вӧлі Микайлӧ. И Микайлӧ вӧрӧ муніс и вӧрӧд кутіс ветлӧдлыны. Микайлӧ и кутіс шуны: вот пӧ эськӧ пидзӧсчяняся, ошкӧ лоа. И Микайлӧ колода вылӧ пидзӧсчяняся, колода кузя кутіс мунны. И лешӧй локтіс. И Микайлӧӧс ошкӧ вӧчис лешӧй. Кутіс вӧрьш ветлӧдлыны ош.

Ӑтик баба кайис раскас тпак вотны. Микайлӧ адлэис и бабасӧ кватитіс и зэв лӧк пӧрӧмӧ нуис. И вужля бӧрӧ гу кодйис и овмӧдчисны бабакӧд. Найӧ вӧчисны ош пьян.

И баба кулі и ош пьян колины. Найо быдмисны, кутісны вөрөд ветлөддыны. Кутісны йөзөс корсьны сейны. Кытысь кыласны ошъяс чер шы, сясь мужикөс кутас сейны. И зэв ёна йөзөс кутісны сейны.

б) И му вылө лэччис Микөла угодник. Кыдз пу пөрөдіс и кутіс тув нөйтны, поткөдны. И ош кыліс керасьом шы и ош локтіс. Ош шуо: мый пө, старикө, керан?— Ме пө додь сюв вөча. Ош и шуас: «Ме,— шуо,— тэнө сейны локті». Мужик и шуас: «Час,— шуо,— тайо поткөдам, мед бур йөзлы кольо додь сюв выланьс». И старик шуас: «Вай,— шуо,— коктө сюйлы кыдз пу костас. Ме,— шуо,— тувсө мөдла нөйта».

Ош сюйис кок лапа. И зэв ёна топөдіс ошлысь коксө. Ош кутіс горзыны: «Лэдз,— шуо,— старикө, зэв пө ёна кокөй кутіс доймыны!» И старик и шуис: «Час,— шуо,— тэнө ме лэдз!»

Старик босьтас көрт бедь и көрт бедьдөн кутіс ошкөс нөйтны. Зэв чорыда нөйтис. Быдсөн бонзис яйыс. Сэн гыр д кутіс петны.

«Старикө,— шуо,— лэдз!» Старик шуас: «Мужикъясөс,— шуо,— сейны кутан, он?»— «Ог,— шуо,— если мужиклысь кок шысө кыла, ме,— шуо,— улам кудзала да пышъя. Сэтшөма,— шуо,— кута мужикысь полны».

в) Ош и шуас: «Мен,— шуо,— пев колө». Старик шуас: «Тэд кө,— шуо,— ме пев сета, мортлы,— шуо,— борд сета, понлы,— шуо,— ньөввуж сета». Ош и шуас: мен пө певыис оз ков. А коркө пө миянлы куим лун кежлө коть сетан он воля? «Сета,— шуо,— Семен лун дырйи куим лун чөж кыдз окотитанныд и кыдз кужанныд, сідз,— шуо,— олой! Мужик,— шуо,— ещө лунө петас кө вөрө, ас вылас надеяөн мунас. Ме,— шуо,— ог вермы спаситны».

И ошкөс лэдзис. Ош муніс. Микөла угодник бөр кайис небесаө. Пом.

КАК ПОЯВИЛСЯ МЕДВЕДЬ

а) В старину был Михаил. И Михаил пошел в лес и стал по лесу ходить. Михаил сказал: вот, говорит, если на четвереньки встану, медведем стану. И Михаил встал на четвереньки на колоду и стал по ней идти. И пришел леший. И Михаил леший превратил в медведя. Он стал медведем бродить по лесу.

Одна женщина пошла в рощу собирать грибы. Михаил увидел, схватил женщину и утащил в страшный бурелом. И под корнем вывороченного дерева выкопал берлогу, и они с женщиной там поселились. Они произвели медвежат.

Женщина умерла, а медвежата остались. Они подросли, стали бродить по лесу. Они стали искать людей и поедать их. Откуда услышат стук топора, туда идут и съедают мужика. И очень многих людей стали пожирать.

б) И на землю спустился Никола-угодник. Свалил березу и стал забивать клин, раскалывать надвое. И медведь услышал стук топора и пришел к угоднику. Медведь говорит: что, мол, старик, делаешь? Я, мол, делаю полоз для саней, отвечает Никола. Тогда сказал медведь: «Я пришел тебя съесть». А Никола тогда отвечает: «Погоди, эту расколем, чтобы добрым людям остались на полозья». И старик сказал: «Давай, просунь-ка свою лапу в расщелину березы. Я, — говорит, — клин перебью».

Медведь просунул лапу. И его прищемило. Медведь стал кричать: «Отпусти, старик, очень больно стало ноге!» И старик сказал: «Сейчас я тебя высвобожу!»

Старик взял железную палку и стал бить медведя железной палкой. Очень сильно побил. Тело все измочалилось. Кровь стала течь.

«Старик, — говорит он, — отпусти!» Старик сказал: «Мужиков будешь есть?» — «Нет, — говорит он, — если услышу шаги мужика, я, — говорит он, — под себя наложу и убегу. В такой степени буду мужика бояться».

в) Медведь сказал: «Мне нужен большой палец». Старик сказал: «Если тебе я дам большой палец, то человеку дам крылья, собаке лук со стрелами». Медведь и сказал: «Мне не надо большого пальца. А вот дашь ли нам, медведям, когда-нибудь волю хотя бы на три дня?» — «Дам, — сказал он. — Во время праздника Семенова дня* в течение трех дней как вам захочется, — говорит он, — как сумеете, так и живите! Если мужик в эти дни пойдет в лес, то пойдет он на свой страх и риск. Я, — говорит он, — спасти его не смогу».

И отпустил медведя. Медведь ушел. И Никола-угодник обратно вознесся на небеса. Конец.

107. КЫДЗИ ПОН ПЕЖОССИС

Крестьянин оло-выло. Крестьянин понйос кага видзысьо медалис. И пон видзны кутис кага. Козяин-козяйка мунисны удж выло. И лешой локтис пон диню. Понлы кутис шуны: «Вот, — шуо, — меным кагатю видлыны сетлан ко, ме, — шуо, — тэд пась сета». Пон сетис кага видлыны лешойлы. Лешой кагасю быд бокю съолалис... и быдсон лякис, и кагасю гутюдис. И лешой сетис понлы пась.

Кӱзяин локтіс и кага абу важ кодыс. Понійӱс вӱтліс. И понійӱс керкаын сэсянь эз кутны видзны. Понійыс пеж лои, керкаӱ оз сибӱдны. Кагалӱн яйыс вӱлі быдсӱн гыж коды. Мыйӱн дявӱл бергӱдіс, гыжйыс сӱмын чунь йылас коли.

КАК ОСКВЕРНИЛАСЬ СОБАКА

Жил-был крестьянин. Крестьянин нанял в няньки своему ребенку собаку. И собака стала нянчить ребенка. Хозяин с хозяйкой пошли на работу. И пришел к собаке леший. Сказал собаке: «Если, — говорит, — позволишь мне осмотреть ребенка, я дам тебе шубу». Собака дала ребенка лешему. Ребенка леший со всех сторон оплевал, испачкал его... и вывернул кожу ребенка наизнанку. И леший дал собаке шубу.

Хозяин вернулся и видит, что его ребенок не такой, каким был прежде. Он прогнал собаку. С тех пор собаку не стали держать дома. Собака осквернила себя, ее не стали впускать в избу. Раньше у ребенка кожа была твердой, как ногти. А как дьявол вывернул его кожу наизнанку, ногти остались только на кончиках пальцев.

108. (МАМОНТ)

Важӱн вӱлӱма мамонт. Сійӱ му вылас оз лыб, эз сӱкыд. Кыті мунас, сәті мусӱ кырӱдас и сәті ва кутас мунны мамонт бӱр вывтӱ. И ёль лоӱ. А кыті ёна бӱра-водза ветлӱдлӱ, сәті ю лоӱ. И кутӱс пӱтӱпа кывссыны. Вӱвлӱ Ной гозъя. Ной святой вӱвлӱ. И Нойлы господь явитчас и Нойлы кутас шуны: тә пӱ, пӱтӱпа пӱ лоӱ, кӱлчӱг вӱч!..

И локтіс сәтчӱ медбӱрря зверь: мамонт. И мамонтӱс кутӱс сӱлӱдны Ной, и эз сӱв мамонт. И мамонт быдсӱн пӱді, рӱдыс эз коль. Быдсӱн кулі. И проклинайтӱс: «Мед, — шуӱ, — тәад рӱдыд отидӱнӱк оз ло!»

И кончитчис мамонт. Сэсянь ӱні абу мамонтыс...

МАМОНТ

В старину был мамонт. Его земля не держала, очень тяжелый. Где пройдет, там и землю пробороздит, и там вслед за мамонтом вода потечет. И образуется лесная речка. А там, где он часто ходит взад-

вперед, там реки образуются. И слухи пошли о всемирном потопе. Были Ной с женой. Ной был святым. И явился Ную Господь Бог и Ную он стал говорить: ты, говорит, сделай ковчег, будет, говорит, всемирный потоп!..

И пришел туда, к ковчегу Ноя, самый последний зверь — мамонт. И стал Ной усаживать мамонта в ковчег, и мамонт не сел. И все мамонты утонули, не осталось их породы. Все умерли. И проклял их Бог: «Пусть, — сказал он, — отныне и вовеки не будет больше твоей породы!»

И кончились мамонты. С тех пор и теперь нет мамонтов...

109. МАМАН ПОМЛАСЬ

Воркута дорті уна ветлывлі. Боктыис тай мунаи да ставыс би толькө ыгыялө. Отик помыс од сылөн конкө муно Хальмер-юөдэ. Каравомодэ сэтсыянь отик лунөн и воидчан.

Угольыс од сэтөн уна и выйим. А сэн, тыдалө, коркө море вөлөма да сийө ягсө жугөдлөма. Пуыс тай, видзөдан да, вожыс и, быдсөн төдчө. Ми од видзөдим угольсө. Ю-шоръяс боктыис мунаи да крежсыис буждөма, төдчө.

Маман лыяс и сюръяс на сэн сюрлөны и, ме ачим унаыс аддзылі. Ыджыд и выйим лыясыс.

Мухорөн ещө шусьө. Ме од ог төд-а, сёрнитөны тай, быттьө найө и карлөмаось ю-шоръяссө. Из саяс сэн шоръяс бокрын унаыс аддзылі маман лысө. Эстөн од, видзөд, эта гладь вылас, абу, этия мый, небыд му да мый. Из саяс сийө выйим.

Мусө да юяссө маманыс карлөма.

О МАМОНТЕ

Около Воркуты я много ездил. Проезжаешь, бывало, мимо, так вся она в огнях полыхает. Конец-то ведь у нее простирается до речки Хальмер-ю. До Кары оттуда лишь за один день можно доехать.

Ну и много же там угля. А прежде, там, видимо, море было, и оно весь лес побило. Если будешь разглядывать, то заметны в углях и деревья, и сучья. Мы рассматривали уголь. Как проезжаешь мимо рек и ручьев, можно его видеть в осыпях обрывов.

Там попадают и кости и рога мамонтов, я сам много раз видел. Ну и крупные кости!

Да его мухором* называют. Я-то сам не знаю, а рассказывали, якобы они и сделали реки и ручьи. За Уралом* там много раз попадались мне мамонтовые кости. Здесь ведь, видишь ли, нет их на этой равнине, потому что земля здесь мягкая. А за Уралом есть.

Землю* и реки создал мамонт.

110. ЕМЫНГ ЛОР

а) Дьявөлъясыс корёны мича нывсё. А ай-мамыс шаманитёны да делсё пасьтёдасны мича нылыс туйё. Вит еджыд көр прагитасны да, Емынг креж выйим да, сэтсыянь лэдзасны. Кнас харей сетасны, синъяссё көрталасны, и сідз сэссия ещд мунё и вёйё ставнас. Сэссия и лоё емынг лор.

Сёрсё вуджигён өстякъяс орданыс посни деньга босьтёны, да поснисё сёр вомаc чөвтасны. Сідз только вуджёны.

б) Важён на сэтчө муні шаман. Пасьтёдасны сійёс еджыдён. Нель бык прагитасны да ставыс еджыд. И вольсё еджылёс и асьсё еджыд паркаён пасьтёдасны, синсё көрталасны, сетасны харейсё, вожжисё сылы. И висьталасны: «Айё, тэ мун этадз сөрас!» А сійё мунас да и көрнаc ставнас и вёяс...

Ва сэтысь оз позь юны, сэтчө шаман пырис да. Черисё кыйёны эськё да оз сёйны улыён, только пуёмён. Баба рөд оз кар, баба рөдлы карнысё оз позь. Емынг лор! Арнас на и Обсьыс оз позь, видзөд, сёрсьыс заыс эстчө локтё да эстысь берегсьыс оз юныс. Кор зэрас, зэр ва өктасны-а, то ягысь бара кыськё куралёны.

СВЯЩЕННОЕ ЗАЛИВНОЕ ОЗЕРО*

а) Дьяволы требуют в жертву красивую девушку. А отец и мать пошаманили и нарядили вместо нсе деда. Запрягли пять белых оленей и, здесь есть такая обрывистая круча, называемая Святая круча, с нее пустили его вниз. В руки ему дали хорей, глаза завязали, и вот так он поехал и утонул со всем, что с ним было. С тех пор озеро стало священным.

И теперь всякий раз, когда надо переезжать озеро, ханты берут с собой мелкие деньги и бросают их в устье озера. Только после этого переезжают.

б) В старину туда поехал шаман. Одели в белое. Четыре оленя-быка запрягли и все белые. И амдёр белый, и его самого в белый

совик одели, глаза завязали, дали в руки хорей, вожжи ему. И сказали: «Отец, ты поезжай к озеру так!» А он поехал и со всеми оленями утонул...

И вот теперь отсюда воду нельзя пить оттого, что там шаман утонул. Рыбу-то бы и ловят, но в сыром виде не едят, только в вареном. Женщины не разделяют эту рыбу, разделять ее женщинам нельзя. Священное озеро! А осенью и с Оби нельзя воду пить, видишь ли, с озера вода сюда начинает вытекать, и даже здесь из реки воду не пьют. Когда дождь пройдет, дождевую воду собирают, а то из лесу где попало черпают.

ЧЕРИ БОЖА НЫВ

ЧЕРИ БОЖА НЫВ

ЭСКЫТӨМ «ВӨВЛӨМТОРЪЯС»

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

111. ВӨРСАЛӨН ТУЙ

едöос мянн öтчыд вöтлöмаöсь жö. Сылы позьö эскыны. Сыкöд со кутшöм случай вöлöма. Ме пö узьмöдчи кык вожа пу улö, кык вожа коз улö. Сэсся видзöда да быттьö визирка мунö, сэтi быттьö прокод мунö. Некор пö оз ков сэтшöм пу улад биасьны, узьмöдчыны, некутшöм прокод мед абу. Сэсся вой шöр кад кымын воис. Часi öд сэки абу. Ме пö зэв лöсьыда ойбыраси. Сэсся видзöда да прокод кузяыс тöv ныр пö локтiс да меным швач! Тöv ныр и шунс: «Миян туй вылысь кеж!» Куим пöв сiдэ лёкысь шуисны.

Сэсся: «О господи, господи!» Сажень ветымын пö мунi, корси места да вой шöра войын пö лои кималасөн бнасьны. Мöдлаын узьны...

А пон вöли да сiйö сёйöмөн жö сёйö, но, увтö тöv ныр вылас. Щöтьяс сувтöдöма. Нель синма пон вöли, а сiйö пö ставсö казялö.

Вот кутшöм дедö вылын случай вöлöма.

ДОРОГА ЛЕШЕГО

Деда нашего однажды согнали с ночлега. Ему можно верить. Вот какой с ним произошел случай. Он расположился на ночлег под развилистым деревом, под развилистой елью. И смотрит, а от развилины как будто проход, как будто прямая просека идет. Никогда не надо под таким деревом ночевать, костер разводить надо там, чтоб никакого прохода не было. Вот приблизительно в полночь, часов тогда не было, он сладко задремал. Потом смотрит, а по просеке как будто вихрь поднялся и ему в лицо — хлесть! И вихрь выкрикнул: «Убирайся с нашего пути!» Трижды так зло произнесли.

И дед: «О господи, господи!» — забормотал. Передвинулся саженей на пятьдесят, нашел новое место, и пришлось в самую глухую полночь на ощупь разводить костер. Ночевать в другом месте...

А собака была при нем, так она, ну, лает так бешено на вихрь. Шетина торчком стоит. А собака четырехглазая* была, такая, сказывают, все чует.

Вот какой случай произошел с дедом однажды.

112. НЕШУТЬ

Олоны нельон, Чер Вань — отик, Чим Матвей — мод, Илля Вась — коймод, Чер Вань Сергей — нельод. Олоны кык керкаын. Орчча керкаясыс. Кос тыын олоны, сийо Кривушево сайын, Ирва кузяыс.

Сэн чудесаяс тожо творитчылёмаось. То дымниксо лэбодо, то стенас мыйко лэзнито. Корко ыбоссо восьтома да сэсса джоджас узьо, Зэр Як Олешон воли шуоны, да кокодыс сорвитома ыбос дородзэыс. Сийо тожо мортыс ен воли, повтом мортыс. Сидэ оти керкаас сомын шутито, а модарас оз.

Сэн воли найо вөралоны арнас, артельон да оз повны. Так вөралысыясы шуоны: оти керкаыс сийо нешуть туй вылас оказывайгчо. Сийо нешуть мян шусьо. А керкаыс слоймома сы туй выло, мод керкаыс орчча эсько, метра ветымын, гашко, метра нелямын да, модарас оз. А отик керкаас сийо век шутито.

— А вөралысыыс оз повзэы?

— Оз. Мыйла повзэя?! Сийо од тодо нин, мый тан шутито кодко. Вöрын ветлысыыд од полысыыд зэв гежд. А повны ко модан од — вöро эн пыр! Ме нэмос отнам оли да мало ли кутшомкотор кылан ли, керан ли. адзэн ли — дзик веськодь.

НЕШУТЬ*

Жили четверо, один — Чер Вань, второй — Чим Матвей, третий — Илля Вась, четвертый — Чер Вань Сергей. Живут в двух избушках. Избушки находятся совсем рядом. Живут в местечке Косты*, это дальше деревни Кривушево, по реке Ирва.

Там тоже разные чудеса творились. То дымоволок выбросит, то в стену чем-нибудь стукнет. Однажды дверь в избушке открыло и спящего на полу охотника, звали его Зер Як Элеш, за ноги отгацило до самой двери. Он (охотник) тоже сильный был и бесстрашный человек. И таким образом шутили над жителями только в одной избушке, а в другой нет.

Вот там осенью они охотились, и не боялись, так как жили артелью. И эти охотники рассказывали, что одна избушка оказалась на тропе нешуты. У нас он называется нешуть. А избушка эта угодила как раз на его путь, вторая избушка и совсем бы рядом, в метрах пятидесяти, может, даже в сорока метрах, но там ничего не случается. А в этой избушке все время проказничает нешуть.

— А охотник не боится?

— Нет. Чего бояться?! Он же уже знал, что там кто-то постоянно проказничает. Среди охотников вообще мало пугливых людей. А раз бояться начнешь, так ведь не ходи в лес! Я всю жизнь один жил в лесу, да мало ли что-нибудь услышишь, или что-нибудь сделаешь, или что-нибудь увидишь — совершенно безразлично.

113. ЛЁК

Кутшөмкө крестьянин вёлөм куртö вида вылын. Сэсся друг лэптыяс ыджыд төв да турунсö нетшкыны кутас, быдöи гартлас да дзугас. Крестьянин сэсся кутас горзыны:

— Табак, табак!

Лёкыс табаксö оз любит да, мед дугдас, кутас горзыны. Но нинөм эз успокоитчы. Сэсся крестьяниныд босьтас тасма костсыс пуртсö да шыбитас ки барйов. Сэсся и чөвмунö, оз кут бушуйтны. А мужиклөн, көнешнö, пурт вошö. Корсяс, корсяс да оз и сюр.

Коркө төвнас сэсся воис Ярасемскöй ярманга, Емдiнын вöвлöма. Сiйö, кодлөн пуртыс воши, ярмангатi кутас прöйдитны, и сэнi ларокын вузалöны красноборскöй пуртыяс. Сiйö кутас аслыс бöрйiны пурт. Друг аслас шыбитöм пуртыс син улас усьö. И шуас:

— Кысь нö тэныд тайö пуртыс?

— А тöдан кысь? Кор тай ме ыджыд төвнас вöлi муна да паськöдала тэнсьыд турунтö, тэ пуртнад шыбитiн да меным бокам веськалi, и ме сэсся эг коль сiйö, сьöрам нуи.

Тöргөвöй сэсся дөрөмсö пешкыльтiс да петкөдлiс ранасö: вот пö кытчö бокам веськалi пуртыд!

Пуртыдлөн важ көзяныс мунiс сэсся урадник дiнö явитны. Локтiсны урадниккөд ларок дорö, а ларок сиптыса, некод сэнi абу.

ЗЛОЙ ДУХ

Какой-то крестьянин сгребал однажды сено на покосе. Вдруг поднялся большой ветер и стал теревить сено, все перекрутил, перепутал. И крестьянин стал выкрикивать:

— Табак, табак!

Злой дух не любит табак, и крестьянин стал кричать, чтобы тот перестал. Но тот так и не унялся. Тогда крестьянин вынул из-за пояса нож и бросил его наотмашь. И тут все утихло, перестало бушевать. А у мужика, конечно, нож пропал. Искал, искал, да так и не нашёл.

Однажды зимой он прибыл на Ярасемскую ярмарку, она проводилась раньше в Усть-Выми, и стал прохаживаться по ярмарке и увидел, что в одном ларьке продают красноборские* ножи. Он стал выбирать для себя нож. И вдруг ему на глаза попался брошенный им в ветер нож. И он сказал:

— Откуда у тебя этот нож?

— А знаешь откуда? Когда я было шел в виде большого ветра и разносил твоё сено, ты бросил нож, и он попал мне в бок, и я его не оставил, унес с собой.

Потом торговец приподнял подол рубахи и показал ему рану.

— Вот куда попал твой нож!

Прежний хозяин ножа пошел после этого к уряднику, чтобы донести. Пришли они с урядником к ларьку, а ларек закрыт, никого там нет.

114. ОЛЫСЯ НЮР

Ты сэтшõм. Даддьõн мунам вõли да тысõ ог вермõ вуджны. Даддьыс ни туды, ни сюды. Сэсся пурт кыски да муас тшукõдi. Тшукõдi да этша мунi. Сэсся бара сувтi. Мõд пурт кыски да сiдз жõ тшукõдi. Бара этша мунi. Сiдз куим пурт тшукõдi да вõлись мунi.

Сийõ емдоныс повзõдõ. Куим пурт да õти чер коли сэтчõ.

Лешака челляас коркõ ми мõдiм би пестыны, горулас, медся сайынджык тõвсьыс да. Эз õд сет. Кусõдõ и кусõдõ. Лои мõдлаõ вешсьыны да сэк толькõ пестiм.

БОЛОТО С ОБИТАТЕЛЕМ

Озеро такое*. Однажды мы ехали на нартах и никак не можем переехать это озеро. Нарты ни туда и ни сюда. Я выгацил нож и воткнул в землю. Воткнул и немножко проехал. Затем опять остановился. Выгацил второй нож и также воткнул. Опять немножко проехал. Таким образом воткнул три ножа и только тогда переехал.

Это так сталь отпугивает. Так я оставил там три ножа и один топор.

А вот на круче лешака мы тоже однажды хотели развести костер, под горой, из-за того, что там затишье. Ведь не дало. Тушит и тушит. Пришлось на другое место передвинуться, лишь только после этого разожгли костер.

115. (ВӨРСАЫСЬ ПЫШЙӨМ)

Важөн оліс-выліс мужик. Сійө кыйсьыны муніс. Уна ур и сьөла кыйис: ура-сьөла куимсө и кык кунича. И бөрья лунсө сійө петалис вөрө и бөр воис. Ужнайтны кутіс. Ужин зэв бур и думайтө: «Кодкө кө эськө меным ёрт вылө локтіс».

Видзөдө: зэв ыджыд мужик локтө и керкаө пырис. «Казьтылін кө, — шуө, — вай менө верд!» Кызь душ дозмөр вөлі, сійөс вердіс ставсө. Сэсся нинөм ээ ло верднысө. Ыджыд мужик и корө: «Вай, — шуө, — ещө сөйны!» Сійө урсө вайис. Сөйис. Сьөласө вайис. Ставсө сөйис. «Он кө, — шуө, — ещө вай сөйныыд, ме, — шуө, — асьтө сөя!» Сійө и понсө сетіс. Понсө сөйис и пищальсө сөйис. «Но, — шуө, — талун вердін. Аски, — шуө, — менө бара виччысь!» И муніс ыджыд мужик. Мужик чеччис асывнас. Нинөм абу: нянь ни нинөм. Кушөдэ сөйөма. И сійө пышйыны кутіс гортас. Лун пышйис. Войнас кутіс пышйыны. Видзөдө: ыджыд мужик вөтчө. Вой шөр кад коли, и петук чукөстіс. Ыджыд мужик уси.

Мужик век пышйө. Пышйис мөд лун. Рыт воис и вой лои. Видзөдө: ыджыд мужик бара нин вөтчө. Быдсөн пиньсө воча курччалө. «Ме, — шуө, — тэнө сөя!» Мужик өдва нин вермө пышйынысө. И ыджыд мужик шуас: «Талун, — шуө, — эг су, аски тэнө суа нин!» И уси ыджыд мужик.

Мужик бара пышйыны заводитіс. Видзөдө: дзор стариккөд вочаасис. И старик шуө: «Мый нин, бур мужикө, тэ пышгьян?» — «Ме, — шуө, — ужнайтігөн аслым ёрт кори да локтіс сэтшөм ыджыд мужнк: став прөмысөс, понйөс и пищальсө сөйис. Нинөм ээ коль». Дзор старик и шуас: «Талун, — шуө, — тэ тележнөй туй вылө воан. Тэд, — шуө, — сэтчө пемдас. А сәті туй вывтгыс кутасны куим пара вөла мунны, өкмыс вөла мунас, куим додь. Тэ весьтти кутасны мунны. Тэ весьтө мыйөн воас первой вөлаыс, сувтас, мед тэ сөлан. Тэ, — шуө, — сэгчө эн сөв — вөрсяяс нуасны! И мөд вөлаыс, — шуө, — тэ весьтө сувтас. Сійө доддьө эн жө сов. Тэ весьтти, — шуө, — коймөд вөлаыс зэв өдийө кутас мунны. Сөв, — шуө, — кызд верман. А ме, — шуө, —

кор чужлі, сэк, — шуо, — мено ай-мамо норсалы сетісны. Ме морт рөд, толькө вөрсакод нэм чоҗ лоо овны. Тэнө, — шуо, — вөвнад куим пожом увті нуны кутасны. Первой пожом улас сувтөдласны вөвсө, увъяс эн кутчысь! И мод пожом улас сувтөдласны. И сэтчө, — шуо, — эн кутчысь! Коймод пожом увтіыс мунны кутасны зэв өдйө. Коймод пожомас увъяс кутчысь и өшйы!»

Мужик муніс тележнөй туй вылөдз. Видзөдө: көлөкөльчика вөла-яс мунөны. Первой вөлаыс мужик весьтө сувтыштліс. Мужик ээ сөв. И мод вөлаыс мужик весьтө сувтыштліс. Ээ сөв. А коймод вөлаыс мужик весьтті зэв өдйө кутіс мунны. Мужик уськөдчис долдьө, муртса удитіс сөвны и мунны кутісны. Өти пожом улө воисны. Сувтөдісны вөлөс. Ээ кутчысь увъяс. Мод пожом увті кутісны мунны. Бара сувтөдісны, мужик ээ кутчысь. А коймод пожом увтіыс нуны кутісны зэв өдйө. И мужик увъяс кутчысис, доддьыс коли и мужик өшавны кутіс.

Өшаліс дыр, асылөдзыс. Видзөдны кутіс: өшиньяс выимөсь. Видзөдө: гөтырыс джоджас узьө. Кватитчас, а аслас керкаын сөръяс кутчысьөма да өшалө.

Сійө чуксаліс гөтырсө. Менсьым, — шуо, — став прөмысөс и понйөс вөрсаыс сөйис. Бөрдны мужик кутіс. Сэсся мужик негіс сараяс. Видзөдө: сарайын став прөмысыс, пицальыс и понйыс; ставыс чукөрын. Вөрсаыс бөр вайөма.

БЕГСТВО ОТ ЛЕШЕГО

Давным-давно жил-был мужик. Он пошел в лес на охоту. До-был много белок и рябчиков: рябчиков и белок триста штук и две курицы. Сходил он на охоту в последний раз и вернулся в охотничью избушку. Сел ужинать. А ужин получился обильным и он подумал: «Хорошо б было, если бы сейчас сюда какой-нибудь товарищ пришел».

Смотрит: идет какой-то мужик очень высокого роста и заходит в избушку. «Раз вспомянул меня, — говорит, — то давай корми!» Было у охотника двадцать штук глухарей, всех ему скормил. Ничего больше не осталось из пищи. Высокий мужик и просит: «Давай, — говорит, — еще поесть!» Он принес ему всех белок. Съел. Рябчиков принес. Все съел. «Если, — говорит, — не принесешь есть еще, я, — говорит, — тебя самого съем!» Он и собаку свою отдал. Съел и собаку и ружье. «Ну, — говорит, — на сегодня ты меня накормил. Завтра, — говорит, — жди меня снова!» И высокий мужик ушел.

Охотник встал утром. Ничего нет: ни корочки хлеба. Все на- чисто съел. И он бегом побежал к себе домой. День пробежал. Но- чью стал бежать. Смотрит: высокий мужик гонится за ним. Но пол- ночь прошла, и петух пропел. Высокий мужик упал.

А охотник все бежит. Пробежал второй день. Настал вечер, ночь настала. Смотрит: высокий мужик опять уже гонится за ним. Зубами только клацает. «Я,— говорит,— съем тебя!» Охотник уже еле бе- жит. И высокий мужик сказал: «Сегодня,— говорит,— не на- стиг тебя, завтра все равно настигну!» И высокий мужик опять упал.

Охотник опять начал удаляться. Смотрит: навстречу ему идет седой старик. И старик спрашивает: «Чего, добрый человек, бежишь?» — «Я,— говорит,— во время ужина позвал к себе товарища и пришел какой-то мужик высокого роста: всю мою добычу съел, собаку и ружье мое съел. Ничего не оставил». Седой старик и сказал: «Сегод- ня ты добежишь до проселочной дороги. К этому времени уже стем- неет. А по той дороге проскачут три тройки, девять лошадей, трое саней. Мимо тебя проскачут. Как только первая тройка поравняется с тобой, она остановится, чтобы ты сел. Ты,— говорит,— не садись на эти сани — лешие тебя увезут! И вторая тройка,— говорит,— остано- вится около тебя. На эти сани ты тоже не садись. А третья тройка мимо тебя очень быстро будет проезжать. Садись,— говорит,— на нее, как только сможешь. А меня,— говорит,— когда я только еще родился, тогда отец и мать лешему посулили. Я тоже человеческого роду, только вот весь век пришлось с лешими прожить. Тебя,— гово- рит,— на тройке провезут под тремя соснами. Под первой сосной будут провозить и остановят лошадей ненадолго, ты не цепляйся за сук! И под второй сосной тоже остановятся. И тоже,— говорит,— не цепляйся за сук! А под третьей сосной будут скакать очень быстро. Ты ухватись за сук и виси!»

Охотник добежал до проселочной дороги. Смотрит: скачут тройки с бубенцами. Первая тройка приостановилась возле охотника. Охот- ник не сел. И вторая тройка приостановилась возле охотника. Не сел. А третья тройка очень быстро стала проезжать мимо охотника. Охот- ник бросился в сани, еле успел сесть, и они поехали. Подъехали под одну сосну. Приостановили лошадей. Не уцепился за сук. Под вто- рой сосной стали проезжать. Опять приостановили лошадей — охот- ник не уцепился. А под третьей сосной его стали провозить очень быстро. И охотник ухватился за сук, сани проехали вперед, а охотник повис на суку.

Висел он долго, до утра. Стал озираться кругом: окна имеются. Смотрит: его жена на полу спит. Спихватился, а оказалось, что находится в своем доме, ухватился за грядки* и висит.

Он окликнул жену. «Мои, — говорит, — и добычу всю, и собаку леший съел». Заплакал мужик. Потом он вышел в сарай. Смотрит: в сарае вся его добыча, ружье и собака — все вместе. Все вернул, оказывается, леший.

116. (ВОШЛӨМ ОТСАСЬӨ)

Өтчүд вөрө муноьны. Керка. Керкаас пырөмны, а сәни старик пукало. Керкаас пач ломтысьө. Одийон жар. Эн пө сийө-юө. А коркө найө төв паныдыс пурт чиплөмны да сийө пуртыс пө сәни пызан вылас куйлө. Да шуө старикыс:

— Төв паныдыс некор эн чипө.

Сэсся найө бөр мунасны. Сэсся унаөн чукөртчасны да корсясны сийө керкасө да абу аддзөмны.

Старикыс сэтчань сюрлөма, мучитчөма сәни да предупредитөма найөс.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ ПОМОГАЕТ

Однажды пошли в лес несколько человек. Увидели дом и вошли в него, а там старик сидит. В доме печь топится. Очень жарко. Не ешьте, говорит, не пейте*. А они когда-то бросали нож против ветра, и этот нож лежит там около старика на столе.

— Никогда не бросайте ножей против ветра, — предупредил их старик.

Они ушли. А однажды они собрались вместе много человек и стали искать этот дом, но не нашли.

Старик этот когда-то попал к лешим, много мук перенес и поэтому их предупредил.

117. ВОШӨМА

Менам пöрысь мамлөн сочыс вөрө вошис да сэсся ручөн мыгчөдчылөма. Кутлөмны сийө да важ керкаас игналөмны. Сэсся өшинь көсякас розь вөлөма да сәти петөма и пышйөма. Эз вермыны приручитны. А сийөс вичкоьын колөма звөн улын видэны.

Шуоны: сөян-юан кө на дорын, оз лэдэны сэсся найө.

ПОТЕРЯВШАЯСЯ

Сестра моей бабушки по отцу в лесу потерялась, и она потом пришла в образе лисы. Ее было поймали и заперли в старом доме. А в оконной раме дырка была, так в эту дырку она выскочила и убежала. Не смогли ее приручить. А надо было ее продержать под церковным колокольным звоном.

Говорят: если поешь-попьешь у них (у леших), то они уже не отпустят тебя.

118. КУК

Öдыбса вöлөн кайö, грузöн. Сэссия Гöрд чойысь аддзас кук. Кук аддзас да: но, господи, благословит пö, лоö пö тайö пуктыны куксö. Джиянсалöн пö кукйид пышйöма.

Пуктас кук доддьö. Вöв эз понды вермыны кыскыны. Мöдас Табъя чойöд чой горув лэччыны да оз жö вермы кыскыны, веж быг вöвлöн петö.

Сэссия дум вылö сылы усьö: «Тайö тай менам не благслöвася лои, лоö менам молитва лыддьыны заводитны».

Быдсяма молитвасö кутас лыддьыны, мый кужö. Молитва лыддяс, лыддяс. Сэссия Ростагъя чой горулö воас и тупыльччас кукыд доддьысь, уськöдчас сйö.

Ладнö пö, кужин пö пуктыны, кужин пö и чöвтны! Эськö пö ме тэн кук петкöдлi!

ТЕЛЕНОК

Однажды житель Нившеры ехал на лошади с грузом. И в местечке Красная Гора* увидел теленка. Теленка увидел и думает: «Ну, господи благослови, прндется этого теленка положить в сани. У кого-то из деревни Ивановской теленок сбежал».

Положил теленка в сани. Лошадь стала с трудом тащить. Стал он спускаться под гору Табъя*, лошадь совсем не тянет, желтая пса выступила у нее на боках.

И пришло на ум мужику: «Это что-то у меня не по-божески получилось, придется мне начать читать молитвы».

Всякис молитвы стал он читать, все, что умел. Молитвы читал, читал. Потом подъехал к горе Ростагъя*, и теленок перекатился, спрыгнул с саней.

— Ладно, — говорит, — сумел положить на сани, сумел и сбросить! А то бы я показал тебе теленка!

119. СЮМӨД БӨЛБАН

Сюмөдысь вөчасны бөлбан, морт кодьос. Сэсса коді еретничайтө, тшыкөдчө, сійос өд төдөны, сы кодьос вөчасны. Сійө бөлбанас льясны и сійө еретникыс висьмас. Кытчө льясны, сэт и кутас висьны.

Сьөлөмас кө льян — кулө. Синмас кө — синмыс бердө. Кокас кө льян, кокыс висьны кутас, киас кө — кийс.

Миян пөчөяс вөлі висьтавлөны, а миян дырйи ээ нин сійө вөвлы.

БЕРЕСТЯНОЙ ИДОЛ

Сделают из бересты идола, наподобие человека. Наподобие того человека, который занимается колдовством, кто порчу на людей насылает, про таких ведь знают. И вот в этого идола выстрелят, и этот колдун заболевает. Куда попадешь в идола, это место и будет болеть у того колдуна. Если в сердце попадет, то колдун умрет. Если в глаз, то ослепнет. Если в ноги выстрелишь — ноги будут болеть, если в руки — руки.

Наши бабушки так рассказывали, а при нас этого всего уже не было.

120. КУВАЛӨН КАВА

Өти тьөтка Шойнатясянь вөлі Висерө войнас кайө. Мукөд луньясө, мукөд кадө сэсса вөлі некор, уджыс оз лэдэ. Мунас, мунас, и Мусюрө воас, а сэни эм Гөрд чой. Ме ачым эськө эг аддзыл, но висьталөны, сэни ю, да юдорса чойыс дэик гөрд. Сэсса туй кузяыс мунигөн эм шор, а шор гураныс абу и ёна джуджыд. Сэсса поссө сэті вуджө, а шуйга кивывсяньыс кодкө горөдас:

— Эй, Баля-вөйөм шорө воан да висьтав, Кувалөн пө Каваыс кулі!

— Ладнө, — шуис тьөткаыс.

Ачыс эськө ээ и аддзыл некодөс-а. Сэсса Баля-вөйөм шорө воис да сувтовкерис. Сійө Висерсяньыс матын нин. Сувтовкерис да шуис:

— Гөрд чойсянь тшөктисны висътавны, Кувалон пö Каваыс ку-
лöма!

— Но-о!— воча шуасны сідзи.

И тьоткаыс муно водзö. Тайö нö мый сэтшöмыс?!

КУВИН КАВА

Одна женщина шла ночью из Сторожевска в Богородск. В другие дни и в другое время ей было некогда, работа не пускала. Шла, шла она и пришла на водораздел Мусюр, а там есть Красная Гора. Я сама не видела, но рассказывают, что там прибрежная круча вся совершенно красная. По дороге есть ручей, и долина этого ручья не глубокая. И вот она стала идти по мосту через ручей, и вдруг кто-то с левой стороны крикнул:

— Эй, когда подойдешь к ручью Баля-вэйэм*, скажи, что умер Кувин Кава!*

— Ладно,— ответила женщина.

А сама так никого и не видела. Она подошла к ручью Баля-вэйэм и остановилась. Это уже недалеко от Богородска. Остановилась и сказала:

— С горы Красной велели сказать, что умер Кувин Кава*!

А там кто-то откликнулся:

— Ну-у!

И женщина пошла дальше. Вот что это такое?!

121. ВÖР ОЛЫСЬЯС ЙЫЛЫСЬ

Миян батьыс вöраліс öтчид. И узьмöдчас. Нодля вöчас. Нод-
дясö вöчöны — майöг сатшкасны и вевся смольника пуяс пуктасны, и
сэгчö би пестöны. Сійö сотчö и войбыд кежлö тырмö. Сэтчö чомтор
вöчöны. Вот пукалö сійö чом водзас, пузьöдчö, понйыс дінас. И куим
морт локтöны, ыджыд мушинаяс. И пон водзас муно. Сэтшöм гы-
рысь сьöд сера пон. Понйыс прöйдитіс бисö, а найö мышкöныс
биланьыс бергöдчисны и шуöны:

— Василей, тэ висътав Микöликалы, мед эсійö мортсö примитас
дінас, а то омоль лö! Нимöд бабасö, бур морт!

Сэсся мöдисны, эз и бергöдчывны, и понйыс накöд. Мичаника
мунісны.

Сэсся батьö висъталас Микöликаыдлы, да батьöс на и сералас
сійö.

Микөликасö ме ачым тöда, дöвушка сійö вöлі. Анна нима, дзö-ляник сэтшöм, пöрысь старука. Сійö вöлі тöдысь, кöлдунья. И сійö волосны, видимö, сылön приятельясыс. Висьтавны волосны.

А сэсса аръя пöра, гожöмыс прöйдитас да, и кулö Микöликайд. Сэсса и омöль.

О ЛЕШИХ*

Наш отец однажды был на охоте. И заночевал в лесу. Нöдью сделал. Нöдью делают обычно так: втыкают два кола, и между ними кладут одно на другое смолистые бревна и под верхним разжигают огонь. Эти бревна горят, и хватает их на всю ночь. Вот сидит он перед шалашиком, варит что-то, и собака его рядом лежит. Вдруг выходят три человека, рослые мужчины. И с ними собака. С такими крупными черно-белыми пятнами. Собака прошла мимо костра, а они остановились, повернувшись спинами к огню, и говорят:

— Василий, ты передай Михайлихе, чтобы она принимала этого человека, а не то плохо ей будет! Сообщи женщине, добрый человек!

И они ушли, даже не обернулись, и их собака с ними. По-хорошему ушли.

Потом отец сообщил об этом Михайлихе, но она его же и на смех подняла.

Я Михайлиху и сама знала: вдовушкой была, Анной звали, такого маленького роста, старушка. Она знахаркой была, колдуньей. И к ней приходили, видимо, ее приятели. Предупредить приходили.

А потом, как лето прошло, осенью и умерла Михайлиха. Вот и плохо*.

122. СОМУСТИТЧÖМ

Öти торъя, öтка керка вöлöма кöнкö. Öг тöд кымын километра сайын öтка керка. А зэв лöсьыда гозъя вöлöм олöны, лöсялöны вöлöм. А лешö найö ёна сомусьтитöма да абу вермöма.

Сэсса öти баба корны сэтчö мунö. Корны мунö да шуас: тьöтка пö, тэ тайö гозъяöс он вермы торкны? Ме пö эг вермы-а, вай пö тэ... Торкны кö пö верман, руч ку пась пö тэн сета.

Тьöтка мунас да: «Мужикыд тай вöлі вичко сод дорын кутчысьлö нывъяскöд!» Тьöтка сэсса олыштас-керас. Сыкöд сёрнитигөн баба кутас нервничайтиы и няньыд сотчас. Мужик локтигкежö воча

мунны кутас туй вылө: «Бабаыд тай вөлі друг видзө да другьяскөд куйлө вөлі да, няньыс сотчис».

Сэссия воас мужикыс да налөн лөг да зык да шум лоө. Сэссия тоясьны заводитасны да ог төд вот коднысö сэссия, мужиксö, бабасö, и виясны, пуртөн тойыштасны.

Сэссия и дявöлыд и коркө сылы, тьöткаыдлы, корысьыдлы, шыбитас: на пö пасьыд, тэ пö меысь вылын лоин, ме пö эг вермы, а тэ пö вермин сомусьтитны, тэ пö меысь нин вылын лоин! — дявöлыд шуас, лешöбыд шуас.

Сэтшöм гозъя вөлі лөсьыда, и сэтшöм бура олоны вөлі и сэссия висясны. Вот öд кылыд лөг и шум вöчö.

ОБОЛГАНИЕ

Был где-то отдельный, одночный дом. Не знаю, в скольких километрах от жилья был этот одиночный дом. Там жила чета очень хорошо, очень ладили меж собой. А леший было пытался оболгать и рассорить их, но не смог.

Однажды одна женщина шла туда просить подаяние. И сказал ей леший: «Тетка, не сможешь ли ты нарушить жизнь супругов? Я так не смог, попробуй ты. Если сумеешь их поссорить, подарю тебе шубу на лисьем меху».

Женщина пошла и сказала: «Твой муж около церкви на крыльце обнимался с девушками». Потом эта женщина побыла немного в этом доме. И пока хозяйка с ней разговаривала да нервничала из-за этого известия, у нее в печи хлеб сгорел. Когда ее муж должен был возвращаться из церкви, женщина пошла ему навстречу и сказала: «Твоя жена сожгла хлеб, так как в это время спала с любовником».

Муж пришел — и у них начались вражда, споры, шум. Однажды они стали искать друг у друга в голове, и то ли муж жену, то ли жена мужа ножом пырнула.

Потом дявол той тетке, что побиралась, кинул со словами: «На свою шубу, ты теперь даже меня выше стала, я не смог, а ты смогла нарушить согласие и мир между ними, ты теперь стала меня выше!»

Такая пара была, так хорошо и согласно жили, но вот убили один другого. Вот как ложное слово вражду и шум делает.

123. (ПУСТЫНЬЫН ОЛЫСЬ ДА ВӖРАЛЫСЬ)

Важӧн оліс-выліс тун пи. Зэв гӧль. Сійӧ омӧлик пицаль и пон босьтис и петіс вӧрӧ кыйсьыны. Зэв уна ур и сьӧла кыйис. Сӓрмис. Пемыд лои. Конда пӧрӧдіс и ноддя сияліс, би пестіс. Ноддя дорын узис. Прӧмыссӧ, ур-сьӧласӧ лыддис: кыксӧ чӧлкӧвӧй дон.

Мӧд лун петіс бара вӧрӧ и кыйсис лунтыр. И бара сӓрмис. Зэв ӓна зӓрӧ и слӧтитӧ. Пемыд лои. Киссьыс-коксьыс уси, сэтшӧма мудзис. Сылы сюри туй. Кымынӧн кутіс кыссьыны. И видзӧдӧ тун пи: би тыдыштӧ пуяс костӧд. Сэтчӧ би дінӧ кыссис и сэтӧні келля. Сӓні келляын пустынник олӧ. Пустынниклы кутіс ӧшинь пырыс чук-сасьны: «Бур мортӧ, лэдз жӧ узьны! Кула,— шуӧ,— сэтшӧма кынма, кӧтаси да».

Пустынник и шуас: «Тӓнӧ ме татчӧ ог лэдз! Комын во,— шуӧ,— кевмыси, пежавны ме ог лэдз! Кытчӧкӧ,— шуӧ,— кыссьышт, мед менам келля дінӧ он кув!»

Тун пи бара кутіс кыссьыны пуяс костӧд. Видзӧдӧ: би тыдыштӧ неылын. Би дорӧдз муніс тун пи. Би зэв гажаа ломтысьӧ. Би бокын старик куйлӧ. Старик пуис рок тун пилы, зэв бура выяліс и вердіс тун пиӧс. Сійӧ и косьтысис би дорын зэв бура. И узисны.

Аски чеччисны узянінысь. И старик шуӧ: «Вай,— шуӧ,— ӧбӧдайтам!»

Найӧ ӧбӧдайтисны, и тун пи шуӧ: «Кытчӧ и мунны нин?» И старик шуас: «Кыті тӧрыт локтін татчӧ, сійӧ туйӧд тшӧтш мунам!»

Найӧ мӧдӧдчисны мунны. Сажень дас вит мунісны, пустынниклӧн келляыс абу. Тун пи видзӧдӧ: только келля местаын ва бергалӧ. И тун пилӧн шапкаыс келля местаын ва вылас только бергалӧ, кор рытнас сӓки чуксасис, усьлӧма сьлӧн шапкаыс.

Старик и шуас: «Тӧдан-ӧ тайӧ мый делӧыс лои?» — «Ме,— шуӧ,— мый тайӧ лои, ог тӧд». — «Тайӧ лоӧ: тӧрыт тӓ чуксасин узьны милосерднӧя ен кузя, зэв сьӧлӧмсьыд чуксасин. Тӓ зэв нужнӧй вӧлін. Тайӧ тӓнад кылыд небесаӧдз кыліс. Менӧ Ен ыстіс тӓнӧ шонтыны. Вот,— шуӧ,— пустынникыд тӓнӧ эз лэдз узьныыд, тӓнӧ эз спасит, и му пырыс келлянас сійӧ ачыс адӧ вӧи».

Тун пи гортас муніс. Микӧла-угодник небесаӧ кайис...

ПУСТЫННИК И ОХОТНИК

Давным-давно жил один сын знахаря. Был он очень бедным. Он взял однажды плохонькое ружье и собаку и пошел в лес на охоту. Он добыл очень много белок и рябчиков. И припозднился. Стало темно. Он свалил сухостойную сосну, приготовил нодью и зажег костер. Около костра переночевал. Промысел свой, белок-рябчиков пересчитал: на сумму двести рублей.

На следующий день пошел по лесу и охотился весь день. И опять припозднился. Пошел сильный дождь со снегом. Потемнело кругом. Он сильно устал, руки-ноги уже отваливаются. Он наткнулся на какую-то тропу и ползком стал пробираться по ней. Смотрит сын знахаря: между деревьев огонек виднеется. Пополз на огонек, а там келья стоит. В этой келье жил пустынный. К пустыннику стал через окно проситься: «Добрый человек, пусти ночевать! Умираю, — говорит, — так замерзаю из-за того, что вымок».

Пустынный ответил: «Тебя я сюда не пушу! Тридцать лет, — говорит, — я молился, не дозволю осквернения моей кельи! Отползи куда-нибудь подальше, не возле моей кельи помирай!»

И сын знахаря опять пополз меж деревьев. Смотрит: огонек виднеется неподалеку. До огня добирался сын знахаря. Огонь горит очень бойко. Около огня старик лежит. Старик для сына знахаря сварил кашу, хорошенько заправил ее маслом и накормил сына знахаря. Он хорошенько обсушился у огня. И они переночевали.

Назавтра встали они. И старик сказал: «Давай, — говорит, — отобедаем!»

Они пообедали, и сын знахаря спросил: «Куда ж мне пойти?» И старик ответил: «Той дорогой, которой ты вчера пришел сюда, этой дорогой вместе пойдем!»

Они двинулись в путь. Прошли саженой пятнадцать, кельи пустынного нет на месте. Смотрит сын знахаря: на месте кельи только вода крутится. На воде в воронке плавает шалка сына знахаря, оказывается, она упала вчера в то время, когда он на ночлег просился.

Старик и говорит: «Знаешь ли ты, в чем тут дело?» — «Я, — говорит, — не знаю, что случилось». — «А это будет вот что: вчера ты очень душевно, очень сердечно просился на ночлег. Ты был в большой беде. И твоя мольба дошла до неба. Меня Бог послал обогреть тебя. Вот, — говорит старик, — пустынный тебя не пустил, не спас тебя, и он сам со своей кельей провалился сквозь землю в ад».

Сын знахаря пошел домой. А Микола-угодник — на небо...

124. ПАЛИЧӨН КЫСКАСЬӨМ

Важөн Емва вылын дедъяслөн вөр керкаас специальной мыр кольёны вөлі. Юралёны мыръясө и песь. Важ керкаясас и өні на позьө аддзыны. А өбөсас специальнө жө розь керёны, мед сәтi сәсся гез позьө вөлі суйны. А вөр керкаад пыригөн колө век вөзйысьны: «Избушка-матушка, лэдз менө узыны да шонтысьны!»

Сәсся өти кодкө тай уэзмөдчас вөр керкаас да вой шөр кад воас да лёкыс локтас да горэө дымник пырыс:

— Кушпель, вай паличөн кыскасям!

Сәсся гезсө шыркнитас мыръя помас, а мөд помсө розь пырыс мыччас паличнас лёкыслы и кутчасны кыскысьны. А, мыръяыс өд вынаджык жө мортсьыд, сәсся и бара горөдас:

— О, кушпель, тэ тай вына вөлөмыд!

И мунө.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ НА ПАЛКЕ

Раньше на Выми наши деды, строя охотничьи избушки, внутри специально оставляли пень*. И даже вершину пня стесывали в форме человеческой головы. В старых охотничьих избушках и сейчас еще можно увидеть эти пни. А в двери специально тоже делали отверстие, чтобы веревка в него пролезала. А заходя в избушку, надо было всегда проситься: «Избушка-матушка, пусти меня переночевать да погреться!»

Однажды кто-то из охотников заночевал в избушке. В полночь пришел злой дух и крикнул через дымоволок:

— Эй, голоухий*, давай перетягиваться на палке!*

Охотник накинул петлю на пень, а другой конец веревки с привязанной к ней палкой протолкнул через отверстие в двери, и злой дух стал тянуть.

Ну, а пень, конечно, сильнее человека, злой дух тянул на себя палку, тянул и снова крикнул:

— О, голоухий, ты, оказывается, силен!

И ушел.

125. ВЕЖӨМАЯС ЙЫЛЫСЬ

Ме сийө ачым аддзылі, вежөмасө. Морт кодь жө быттьө видзөднысө, а абу мича. Абу и сувтлөма кок йылө и нин`м. Авгө

только, гораа, быдён косявлө асьсө. Мыйла нө, мися, тадзи сійö оло, да тайö пö оз мөд сёрнитны.

Сэсса сизим арөс нин, а век на сэтшөм, да пөж вөр улö водтө-дасны да вөрсö этадэ кераласны. Сэсса кувлөма. А кеваны пö кутан да төвзыяс, да төвзыяс, да горөдасны: «Ещё!»

— Сэсса пö мян законн шань!

А ещё кö керыштан, оз и кув.

Мөд бара вöли вежөма, висьталöны. Сійö Висерсянь воливлө вöли. Корöны вöли ветлöны батьыскөд. Сійö важон нин. Миян ыджыд мамö висьтавлывлис. Ыджыд мамöяс на томиникöсь вөлөмаöсь. Локтасны пö корны вöли мянө да паччөрö пö кутас кайны да бырк-этадэ пö керас да паччөр вылө сярс водас вöли. Öдйö кайö. Ружоктас пö — и паччөрүн. Зэв пö мисьтөм. Зэв пö кузь юра, ёсь юра пö вöли. Чужöмыс зэв пö мисьтөм вöли. А кисö пö öшөдөмөн вöли ветлөдлө век. Сойясыс пö кузь и.

А сэсса оломсö ог төд, только волөмсö и висьтавлöны вöли. А волігас прамой нин ыджыд вөлөма сійö.

Кагасö псжöны пö сэк, кор сійö пиньтөм на. Пывсянас оз пö позь кольны пиньтөм кагаос, оз позь эновтны öтнассö, пиня кö, позьö. Сэк пö и вежöны. Миян пöрысь йөз вöли шуöны, пиньтөм кö кагайд, кöть кöджөдзыд кутан петны, да оз пö ков петны кыкнан кокнад, öти кокыд пö мед пывсян пыткас, кöсьян кö мыйкö босьтны. Сэк пö вермасны вежны.

Важөнтö öд ставыс öтка пывсян вöли. Öнi карьясад олан да общöй пывсян, сэн öд абу пустö некор. А кöть и öтка пывсян да öнi сэтшöмыс озджык овлы.

О ПОДМЕНЕННЫХ

Я этого подмененного сама видела. На вид тоже как человек, только очень уж некрасив. Так и не вставал на свои ноги. Только вопил все время, громко, аж сам себя на части разрывает. Я спрашивала, чего он так себя ведет, так ответили, что он не хочет с людьми разговаривать.

Ему уже было семь лет, а он все еще был таким, и его под поганое корыто положили и вот так вот накрест топором по корыту стукнули. И он скончался. А, говорят, когда стукнешь топором, поднимается, поднимается ветер и крикнут: «Рубани сцё!»

— По нашим законам, — отвечают, — достаточно!

А если еще раз рубанешь, то и не умрет.

И второй подмененный, рассказывали, был. Он из Богородска, бывало, приходил сюда. С отцом ходили, милостыню собирали. Это было уже давно. Наша бабушка рассказывала. Тогда еще и бабушки наши молоденькими были. Придут они, бывало, и, когда он на ночь на печку станет лезть, только бырк — и уже на печи, лег плашмя. Быстро взбирался. Только крякнет — и уже там.

А сам некрасивый. Голова длинная, остроконечная. Лицо некрасивое. А руки, когда ходил, вечно опущены. Руки длинные тоже.

Про его жизнь я не знаю. Только то, как он к нам приходил, рассказывали. А когда к нам приходил, он был уже порядочно взрослым.

Ребенка, говорят, обменивают еще тогда, когда он беззубый. Беззубого ребенка нельзя забывать, нельзя оставлять одного в бане, если уже с зубами, то можно. Именно в это время их обменивают. Старые люди у нас предупреждали всегда: если твой ребенок еще не имеет зубов, то даже выходя в предбанник за чем-нибудь, нельзя выходить из бани обеими ногами, одна нога чтоб всегда была внутри. Именно в это время могут обменять.

Прежде ведь все бани были частными. Теперь в городах все общие бани, и они никогда не пустуют. А хоть и в частных банях, да такого теперь уже почти не бывает, чтоб обменивали.

126. ЧЕРИ БӨЖА НЫВ

Миян Джиянын öзыныс Кывтыд шор дорын. Сэни ыджыд джум эм. И йöзыс шуöны, мый важөн сэни югыд төлыся войö, кор төлысьыс дзонь да войыс сэзь, петавлывлö мича ныв, русой кузь юрсиа. Кывтыд шор вомаc пукяс и сынасьö. А коксö оз лэпты. Кокыс сьлөн чери бөр кодь. Сынасьö, а ачыс мичаа сьылö, сідэ небыдика, муртса-муртса кылыштö.

Коркö öтчыд том морт сэтчö лэччöма ва дорас, ог нии төд, мый могөн сийö лэччöма, а аддзылöма. Мунны кутас сэтчань, оз на бура видзöдлы, а вавыс тшупöдөн моз усьö да, лабич кодь артмö, и сэни пукалö, и бöжыс тыдалö ва пырыс — чери бөр.

Сийö местаыс страшной да старайтчöны не лэччыны сэтчö войяснас, оз кө кутшöмкö ыджыд мог су. Но, гашкö, мыйкö мöдлапöлас колин ли мый ли да, сэки только лэччылöны. Абу кө быгь лэччыны, шукöб сэтчö локнысö да оз ветлыны.

Том мортыс аддзылöма и сьылöмсö кылöма. Окота пö сьылöмсö кывзыны. Сэсся аддзылöмабсь пö, мöдысь на лэччылöма том мортыс. Том мортыс быгтьö сэсся йöймис ли мый ли, бура ог и төд.

ДЕВУШКА С РЫБЬИМ ХВОСТОМ

У нас в деревне Ивановской пристань для лодок находится около ручья Кывтыд. Там есть большой омут. И люди рассказывают, что там в старину в светлые лунные ночи, когда луна полная и ночь ясная, часто выходила красивая девушка, с длинными русыми волосами. В устье ручья Кывтыд сядет и причесывается. А ног из воды не поднимает. Ноги у нее как рыбий хвост. Причесывается, а сама при этом красиво поет, так мягко, чуть-чуть слышно.

Однажды как-то туда сошел вниз к воде один молодой человек, уж и не знаю, с какой целью он туда пошел, но видел ее. Стал к этому месту приближаться и еще и не вглядывается, а там сидит она (там вода течет уступами и образует нечто вроде скамеек), и хвост ее виден сквозь воду, как у рыбы.

Это место страшное, и стараются по ночам туда не ходить, кроме как по какой-либо большой необходимости. Ну, скажем, оставил что-нибудь на другой стороне реки, только лишь в этом случае идут. А если нет большой необходимости, не ходят, так как жутко туда ходить.

Молодой человек ее увидел, услышал ее пение. И ему захотелось еще раз услышать это пение. Потом, рассказывают, видел, что молодой человек еще раз ходил туда. Потом якобы молодой человек этот с ума сошел, хорошо-то не знаю, так ли.

127. ВА ОЛЫСЬЯСЛӨН МӨС

Мам, поконча, вöлі висьтавлö меным.

Слудка кулигаысь пö водз асывнас вöлі кая, Слизов ты йпылын, видзöда: нюрöдыс мөс табун ветлö. А пастукыс узьö. Видзöда: следыс абу, мөсьясыс лысва оз пыркöдны. Думышти: «Тайö ва олысьяслөн мөсьясыс». Пернаöс пөрччи да юкөс дорам көрталі. Сэсся матöдчи мөс дорас да көрталі. Сэж и пастукыс садьмис да горзыны мөдіс. Мөс табуныс пырис тыö. А менам мөскыс, пернаалі нин да, эз вермы мырддынысö.

Сэсся сы бöрын куим вой волісны мөслайд. Öшинь улö сувтасны да шуöны: «Раб, вай мөссö!»

Коймөд войнас ме ордö старука волас да öткажитас налы. Сы бöрын сэсся эз нин волены.

Йöла мөс вöлі, но рөдтö эз сет. Пыр бычö вöлі вайö.

КОРОВА ВОДЯНЫХ

Мать, покойница, рассказывала мне.

Иду, говорит, от Слудкинской заводи рано утром, в конце Сливовского озера, и вижу: на заболоченном п. берегу озера ходит стадо коров. А пастух спит. Вижу: следов нет, коровы росу не стряхивают. Подумала: «Это коровы водяных». Сняла нательный крест и подвязала к поясу. Потом подошла к одной корове и накинула на нее. Тут и пастух проснулся и стал кричать. Стадо коров погрузилось в озеро. А моя корова нет, так как я успела нацепить нательный крест на нее, пастух не смог ее у меня отнять.

Так после этого три ночи подряд приходили за коровой. Встанут под окном и говорят: «Раб, верни корову!»

На третью ночь ко мне приходила одна старушка и отказала им*. После этого уже не приходили более.

Удойливая корова была, но свою породу не продолжила. Все время бычками телилась.

128. ВА ОЛЫСЬЯСЛӨН ВӨВЪЯС

Батьёкод лэччам вёлі вичкоё. Аддзам: Лывина ты дорас съод сера, гёрд сера вөвъяс йирсьёны. Матөдчим да, бать, покойник, шуо: «Вай кутам өтиёс!» Сэсся горөптис да, став табуныс воши, тыас пырис.

ЛОШАДИ ВОДЯНЫХ

Однажды мы с отцом отправились в церковь. Видим: около озера Лывина пасутся черно-белые, красно-белые лошади. Как подошли поближе, отец покойник и говорит: «Давай поймаем одну!» Но так он громко крикнул, что весь табун тут же исчез, в озеро погрузился.

129. МЕЛЬНИЧА КУТЫСЬ

Миян мельникаыс водзын кулацкөй вёлі. А мельникаыс наёмной вёлі, вузасьё. Сидзисё мельникаыслы колө мыйёнкө мынтысьны, а сійё йёзён мынтысьё, то вөвъясён мынтысьё. Пруд кутысьясыс эмось да, он кө мынтысь, мельникаыс оз мун. Öтчид мельникаыс сувтас да

мельникыс мунас сэтчө. А видзөдө да мичаник морт лопастьяс вылас пө пукалө, ыджыд ён морт.

— Лэдзам пө, мынтысян кө, важөн тай нин эн мынтысьлы. Вай татчө винатө!

Но, сэссия мужикъяслөн винаторъясыд эмось да:

— Без өчереди пө изода, коді сетас!..

Оз сетны. А сэссия вартөдас карөдзыс. Мельничаыс сулалас лун джынсө, сійө вина корсяс. Четверть вина сэссия пуктас и сэссия мельничаыс жургыны мөдас. Сэтчө пукалысьыслы сетас киас.

Сійө ещө войнаөдзыс на вөлі, двадцать восьмом году... Вот, ёна батьө висьталіс, кутшөм ва олысьыс. Сэтшөм здоровой мужчина пө пукалө, костюм быттьө пасьталөм. Настоящөй морт и эм.

* * *

А тайө война дырйныс вөлі. Помечө лэччылісны. Дядь асланым да, менам племенича да сьлөн ичинь волас, поконча. Сэссия рытнас көнчитасны помечсө да пемыднас оз кайны, пять километров Слизовөдзыс муннысө да. Сэссия асывнас чеччасны и давай асывнас кайны.

— Мамыд пө виччысьө, өддьөн каямө!— нывкаыслы ичиньыс шуө.

А миян нывкаыс, тушаыс ён, ыджыд вөліс. Тайө Валясьыс кузьджык вөлі. Дас нель арөса вөлі. Да сэсянь пуксясны пыжьяд и сійө пыжнад вуджны мөдасны. Юсө вуджны мөдасны мельнича велдортыс, Слудка мельнича велдортыс метров десять. Сідзик пыр вуджаллісны. Сійө женщинасө мельникыс вузалөма мельнича кутысьяслы. И вот сійө нөбалас и кымас сэтчө найөс. И нывкаыс миян шуө: меным пө ваыс вомө оз лок, ни синмө, некытчө пө оз лок. Только пө дедөыс сэн пукалө прудын-а. Тадзи пө пуксьөма спинанас, ыджыд делө пө пукалө, тошкыс пө паськыд. Пукалө, дедө пө пукалө да шуө: тэд пө, кукла, татөн не оланін ещө, мун пө давай, мамыд пө ёна виччысьө гортад. Менө пө тадзи сійө ки пыдөснас босьтіс да только лэптөптис да и ме пө тай вевдорас лон, и пыжйыс пө дінам, как пө кодкө вайис.

А мөдыс эстөн велдорын тадзи плавайтө да кутісны да, лолыс абу нин да. А буттьө горзө. Тадзи вед вомсө ыджыда восьтөма: «А-а-а!» — горзө. Горзө, вовсю горзө и ставыс. А вомыс восьса, а чөртъяс, видимө, горзёны, сійө как будто горзө. А сійө нин турдөм, кынмөма нин сэтчө. Абу нин ловья.

ОСТАНАВЛИВАЮЩИЙ МЕЛЬНИЦУ

Наша мельница раньше принадлежала кулаку. А мельник наемным был. И этот мельник продажей занимался. Мельнику полагалось чем-то откупаться, а он откупался то людьми, то лошадьми. Потому что там есть хозяева пруда и если им не будешь платить, мельница остановится. Однажды эта мельница остановилась, и мельник пошел туда. Посмотрел, а на лопасть мельничного колеса как настоящий человек сидит, высокий крепкий человек.

— Пустим, - говорит, - мельницу, если расплатишься, давно уже не платил ничего. Давай, - говорит, - вино сюда!

Ну, у мужиков вино-то есть, и мельник говорит им:

— Кто даст вино, того без очереди пушту молоть зерно!..

Не дали. И мельник поспешил до города*. Мельница простояла полдня, он нашел вино. И четверть вина поставил им, и после этого мельница загудела. Тому, сидящему, в руки дал.

Это случилось еще до войны, в двадцать восьмом году... Вот это часто отец рассказывал, какой он, водяной. Такой здоровый мужчина, в костюме будто бы. Настоящий человек и есть.

* * *

А вот это случилось во время войны. Ходили к дяде на помочи моя племянница, а также ее тетка, покойница. Ну и они вечером завершили помочи, но вечером не пошли домой, пять километров пути до Слизово. Вот они проснулись утром и собрались идти с утра.

— Мать ждет, пойдем быстрее! - девочке эта тетка говорит.

А у нас эта девочка рослая была, телом крепкая, большого роста была. Вот Вали выше была*. Четырнадцать лет ей было. И вот они сели в лодку около мельницы и стали переезжать на лодке. Речку стали переезжать выше Слудской мельницы метров на десять. Так всегда все переезжали. Эту женщину мельник продал мельницу останавливающим. И вот они стали переезжать — подхватило и перевернуло их там. И девочка наша после рассказывала:

— Мне вода и в рот не идет и в глаза, и вообще никуда не попадает. Только дед какой-то сидит в пруду. Вот так спиной сел, большой дед сидит, борода такая широкая. Сидит дед и говорит: «Тебе, кукла, нет еще жилья здесь, давай иди, мать тебя заждалась дома». Меня он так ладошкой только сверху подтолкнул, и я очутилась на поверхности, и лодка наша рядом, словно кто-то подвел.

А другая там на поверхности воды плавала и, когда поймали, то уже безжизненной была. А вроде как кричит. Рот вот так широко раскрыла и: «А-а-а!»- кричит. Кричит, всю кричит и все. А рот открыт, но, видимо, черти кричат, это чтобы казалось, что она кричит. А на самом деле она уже окочшела, застыла уже там. Уже не жива.

130. «ПӨЖАСИМ ПӨ ПӨРЪЯСИМ»

Кор мельничасö кылөдöма тулыснас визув ваис, а тулыснас вöлөм йөктöны сэнi мельничаас. Ме öд эг тöдлы, ни ог тöд, йöзыс-лысь висьталöмсö тöлкö.

«Пөжасим пө пөръясим,

Тэськасим пө чегъясим!»

Сэсса шков-шков йөктыштасны. Сийö пө век öтикöс сьылöны.

Сэсса кодкө пө локтö сэтi. Кылöма. Матымас — гөлөс лань-тас. Воас, а томана.

А тулыснас сэсса мельничасö и кылөдöма.

«ЗАНИМАЛИСЬ ВЫПЕЧКОЙ – ОБМАНЫВАЛИ»

Когда весной быстрым течением унесло нашу мельницу, перед этим весной же там будто бы все время плясали. Я ведь сама не слышала и не знаю, только со слов людей.

«Занимались выпечкой — обманывали,

Производили толокно — ломались!» — пели.

После этого опять немного попляшут, только слышно: бух-бух. Все время только одно это и пели.

Как-то шел один мимо мельницы. Он услышал. Приблизился — голос стих. Подошел он, а дверь мельницы на замке.

Вот той весной и снесло мельницу.

131. ПЕРМАКЪЯСÖ КОРНЫ

Коркö ми ветлим Пермакö. Пермаксö кывлин? Но вот. Ми Пермакö ветлим корны. Батьö мян омöлик вöли да заводъясад оз вермы вöли ветлынды, а ми вöлим сизим чоя-вока. Миянöс корны нуис сийö, кынöм вердны. Пермакад öтик тьötкаö вöзийысим узьны, а сийö пывсян ломтö. Батьö вöзийысис: тайö нывъяссö пö коть пывсьод.- Коть пö ачьд на пывсян, тьolkö пö öтнад эн пывсьы-а, мян пö гажтöм пывсяныс,- кöзийкаыс шуö.

Ми куим ныв вöлим да кöзьяйкакöд лэччим пывсянад. Нельын и пывсяныс. Сэссия кылам: только шлочкöны-пывсьöны. А ме сёрнитигад — дзoлясянь ме сёрниа вöвлі, öні юрö висьö да то нö гöлöсö кутшöм-а, менам зэв востер гöлöсöй вöвлі, — пывсян тырыд нин, меся, пывсьысыяс-а, пывсьыны на нуöдін, мед, меся, пывсисны да вöлись. Эн пö повзöй. Эн пö повзöй, пернапас пö чöвтöй да сідз пырöй. Кöзьяйкайд шуис. А мый нö эськö, меся, сэссия кажитчö али каститчö тайö пывсянад?..

Восьтім пывсян — некод абу. И кос пывсян парыс, ва абу вöрзöбöдöма нинöм. Ме пö öтнам сійön и ог лэччывлы, каститчö пö да... А тi пö вот он полöй да пыринныд-а. А мяян, меся, яй лудö да пывсьытöг ог олöй. Ме öд зэв збой вöвлі, а мукöд нывтьясыс оэджык варовитны.

Вот, сэссия пывсим зэв лöсьыда. А кöзьяйкаыс пыраліс мяян дінті, мяян пыриг пывсьыштіс и водзвылын и петіс. Полö кöзьяйка, чудь моз полö. Сэссия петім да: тi пö тай ньöти он полö некодысь, ме пö вот пывсьöны кö, сэссия ог пыр. А каститчö пö мяян, пывсянас пö некод оз и воы мяян пывсьыныс. Меся, вештöй пывсянныдтö, сійö бубыля туй вылын, сійön и каститчö тэныд. Меся, мед бура, бурджык местаö вöчин.

В КРАЙ ПЕРМЯКОВ ЗА МИЛОСТЫНЕЙ

Однажды мы ходили в Край пермяков. Про пермяков слышал? Ну вот. Ходили мы к пермякам просить милостыню. Отец наш был болезненным и на заводы не мог ходить*, а нас было семеро сестер и братьев. И вот он повел нас с собой просить милостыню, животы кормить. И вот там мы попросились на ночлег к одной тетке, а она как раз баню топила. Отец попросился: позволь, дескать, попариться, хотя бы этим девушкам.

Хозяйка ответила:

— Хоть и сам парься, только не в одиночку, так как баня наша невеселая*, — говорит хозяйка.

Нас было три сестры, и мы с хозяйкой пошли в баню. Недалеко и находится баня эта. Подходим и слышим: вовсю хлещут-парят-ся. А я в то время разговорчивая была — с детства я была разговорчивой. теперь вот все время голова болит и то еще какой голос, а тогда язык у меня острый был, — говорю: полная баня уже у тебя, а ты нас париться ведешь, пусть бы уж, говорю, сначала они попарились, а мы уж потом. Не пугайтесь, говорит. Не пугайтесь, говорит,

перекреститесь сначала, потом и входите. Хозяйка говорит. А чего бы это могло значить, говорю, мсрещится в этой бане или чудится?..

Открыли баню — никого нет. И пар в бане сухой, вода не тронута нисколько. Я, говорит, одна и не хожу сюда из-за того, что чудится. А вы вот, говорит, не боитесь, и вошли вот. А у нас, говорю, все тело зудит, и нам никак без бани. Я ведь очень бойкая была тогда, а другие сестры реже вступали в разговор.

И вот мы очень хорошо попарились. А хозяйка при нас, пока мы там были, попарилась и вышла перед нами. Боится она, хозяйка, как чужд* же боязлива. Потом, когда вышли, она говорит: вы, оказывается, нисколько никого не боитесь, а я, если так парятся, то не захожу уж больше. Чудится, говорит, у нас, к нам в баню париться никто и не ходит. Говорю: передвиньте свою баню, она находится на тропе бубыли, поэтому и чудится тебе. Говорю: надо было на лучшее место поставить баню.

132. (ГУРЕНЬКА ЙЫЛЫСЬ)

Гуренькаыс пывсянын выим. Уна пывсьысь бõрын кõ мунан, сэк вермõны кутны да чуйдны. А ме эськõ ачым эг сэтшõмсõ казявлы-а. Важõн ми дзõляõсь на вõлим, õтик старик миян Кипиевоысь, Милограмõн шулисны. Пывсялõмаõсь бабаяс, а сийõ бõрын мунõма. Сэсся дыр абу воõма да мунõмаõсь-а, пывсян пелесас пõлки вылас чукырчõма. Босьтõмаõсь-а, яйыс ставыс лõз да виж. А сэсся кулõма...

Важõн, бара ме кывлi, õтик баба рõд вõлi, кõр дорын ай-мамыскõд встлiс, а татõн пукалисны сэсся пõрысьмõм бõраныс. Пывсьõм бõрын мунõма корõсьла, а бõрдõм кылõ. Обõссõ востас, а вурсьõ, лабичын пукалõ баба рõд, гõрд соса, гõрд паськõма, вурсьõ зэв ыджда, емнас. А челядьыс бõрдõ да висьталõ:

Мый нõ, чõл овлы, — висьталõ, — тайõ гõстя воис да сийõс колõ кутны.

А сэсся сийõ повзяс да õбõсõдыс пышйыны кутас да и усьõ сайдтõг.

Сэсся босьтасны да нуõдасны мам-айыс. А отторõ кутас кажитчыны, горзыны:

— Ой-ей, — шуас, — локтõ, бара босьны мõдõ. Пырõ тай, пырõ, пырис тай!

О БАННИКЕ

В банях живут гуреньки*. Если пойдешь туда после того, как попарились уже многие, тогда они могут поймать и испугать человека. Сама-то я такого не замечала. Раньше, мы были еще детьми, рассказывали про одного старика из нашего Киписево, звали его Милограмом. Попарились сначала женщины, а он после них пошел. И вот нет его долго, и пошли за ним, а он в углу на полках скрючился. Взяли его, а тело все в синих и желтых пятнах. Умер он...

В старину же, я слышала, была одна девушка, родители были оленеводами, с ними ездила в тундру, а как родители постарели, здесь стали жить. После того, как все попарились, она пошла в баню за веником и слышит плач. Открыла дверь, а на лавке сидит женщина и что-то шьет, в красной женской рубашке, одежда вся красная, очень бойко шьет, иголкой. А ребенок плачет, и она говорит:

— Ну-ка, перестань, — говорит она, — вот гостя пришла и надо ее поймать*.

Девушка испугалась, побежала и упала без сознания.

Подняли ее родители и повели домой. А ей с тех пор все время стало чудиться, и все время стала кричать:

— Ой-эй, говорит, вот идет, опять хочет меня схватить. Вот заходит, заходит, зашла уже!..

133. ШУПӖДЧӖМ

А менам коркӖ кӖзаян пыр шупӖдчис. ВажӖн рыньшын снӖпгъястӖ сюясны, колхозад нин олӖгӖн, да сӖйӖ сӖсся косьтӖны снӖпгъястӖ, шупӖдчӖны. СӖйӖ шупӖдчис миян пыр. Да мунис рыггнас, да сяттӖӖ вӖли сӖсся да мыйкӖ Макар базаруйтимӖ гортын. ЕщӖ Печищевын олӖм. Муна пӖ рыныш улас, да мем пӖ мича нывъяс пӖ локтасны. СералӖ. А кинкӖ, меся, тӖд локтас, тшыгъялисны, меся, тӖнадысь мича нывъяс. А вот ужӖ аддзан пӖ, мича нывъяс локтасны.

СӖсся. Збыль пӖ Ӗд мича нывъясид волӖсны, шуӖ, локтис да ошйисӖ. Тавой пӖ збыль мича нывъясид волӖсны, кык ныв пӖ, кык ныв пӖ локтисны, орӖм коскаӖсь пӖ, кузь бӖжаӖсь Ӗна пӖ тугъяӖсь. Дай шондысьӖны пӖ. «Ай пӖ, кынмимӖ пӖ, ай пӖ кынмимӖ, — только пӖ шуӖны, — кынмимӖ!» А ме нин пӖ повны мӖдӖ да нем пӖ ог шыав, тӖлькӖ пӖ таркӖда. СӖрапонсӖ пӖ босьтӖ, биа сӖрапонсӖ, киа да сӖйӖ пӖ тӖлькӖ таркӖда биас сӖтӖн. СӖсся — не пач вӖлли-а, а сӖдзи кражъясӖн рыныш улас тӖчисны гуӖ, гуас сӖтӖн бисӖ, — сӖйӖ кражъяс костас

таркѡда пѡ беддѡн, таркѡда. Сэсся нем пѡ ог лысьты шыавны ни баитны. Видзѡда пѡ: не йѡа, а сідзи мичаѡсь, юрсиаѡсь и быдсѡн. Плетитѡма пѡ мичаа кѡсаѡ. А косьясыс пѡ ёна вѡснъидикѡсь, топѡдѡмаѡсь. Мича лѡпѡтяѡсь шуѡ, ѡтпѡлсаѡсь.

Да сэсся, сералѡ: повзи жѡ пѡ.

А мый нѡ эськѡ кык костас эн водлы, кык ныв костас? Колі, мяся, топѡдлыны нывьяссѡ. Кутшѡм нин пѡ топѡдлѡм. Сэн пола нин пѡ ачым. То пѡ нуасны менѡ сэтысь.

Сэсся шондысьштѡмны и бѡр петѡмны. Самѡй двенадцеть часов пѡ вѡлі, вой шѡр кад.

ПОДСУШКА ХЛЕБОВ В ОВИНЕ

А мой муж в одно время занимался подсушкой хлебов в овине. Тогда уже колхоз был, снопы сложат, бывало, в овин и сушат, с помощью огня сушат. И он у нас все время занимался такой подсушкой. И вот он собрался вечером ндти, святки как раз были и немножко повеселились*, пошумели дома. Тогда жили еще в Печище*. Пойду, говорит, сейчас под овин, н ко мне, говорит, красивые девушки придут. Смеется так. А, говорю, кто-то к тебе и придет, проголодались, говорю, по тебе красивые девушки. А вот, говорит, уж увидишь, придут красивые девушки.

Потом выяснилось. Правда ведь, приходили. Пришел оттуда и хвастается. В эту ночь ведь, говорит, и вправду приходили, две девушки, говорит, пришли, с очень тонкой талией, в платьях с длинным подолом, бахромой разукрашены. И стали, говорит, греться. «Ай, замерзли, ай, замерзли, — только и говорят они, — замерзли!» А я, говорит, испугался и потому ни звука не издаю, только, говорит, стучу. Взял в руки горящую с одного конца головешку и ею только постукиваю там в костре. А там не печь была, а так дровяные кряжи под овин набросали и под ними огонь развели. И вот промеж кряжей, говорит, стучу палкой, горячей палкой стучу. А больше, говорит, иичего не смею ни произнести, ни сказать. Вижу, говорит, не люди, а так красивые волосы и все. Волосы красиво в косы заплетены. А талии очень тонкие, перетянуты. В красивых одеждах, без верхней одежды.

И смеется далее: испугался, говорит, я.

А чего, говорю, мжду ними не лег, между двумя девушками? Надо было, говорю, обнять девушек. Какое там, говорит, обнимание. И так уж, говорит, сам боюсь. Возьмут, говорит, сейчас да и унесут отсюда.

Оии погрелись немножко и обратно выбрались из-под овина. Как раз, говорит, было двенадцать часов, полночное время.

134. БУБЫЛЯЫСЬ ПЫШЙОМ

Оти керкаын бубыляыс кутёма зэв повзёдчыны да кёсиймаёсь сыысь пышйыны. Вёв прагитёмаёсь, сэсья доддяс сөвтчёмаёсь. Сэсья гётырыс и шуас:

— А мыйкё бара эг-ё кольё гортё?

А додсяньыс сійё шуё:

— Джодж поманыд пё зу коли.

Пырасны, видласны джодж помё-а, збыль, зу сэні куйлё. Сійё бара бубыляыс додсяньыс шуё. Кёсийоны вёлі бубыляысь пышйыны, а бубыляыс водэджык наысь доддяс пуксяс.

Ковмис сэсья бёр лэдзасьны, бёр керкаас бергёдчыны.

БЕГСТВО ОТ БУБЫЛИ

В одном доме бубыля* стал очень сильно пугать жильцов, и решили от него сбежать. Запрягли лошадь и наложили в сани все имущество. Потом хозяйка и говорит:

— А не оставили ли чего дома?

А с саней кто-то и говорит:

— На полке при входе в голбец осталась чесалка.

Вошли, посмотрели на полку при входе в голбец — и правда, там лежит чесалка. Это, оказывается, бубыля с саней откликнулся. Они хотели сбежать от бубыли, а бубыля раньше их на сани сел.

Пришлось распрягаться, обратно домой возвращаться.

135. ЕРЕТНИКЪЯС

Быд сиктын вёліны еретникъяс. Еретникъяс сійё лёк только вёчёны. Шева вермёны сетны. Шева сэсья кутас сёрнитны аспас, желайтан ли он ли. Нывбабаяс шеванас вёдитчёны.

Еретникъяс лосьёдоны, тунъяс бурдёдоны. Туннас шуёны сійёс, коді тшыкёдомсё вермё снимитны. Нимвидзёмён ещó шуёны. Нимкылён тшыкёдомсё босьтё.

Кывтъд чойын вёлі Тукё Иван, тэдэ шуёны прёэвищенас. Еретник тшыкёдіс, висьём сетіс, а Тукё Иван вермё босьтны, вот.

Ми вöлі дэоля дырйи мунам мös корсьны. И еретник керка дорті мунны ми ог лысьтö. И ми еретник керка дорті мунігөн ки крукыльтам тадзи, мунам тадзи. Мыйла тадзи крукыльтамсö? Еретник мед чайтас, мый уже тайö кыис косьмöма нин, крукыльтчöма. Тайö нинöмла нин тшыкöдны, тайö тшыкöдöмаöсь нин. И вот тадзи вöлі спасайтчам. Еретник öшиив увті мунігөн или паньдасигад керам тадэ, мед миянös эз тшыкöд. Значит, ми еретникös ылöдам. Фактически кыид здоров, а ми вот вöлі леткöдлам, мый миян кыид косьмöма.

ЕРЕТНИКИ

В каждой деревне были еретники. Еретники — это те, которые делали зло, только зло. Могли, например, насылать порчу. Порча затем могла сама по себе разговаривать, желаешь ты того или нет. Женщины порчей занимаются.

Еретники насылают порчу, а туны лечат... Туном называют того, который может снять порчу. Ещё это называют заговариванием. Порчу снимает заговором.

На горе Кывтыд был Тукэ Иван, так звали его по прозвищу. Еретник, скажем, напустил порчу, дал болезнь, а Тукэ Иван может снять, вот.

Мы, бывало, в детстве пойдём искать корову. И, если идем мимо дома еретника, вот так скрючивали руку. Зачем мы так скрючивали? А чтобы еретник подумал, что у этого рука уже отсохла, скрючилась. «Этого уже ни к чему портить, его уже испортили». И вот так, бывало, спасались. Либо под окнами еретника, либо при встрече с ним где-либо вот так делали, чтобы он нас не испортил. Значит, мы еретника вводим в заблуждение. Фактически рука здорова, а мы делаем вид, что рука у нас отсохла.

136. ПИЩАЛЬ ПОРТИТÖМ

Менам энькалөн вок вöлі, Игнать Прокопьевич, тöдысьён бытгьö сійös шуоны вöлі. И мöд морт вöлі. Степан Кириллович. Сэсся найö мыйысь кö вензясны. И Игнатьыд Степаныдлысь пиццальсö öшöдас. И Степаныд сэсся кувтöдзыс пиццальтöг вөрö ветліс. Пиццаль гортын öшалö, сійös оз вермы босьтны, оз вермы нуны. И сöмын кутіс лэч кыйны.

А тӱдысьыс, Игнатъыс, миян мужиклӧн на вежай, да сійӧ ӧти ассьыс нывсӧ, Катяӧс, велӧдӧма вӧлі. Катяыс тӱдынгӧ жӧ вӧлі, нимъяс видзӧ. Ми пӧ вӧлі вӧрӧ каям батьӧкӧд да меным пӧ кутас шуны: «Вай жӧ, дитя, Катюк, мойдыштам». Сійӧ мойдӱгас вӧлӧм и велӧдӧ. Мый нӧ челядылды, мойд мойд и эм. Сэсса сідз сійӧ и велӧдӧма. Ог тӱд сэсса, кутшӧм уставӧн сійӧс вӧчӧны. Сійӧ оз ӛна шуны.

А мӧд нылыс сьлӧн Усьта, да сійӧс абу велӧдӧма. Кӱркӧ вӧлі сӛрнитӧны кык чой: «Катя чой, менӧ нӧ мыйла батьыд абу велӧдӧма тӛнӧ мӧз?» А сійӧ шуӧ: «Тӛ вывтӱ скӧр да мортсӧ тӛ ордан!» Скӧрыс оз лӧсяв. Скӧр мортсӧ оз позь велӧдны, сійӧ пӧрешитас.

ПОРЧА РУЖЬЯ

У моей свекрови был брат, Игнат Прокопьевич, знахарем его считали. И был другой человек, Степан Кириллович. Вот они по какому-то поводу поспорили меж собой. И Игнат повесил ружье Степана на стену. И после этого Степан до самой своей смерти без ружья ходил в лес на охоту. Ружье дома на стене висит, а его он не может взять, нести не может. Только на петлю и ловил.

А этот знахарь, Игнат, — он у моего мужа был крестным, — одну из своих дочерей, Катю, обучил знахарскому искусству. И Катя кое-что тоже ведала о знахарстве, занималась наговорами. Она рассказывала, что отец обучал ее знахарству при поездках в лес на охоту. «Давай же, дитя, Катенька, — говаривал он, — послушай мою сказку». Он, оказывается, учил ее, рассказывая сказки. А что для ребенка, сказка сказка и есть. И вот так он ее обучил. А вот какими способами этому обучают, не знаю. Об этом не очень-то рассказывают.

А вторую свою дочь, Устинью, он не обучал. Как-то разговаривали меж собой две сестры: «Сестра Катя, почему меня отец не обучил, как тебя?» А она и ответила: «Ты слишком злая, ты человека можешь зря испортить!» Злой человек для этого не годится. Злого нельзя учить знахарству, он зря уничтожит человека.

137. ӦВРАМ ИВАН

Ӧврам Иванӧн шуӧны. Тарабукин Иван Аврамович, бабаыс ловъя на. Сійӧ кӧч кыйліс. Вот, сылы сы мында кӧч шедлі. Сійӧ пӧ нимкылӧн кыйӧ век. И ме ачым тӱда. Сійӧ эськӧ ыджыд меысь дас

арөсөн. Сэсса көчтө, шуо, нимкылөн пө кыя, көчюд пө сийө век шедө. И быд кыйөм комын көч, нелямын көч, ветымын көч.

Сийө кыйөны капканөн и гуөн. Гу кодйыссьё. Примерно метра, мед кайныс оз вермы. Сэсса сэтчө ёсь майөг. Выліланыыд сийө сэсса лэбасөн, пуясөн тупкаласны быттьё. А майөг вылад усьё да сэтчө и доймас. Сэсса кайны оз вермы. Сэсса көч шедө. Öти гуад пө вöлі куим көчөдз усьё. Көч тропа вылас гуыс.

ИВАН АВРАМОВИЧ

Зовут его Иван Аврамович, Тарабукин Иван Аврамович, жена и сейчас жива. Он ловил зайцев. Столько, сколько ему, никому больше не попадалось. Оказывается, он всегда ловил с помощью заговоров. Я это сам знаю. Вообще-то он старше меня на десять лет. Он говорил, что зайцев он ловил с помощью заговора и что всегда успешно. И каждый раз ловил по тридцать, по сорок, по пятьдесят зайцев.

Их ловят капканами и ямами. Выкапывается в снегу яма. Примерно с метр глубиной, чтобы он не мог выскочить. На дно втыкались острые колья. А поверх ямы делалось перекрытие. Ветками закрывают яму. Заяц побежит, упадет на колья и поранится. И уже не сможет выскочить из ямы. И заяц попадетсЯ. В одну яму, говорит, до трех зайцев попадалось. Прямо на тропе яма.

138. ВЫЙ ВОШÖМ

Кык свöяк вöлöма Бадьель йылын, вöрасьöны. Сэсса öтиыслөн вый вошö. Выйыд вошö да шуас: «Тэ кө пö босьтін, висьтав». — «Эг пö». Бара юалас: «Висьтав пö». Öти лун дай, мөд лун дай, коймөд лун. Пыр юалö: «Висьтав, босьтін кө, висьтав». — «Эг пö». Бара юалö коймөд луннас: «Висьтав, колöкө, оз öд бур ло». — «Эг пö, эг, эг пö».

Сэсса и висьмас. Соссьыссьыс мортыс, Лымва Степанөн вöлі шуöны. Во чöж висяс, во чöж! Кулөм выйөдз волас. Да шуасны: Лымва Степан пö кулан омöль, кулө нин пö регыд. Оз пö кув, время пö воас да бурдас. Во мысти сэсса бурдöма. Во пö висис.

Сэтшöм тöдысьясьдльыс оз позь вöрзөднытö. Вот тай накажитöма.

ПРОПАЖА МАСЛА

Два свояка в верховьях речки Бадьёль охотились совместно. И вдруг у одного из них масло потерялось. Масло потерялось, и он сказал товарищу: «Если ты взял, скажи». — «Нет». Снова спросил: «Скажи». Один день, другой и третий день, все он спрашивает: «Скажи, если взял, скажи». — «Нет». Снова спрашивает на третий день: «Скажи, иначе добра не жди». — «Нет, — отвечает он, — нет, нет».

И вот заболел. Того, что отрицал свое воровство, звали Лымва Степан. Целый год проболел, целый год! Уже при смерти был. Стали говорить жители, что Лымва Степан смертельно плох, скоро умрет. «Не умрет, — говорит товарищ по охоте, — придет, гоюрит, время и поправится». И вот только через год поправился. Год, говорят, болел.

У таких знахарей, как его свояк, нельзя ничего трогать. Вот и наказал.

139. ЕГОР САВА

Егор Сава вёлём мунёма зятъыскöd вёрасыны арся вөрö. Сяссия-й висьмас. Висьмас и: тэ пö бара локтан да некор пö тшöкниттöгыд эн пыр, век пö тшöкнит.

Но зятъыс пыр вёлём тшöкнитöмөн пырö. А коркö сэссия локтас да тшöкнитас, да мöдыс оз шыась. А сйö тшöкнитас да шыасьлö вёлём. Оз шыась да мöд н полö пырныыс, öпасайтчö: «Мый, пырны али не, пырны али не?» Но сё равно пырас сэссия жö. Пырас, дай Саваыд шуас: сэссия пö эн цов кулёмсьыд, ог пö сэссия кув, лекарствотö пö мен уна вайисны.

А первойтö вёлём велöдö мыйкö: кула кö пö, тэ пö менö эн коль керкаад, тшамъяад пö петкöд. Тшамъяад öд пö ме ог вермы петкöдныд. Менö пö öд отсалысьыд уна, отсаласны, петкöд пö. Петкöд пö да эн пö керкаад узьмöдчы. Керкасьыд пö мун, куим кытш пö чöвт. Первой пö öти кытш веськыдывыв чöвт, бара пö мöд кытш веськыдывыв чöвт, коймöд кытшсö пö чöвт веськыдывыв да сэссия пö сэтчö и узьмöдчы. Сэтчö пö кытш пытшкас и узьмöдчы. Сэссия пö сэтчö ме ог вермы пырны...

Лешöясьыд вайöмаось лекарствотö. А дерт лешöяс вайисны, код сэссия вайис сьöд вөр шöрын?!

САВВАТИЙ ЕГОРОВИЧ

Савватий Егорович пошел однажды с зятем на охоту в осенний лес*. И там заболел. Заболел и говорит зятю: ты, говорит, когда будешь возвращаться, никогда не заходи в избушку, не кашлянув предварительно.

Ну, и зять всегда заходил, предварительно кашлянув. А как-то пришел, кашлянул, но тот не отозвался. А он, оказывается, всегда отзывался. Раз не отзывается, другой-то и боится зайти, опасается, думает: «Зайти или нет, зайти или нет?» Ну, потом все-таки зашел. Зашел, и Савватий сказал ему: больше, говорит, не бойся, что умру, теперь уж, говорит, не умру, лекарств-то, говорит, мне много принесли.

А до этого еще он ему советы давал: если, говорит, умру, то меня не оставляй в избушке, в лабаз вынеси.— В лабаз ведь, говорит, я один не смогу тебя вынести. Ничего, говорит больной, у меня помощников много, помогут, вынеси. Вынеси, говорит, и не оставайся в избушке на ночь. Уйди, говорит, из избушки, и начерти три круга*. Сначала, говорит, один круг начерти в правую сторону*, снова начерти второй круг в правую сторону, третий круг начерти в правую сторону и в нем устройся на ночлег. Там, говорит, внутри круга и заночуй. Туда, говорит, я уже не смогу войти...

Лешие принесли ему лекарство. А конечно, лешие принесли, кто ж еще мог принести в глухом лесу?!

140. ПОКОЙНИКЛӨН ПЕТКӨДЧӨМ

Миян Слудка кладбищеас вöлис домик. Ну, сэнi вундалöны кöнкö кыймöм мортöс да мый да. Сийö усыпальня шусис водэын, а öнi шусьö морг.

Сэсся сийö усыпальняад морт узьмöдчас. Ну, сёрмас да. Тöдтöм морт. «Ну, пыра да сэн кöть всё-таки шоныд, не как вöля вылын». Сэн узьмöдчас. Ладнö. Водас. А сэн лабичьяс тöжö и, пызантор эм и, вундаланiныс. А сэсся лабичад водас да и — съöд кась пö ветлö, встлыны пö мöдiс съöд кась. Сэсся:

— Кысöнька пö, кысöнька, пиянь кусöксö кöть пö колö сетны.

— Кысöнька! Кысöнька! Тэныд пö кысöнька! Тэд пö кысöнька!
Тэно пö öд оз вундавны, тэд пö кысöнька! Менö пö вундалiсны!..

Öнi öд мыськöны моргад, гöйтöны.

Покойникыд часто сійо касьнад петкөдчө. Öнi мыськөны, а сэк öд эз мыськыны. Вир вылас и узис. Сійөн и мыччысис рөдительыс. Тэ пö менам вир-йй вылын узян!

ПОЯВЛЕНИЕ ПОКОЙНИКА

У нас на кладбище деревни Слудка был домик. Ну, в том домике вскрывали трупы замерзших где-либо людей. Раньше он назывался усыпальней, а теперь — морг.

Однажды в той усыпальне заночевал человек. Ну, так как припозднился. Незнакомый человек. Думает: «Ну, в домик зайду да там хоть все-таки тепло, не то что на улице». Там заночевал. Ладно. Лег. А там тоже и скамейки, и стол, на котором трупы вскрывают. Он лег на скамейку и вдруг видит — черный кот ходит, похаживать мимо него стал черный кот. И он:

— Кисонька, кисонька, кусочек хлеба хоть тебе надо дать.

— Кисонька! Кисонька! Тебе кисонька! Тебе кисонька! Тебя-то не режут, тебе и кисонька! Меня вот изрезали! — отвечает кот.

Покойники, они часто котами показываются. Теперь ведь моют, а тогда не мыли. На крови он и спал. Поэтому и появился родитель*. Ты, мол, на моей крови, на моем мясе спишь!

141. ВÖВ ПОДКОВ

Мамö кулөм водзын. Бать гортын, и ме гортын. Больничаö нуöдiсны.

А мян гөлбöчын вöли кöжук. Кöжукас вöли подков. Вöв подковсö шыбитiс öдэсас да сод кузяыс гөлбöчö гир-гир мунiс.

А батьö пукалö дай шуö: «Но, кöзьяика öдвакö мян ловъя кокөн волас».

Эз и волы. Кули. Больничавын вöли, сэтчö и кули.

ЛОШАДИНАЯ ПОДКОВА

Перед смертью матери это произошло. Отец был дома, и я была дома. А мать увезли в больницу.

А у нас на печи со стороны голбца была впадина. Во впадине была подкова. И подкову швырнуло ни с того ни с сего, и она с грохотом скатилась вниз по лесенке.

А отец сидел в комнате и говорит: «Ну, навряд ли наша хозяйка явится теперь сюда живой»*.

Не приходила. Умерла. Была в больнице, там и умерла.

142. ЧӨРСӨН КУЧКАЛӨМ ШЫ

Коркө өти мужшина вөлі больничанын куйлө. Ми на зэв-зэв дэоляниккөсь вөлім, ныпъяс. А гөтырсө корисны, омоль положение-ны да, больничаө. А менө нывкаыс корис төварыш ыылө. И ми ворсам керкаас. И комлат пызанад быттө вартисны чөрсөн куимысь. Сэтшөм гораа. И мян сэтшөм ээ ло лөсьыд. Но ме пыр гөгөрвои, мый тайө куломалөн пө ортыс. И өкурат сэки и кулома больницаас мортыс.

ЗВУК ОТ УДАРОВ ВЕРЕТЕНОМ

Однажды один мужшина лежал в больнице. Мы тогда еще были очень-очень маленькими девочками. И его жену пригласили в больницу, так как он был в плохом состоянии. А ее девочка пригласила меня к себе в товарищи. И мы играли у них дома. И об стол в другой комнате вроде бы веретеном стукнули трижды. Так громко. И у нас на душе стало нехорошо. Я сразу же догадалась, что это орт мерзвецца. И как раз в тот момент и умер в больнице этот человек.

143. КРӨВАТЬ УЛЫН ТОТШКӨДЧӨМ

Коркө тай Людмила висьтавліс, Мальцева Людмила. Олө-маёсь да мужикыс ёна висьмөма. Мужиксө и больничаө нуөдө-маёсь. А найө семьянад узьоны, вой вөлөма. Кулан вояс сэсся и ортыд и Мишаыдлөн и локтөма. Көні узям пө, сійө крөвать улад гөлбөчсыныыл — стук-стук, стук-стук. «Мый нө пө тайө лоөма?» Чеччасны дай мөд крөватьө водасны эня-ныла. Мөд крөватяд водасны, дай бара сэтчө стучитчөма. Ми пө сэсся ен войбыд эг и вермылө унмовсьлыныгө. Сідзи и войыс коли. Асывводэ чеччасны и висьталасны: Людмила пө, Микайлөыд пө кувсьөма больничанын.

То өд кыдэи ортыд петкөдчө вөлөма.

СТУК ПОД КРОВАТЬЮ

Как-то Людмила рассказывала, Мальцева Людмила. Её муж Михаил очень сильно заболел. Отвели его в больницу. Легли с пером спать. И в ночь его смерти и пришел Мишин орт. Там, где они спали, под кроватью в голбце вдруг — стук-стук, стук-стук. «Что это такое?» Встали мать и дочь и легли на другую кровать. Под другой кроватью тоже стучало. Мы, говорит, после этого всю ночь так и не смогли заснуть. Так и прошла ночь. А наутро встали, и им сообщили: «Людмила, Михаил твой умер в больнице».

Вот ведь как, оказывается, **возвещает орт**.

144. ВАРЫШ КЕРКАЫН

Пилисат уджалё пекарняын. А сьлөн мужикыс отсасьё, пекарняас тожё уджалё. А кутшёмкё сэтшём случай лои: ошиньтыс, дзонь ошиньти пырас варыш. Пазодас ошиньтё. А кильчё оэдэс и керка оэдэс гурйив восьса. А паччёртинис сәти шув-шав лэбас и бөр пазалём ошиньтыд петас. Оз оэдэстыд и пет.

А Олексаныд и шуас: «Кутшёмкё тайё урес. Тайё бурёс оз кер. Варыш нё мыйла керкаё дзонь ошиньти пырис?! Васьыд вот, Сатё, мян кодалё да вот сийё мыйкё керсяс. Асьсё кё оэд керас эськё мед да, вот сийё кодёскё мыйкё керас да сийё вот».

Вот ог и тёдё, мый лон. А вот асьсё сэтшёмёс керис. Асьсё виис. Батьсё виис пиыс.

ЯСТРЕБ В ДОМЕ

Фелицата работала в пекарне. А ее муж помогал, тоже в пекарне работал. И такой произошел случай: в закрытое окно влетел ястреб. Разбил стекло. А двери на крыльцо и в дом настежь были открыты. По-над печкой с шумом пролетел ястреб и обратно вылетел через разбитое окно. Не в двери вылетел.

А Александр, муж, и сказал: «Это какой-то урес. Это ничего хорошего не предвещает. Почему ж это ястреб влетел в закрытое окно?! Вот Василий наш, Цата,* пьянствует, и вот с ним-то что-нибудь да случится. Если бы с собой сам что-либо сделал, так бы и пусть, так ведь он кому-нибудь что-то плохое сделает — вот это беда».

Не знали они тогда, что случится. Ему самому плохо сделал Василий. Убил отца сын.

145. ВОРСА ЗВЕРЬ КЕРКАЫН

Коркө тайо зэв нин важон вөлі, война дырйиыс на. Ме вежайо ордын кага видзи. Сэсса купайтчанінысь кайи да Валяос и горшок выло пуксьоді, а ачым заводиті посуда мыськавны. А восьсясян ошинь вөлі да гурйыв восьті дай посуда мыськала, дай сыла. А ме сэки том на зэв вөлі, ар дас кыка кымын сөмын.

Сэсса тай друг ошиньтыд ур пырис. Урыд пырис да ошинь куричьяс вывтыд, да джалжті, да керка гөгөр гөгөртіс, пач вывті дай, одаос дорті дай, сёр вынті муніс дай бөр ошиньтыд петіс.

Рыгнас вежай гөтыр воис дай ме и висьтала, меся, ми ордө талун ур пыраліс. Сійо чөв ланьтіс. Вөлөма кө, вөрса зверьд пө бур водзын либө лёк водзын. Сійо сна повзис.

Сэсса ми сідзик и водім, нинөм сёрниттөг. Мөдлун рытнад сійо локтіс да менсьым и юалө: Агния, уртө тэ видзөдлін эн, кодарө пө муніс? А ме и шуи, меся, ме видзөді да ми ошинь улын вичко выим, меся, вичко дорлань муніс, лунвылө. А сійо сэсса нюмъевтіс дай шуис: лунвылө кө пө урыд муніс, сідзкө пө бур водзын.

Сэсса төкөтышті олыштім да вежайо фронт пылысь воис. Бур водзын и вөлөма! Вөрса зверьясыс пө тай кор керкаад пыралөны - сійо пө шуоны уресөн — сійо пө мыйкө предвещайтө, бур водзын либө жө лёк водзын. А мян тай вот лои зэв бур водзын.

В ДОМЕ ЛЕСНОЙ ЗВЕРЬ

Это было когда-то уже очень давно, еще во время войны. Я нянчила ребенка в доме крестного отца. Пришла я с реки после купания и начала мыть посуду. А окна были створчатые. Я их открыла настежь. Мою посуду и пою. А я тогда была молодой еще очень, лет двенадцать было только.

Вдруг в окно вскочила белка. Белка вскочила и по косякам, да по полкам, да вокруг стен дома кругом обошла, и по печке, около дверей, по перекладине прошла и обратно выскочила в окно.

Вечером пришла моя хозяйка, жена крестного отца, ей говорю, что сегодня к нам заходила белка. Она и притихла. Оказывается, появление лесного зверя либо знаменует нечто хорошее, либо, наоборот, плохое. Она очень испугалась.

И мы так и легли спать, ничего между собой не говоря. На следующий день вечером она пришла и у меня спрашивает: «Ты, Агния, посмотрела ли, в какую сторону ускакала белка?» А я и говорю, мол, я смотрела, она в сторону церкви убежала, в южную сторону. А она после этого улыбнулась и сказала: «Если белка в южную сторону пошла, значит, это к добру».

Потом прошло немного времени, и крестный отец с фронта вернулся. К добру и оказалось! Говорят, когда лесной зверь заходит в дом — его называют урес — это, говорят, что-то предвещает, либо к добру, либо же к несчастью. А вот у нас оказалось перед очень радостным событием.

146. ОРД ЧЕПЛЯЛӨ

Вит челядь воши менам. Вит! Лёк нога кулі ставыс. Кодыс ваё вöйи, код война вылад, кодi додь улö шедлі. Вит, вит челядь менам прöпадитіс. Додь улö пес кыскалігөн шедлі, дас нель арöса вöлі, дас витöд вылын. А пес додь вöлі вайö. Зэв öд збой вöv и вöлі асланым, сэк вöлі единоличной. Сэссия сійö чойöд öдийö лэччöма вöлöм, поведыс лэччö да кын кокыд дай вильснитöма. Сэссия вöлыд и талялöма. А сэтчö и кулöма вöлі чояс. Вит дитя менам лёк ног, висьтала öд, мый нö шогыс и пыдзыртіс быдсөн. Тайö дыр нин ог кув. Мыйла сэки эг кув меся?

Ордыс сійö вольпасяд чепöльтас-а, пывсянад аддзасны, сэссия йöзыд: мый нö пö тайö орд чеплялöма? Оз и доймы ни нинöм, лöz толькö, лöz и кольö. Менö, ок, ёна чеплявлывліс сійö. Шог водзö чеплялö. Ёна шогыд мен унаторыйд вöлі да, лядвей бокъясыд век лöz. Ок, бара пö нин ордыд чепöльтöма! — пывсыны лэччам да.

ОРТ ЦИПЛЕТ

Пять детей я потеряла. Пять! Все не по-хорошему умерли. Кто в воде утонул, а кто на войне погиб, один под сани попал. Пять, пять детей у меня пропало. При возке дров один под сани угодил, четырнадцать лет ему было, пятнадцатый шел. Вез дрова. А конь-то очень бойкий был, свой собственный, тогда единоличное хозяйство вели. И вот он под гору быстро спускался, за повод дер...сь, а обувь мерзлая, он и поскользнулся. Конь его и затоптал. Там под горой он и умер. И поэтому я тогда сама не умерла?

Орт, он на постели щиплет, а в бане это обнаруживают, и говорят потом люди: «Что это тебя орт щипал?» И не больно нисколько, синее только, синяки лишь остаются. Меня ох как много раз щипал он. Перед предстоящим горем щиплет. Горя у меня очсьь много было, так бока у меня все время синие были. «Ох, опять уже орт тебя ущипнул!» — говорят мне, когда в баню пойдем.

147. ПАСЬТӨМ ГӨНА МОРТ

Сыа Тынзелов старик, өсьтяк, висьтавліс. Висьталө, локтё Ва-сяховө вөлөн. Тöлын. А сыйкөд на кык пон. Нильчимө оэджык на во. А вöлыслөн нюхыс өд зэв бур, сійө кылө бура. И друг туй шөрө джом сувтис вöлыс. «Мый тайө, мыйла вөв туй шөрө сувтис, некор оз сувтлы-а?»

Видзөда пө, — висьталө, — а туйсө как раз вуджө этша водзынджык пасьтөм гөна морт. Кня и, кока и, только кык метра кузя ачыс. Вöлыс только ставнас дрöжитө. А понъяс только быд вынсьыс увтöны. А сійө оз и видзөд понъяс вылө, кызэ тай вот лола вылө кор увтöны понъяс, сійө на вылө и внимание оз обратит, мунө только аслас туйөд, сидз жө. Паськыда и шагайтө, өтпырысьөн и шагнитис вöла туйсө. Сидз и муні челикөдыс кыгчөкө, вестас челикөдыс и мунө. Мужик рөд. Найө өд пыр мужик рөд овлөны.

Оз лызьөн-а, топ лызьөн мунө, өдйөн. Гөныс еджыд кодь. Ме топ мөмөйті, и вöлыс шагайтны оз вермы. А сэсся кор муні, матыстчи да забыль туйяс выимось, лызэртөг мунөма. А кок туйясыс комын сантиметра кузя.

НАГОЙ МОХНАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Это старик Тынзелов, хант, рассказывал. Говорит, что ехал он в Восяхово на лошади. Зимой. А с ним — две собаки. Чуть-чуть не доехали до Нильчима. А ведь у лошадей чутье очень хорошее, они хорошо чувят. И вдруг на полпути лошадь как вкопанная стала. «Что это, — думает старик, — почему лошадь на полдороге стала, ведь никогда не останавливалась?»

Смотрю, говорит, а чуть-чуть впереди переходит дорогу нагой мохнатый человек. И с руками, и с ногами, а только сам-то двухметрового роста. Лошадь вся дрожит. А собаки изо всей силы лают. А он и не смотрит на собак, как вот бывает, когда собаки лают на

лося, а тот на них и внимания не обращает, идет себе своей дорожкой, вот так же и он. Широко шагает, санную дорогу в один шаг и перешагнул. Так и пошел куда-то по снежной целине, прямо по целине и идет. Мужского пола. Они ведь всегда мужского пола бывают.

Не на лыжах, а как будто на лыжах идет, быстро так. Шерсть на нем беловатая. Я, говорит, словно онемел, и лошадь тоже не может шагу ступить. А потом, когда он ушел, я подошел — и точно — следы, без лыж прошел. А следы от ног длиной в тридцать сантиметров.

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании собраны тексты коми преданий, быличек, мифов, бытовых охотничьих рассказов, подавляющее большинство которых публикуется впервые, а единичные произведения, взятые из печатных источников, не выходили на русском языке, кроме одного предания «Шыпнча», обнаружить которое в живом бытовании не удалось. Так как значительное большинство текстов записано составителем, собиратель в примечаниях указан лишь тогда, когда запись текста принадлежит не составителю. В комментариях даются основные паспортные данные и кроме того необходимые пояснения и толкования отдельных слов и выражений, встречающихся в тексте, они в тексте перевода отмечены звездочками. В ряде случаев кратко объясняются сами сюжеты и приводятся чаще всего в пересказе варианты, помогающие полнее представить тот или иной сюжет, особенно если он представлен единичным текстом, или показывающие проникновение тех или иных мотивов, образов в различные жанры коми сказочной прозы.

Смысловые переводы на русский язык выполнены составителем сборника.

1. **Шойнаты** (Сторожевск). Записано в 1977 г. от А.П.Нестерова (69 лет), Усть-Куломский р-н, с. Аныб.

Редкий вариант предания о чуди, в котором две воинственных группировки чуди сражаются друг против друга. Предание объясняет происхождение топонима **Шойнаты** (букв. — Озеро-кладбище) — коми название села Сторожевск Корткеросского р-на Республики Коми. Официальное название села — Сторожевск и его коми аналог происходят из разных источников.

Подобное же сведение получено от бывшего учителя села Сторожевск Л.А.Габова (50 лет) в 1978 г. «Когда я работал там (в Шойнаты), жил у одной старушки, и как-то спрашивал, почему так называется (село) и почему «шойна» (кладбище) и почему «ты» (озеро). Оказалось, озеро-то это не в самом Сторожевске, а за рекой, в лесу. Была, мол, чудь. Боролась

с кем-то. Я уж теперь не помню, с кем она говорила. И трупы сбрасывал в озеро».

2. **Чудьяслён клад** (Чудской клад). Записано Е.Г.Жижевой в 1951 г. от В.Ф.Ванесна (59 лет), Удорский р-н, с. Чернутьево. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11. ед. хр. 158, л. 355.

Предание о чуди, убегающей от христианизации и оставляющей после себя богатые клады. **Кар нёрыс** — урочище (букв. — городищенский холм), где жила чудь. **Ыргён гудок** (букв. — медная гармонь) — возможно, однако, что в предании речь идет о более архаическом музыкальном инструменте.

3. **Чуйдъяс** (Чудь). Записано в 1968 г. от М.П.Рочевой (61 год), Тюменская обл., Шурьшикарский р-н, с. Мужки.

Предание о чуди. Типологически сходная интерпретация межэтнических войн. Связано также с пародной этимологией местных топонимов. Коми названия являются кальками с хантыйского языка. В предании воскрешаются какие-то подлинные события из истории хантов, донесенные их фольклорной традицией, однако идентификация древних хантов и чуди, а также указания на чудские ямы произошли уже на коми почве. Таким образом, предание является продуктом совместного творчества коми и хантов.

Хоп-Юх-Пай хант. (букв. — Лодка-Дерево-Остров) — остров, на котором растут деревья для строительства лодок, находится в междуречье Оби. **Большое разорение бы учинили** — физически расправились бы с этим человеком. **Федул Вась** — Василий Федулович. **Пон Горыш** (хант. Амп-Тур) — Горло Собаки — протока в междуречье Оби. **Посмотреть сети** — проверить сети.

4. **Важ йёз туй** (Дорога Важ йёз). Записано в 1966 г. от М.И. Турьева (52 года), г. Сыктывкар.

Предание топонимического содержания об этническом смешении древних народов на верхней Вычегде, связываемое с чудью, или же об истреблении одних другими. Предание довольно стерто. Интересно сопоставить со всеми предыдущими текстами устное сообщение В.А.Ляшева о том, что «на Вишере имеются предания о борьбе чуди голубоглазой с чудью низкорослой с длинными черными волосами» (устное сообщение от 18 апр. 1978 г.). В селе Вотча (Сысольский р-н) мне также удалось зафиксировать в феврале 1963 г. остатки предания о самопогребении чуди в Чудском городище, где якобы погибла не вся чудь. Смуглолицые, низкорослые и черноволосые люди, встречающиеся и по сей день среди коми жителей, якобы являются поколением чуди.

Важ йёз (древние люди) — люди, якобы жившие в этих местах до прихода современного населения.

5. **Весьяс да чудьяс** (Весь и чудь). Записано в 1978 г. от Ю.А. Поповой, г. Сыктывкар.

Редкий вариант предания о чуди, в котором антагонистами еще до начала христианизации в Коми крае выступают два этноса — весь и чудь, причем робкой, неразумной, типа пошехонцев, весь противопоставляется трудолюбивая, смекалистая чудь. Чтобы не допустить к своему жилью крестителя Стефана Пермского с его войском, чудь перегородивает реку Вишеру камнями и выставляет форпост, который в случае необходимости обязан известить большим костром о приближении противника. В предании упоминается также имя известного собирателя коми древностей А.С.Сидорова.

Веськодь (букв. — как весь) — не стоит внимания; **весьпöрны** (букв. — превратиться в весь) — обомлеть от испуга; **весьöвошны** (букв. — пропасть среди весей) — пропасть зря; отождествление понятий весь (этноним) и весь (зря, напрасно) произошло по народной этимологии. **Висер** — коми название села Богородск. **Джиян** — коми название дер. Ивановской. **Гаялбöж** (букв. — конец гальки) — название участка реки, где копаются мелкие камни и начинаются пороги. **Кывтыд шор** (букв. — ручей, находящийся ниже по течению реки) — микротопонимы с формантами **кывтыд** (ниже по течению реки) и **катыд** (выше по течению реки) очень широко бытуют у коми. **Гаялыв** (букв. — место, изобилующее галькой) — название участка реки. **Видчанвом шор** (букв. — ручей Ругательный рот) — микротопоним. **Виччысянвом шор** (букв. — ручей Устье ожидания) — по информатору, исходя из данного предания, так следовало бы назвать ручей Видчанвом. **Ягвыв** (букв. — боровое место) — урочище, по коми преданию чудь чаще всего селилась именно в таких местах.

6. **Чудьяс йылысь** (О чуди). Записано в 1978 г. от Ю.А.Поповой (82 года), г. Сыктывкар.

Предание, опирающееся на устойчивое прозвище жителей с. Большелуг как потомков древней чуди. **Ыджыдвидз** (Большой луг, покос) — коми название с. Большелуг. **Чуб ты** (озеро Чуб) — название бывшего озера, которое, по информатору, первоначально должно было называться озеро Чудское.

7. **Мича ичмонь йылысь** предание (Предание о Мича ичмоне). Записано Ф.В.Плессовским в 1948 г. от В.Е.Коскокова (69 лет), Удорский р-н, дер. Латьюга. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 187, л. 262.

Предание о чуди топонимического характера. Чудь-язычники изображаются как оленеводы, паличие оленей в хозяйстве которых являлось решающим фактором их существования.

Мича ичмоня (букв. — с красивой молодухой) — название бора.

8. **Чудь мыльк** (Чудской холм). Записано в 1978 г. от А.К.Лавлинской (57 лет), Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Топонимическое предание, связанное с чудью-язычниками, жившими в ямах, часть которых бежала в леса от насильственной христианизации.

Кар мыльк (холм-городище) — урочище недалеко от с. Богородск, где, по преданию, жила чудь. **Сапöга ёль** (букв. — ручей с сапогом) — название лесной речки, в которой убегающая чудинка якобы потеряла сапог. **Типö сикт** — коми название дер. Троицк. **Сисьпаса ты** (букв. — озеро с гнилой шубой) — название озера недалеко от дер. Троицк, в которое чудинка, убегая, якобы сбросила свою шубу. **Одыб** — коми название с. Нившера. **Рыся-нöкъя шор** (букв. — ручей с творогом и сметаной) — название ручья, в котором, по сообщению местных жителей, эта же чудинка опрокинула и разлила туссок со сметаной и творогом. **Ныв шор** (букв. — ручей девицы) — название ручья, на многие лады (см. далее), но довольно упорно повторяющаяся народная этимология названия реки Нившера.

9. **Нившера** (Нившера). Записано в 1978 г. от А.В.Михайловой (55 лет), Корткеросский р-н, с. Нившера.

Топонимическое предание о бегстве чуди и о гибели одной чудинки на перекате реки Нившера. **Нывв коськ** (букв. — перекат с поровом) — участок реки с этим названием; этимология слова в настоящее время неясна, очевидно, поэтому у местного населения упорно держится мнение о том, что это искаженное слово (ныв—девица).

10. **Чудь йылысь** (О чуди). Записано Е.Г.Жижевой в 1951 г. от Е.И.Селипановой (70 лет), Удорский р-н, с. Черныб.

Предание об убегающей чуди, в котором имеется мотив о крупнозернистой ячмени, которую выращивала чудь на месте их прежнего жительства. **Мозын** — коми название реки Мезень.

11. **Степан Пермской йылысь** (О Стефане Пермском). Записано Г.А.Федоровым в 1946 г. от С.Н.Максарова (64 года), Княжпогостский р-н, с. Шошка, Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 93, л. 62–63.

Одно из наиболее устойчивых преданий о крещении древних коми-чуди Стефаном Пермским. Рассказ о строительстве собора Стефаном Пермским на месте срубленной им священной березы древних пермяк встречается уже в «Житии св. Стефана Пермского», написанном Елифанием Премудрым в XV веке. Мотивы плавания по Выми на каменном плоту и рубки «прокудливой» березы древних коми Стефаном Пермским сближают предание с легендами.

Емва — коми название р. Вымь. **Кока туисöн ветлавны** (букв. — с тусском на ножках ходить) — побираться, просить милостыню. **Емдин** — коми название села Усть-Вымь.

12. **Чудопольской деревня** (Деревня Чудопольская). Записано в 1984 г. от Н.П.Лодыгиной (79 лет), Сыктывдинский р-н, с. Выльгорт.

Сюжеты о самопогребении чуди в специально выкопанных ямах являются наиболее популярными в фольклоре коми-зырян. Местные жители, как правило, точно указывают местонахождения этих ям. Чудь в данном варианте изображена как жители леса, боящиеся людей и не желающие вступать в контакт с ними.

13. **Пуысь вöчöм идолъяс** (Идолы, сделанные из дерева). Записано в 1977 г. от Г.И.Чуэъярова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Вариант предания о самопогребении чуди, где чудь считается пришлым населением. Описание молений деревянным идолам служителей языческого культа, а также веры чуди в то, что они приносили удачу в охоте, оберегали от несчастий, очевидно, информатор привнес в традиционный сюжет из каких-то не местных источников.

Ольöшина яг (букв. — бор Алёпин) — урочище, сосновый бор, где имелись чудские ямы; ныне эти места смыты р. Вычегдой.

14. **Чудьяс йльысь** (О чуди). Записано В.В.Тиминым в 1966 г. от С.П.Париева (55 лет), Удорский р-н, с. Ертома. Архив КНЦ УрО РАН ф. 1, оп. 11, ед. хр. 291, л. 166.

Редкий вариант предания о чуди, погибшей из-за неурожая, которые имели место семь лет подряд. Этот мотив также, как мотив поисков золотого клада, оставленного чудью, по-видимому, более поздний. Это подтверждает и тот факт, что, по преданию, на месте чудских землянок до сих пор сохранились печные (!) трубы.

Сюрлöны... морт юръяс (букв. — попадают... человеческие головы) — речь идет, конечно, о черепах.

15. **Пиньтöм тöдысь** (Беззубый знахарь). Записано в 1978 г. от Ю.А.Половой (82 года), г. Сыктывкар.

Предание о заговоренных чудских кладах. По верованиям коми, знахарь, лишившийся зубов (мотив, часто встречающийся в коми быличках), лишается колдовских (знахарских) способностей. Так, по устному сообщению Н.Д.Конакова (Материалы этнографической экспедиции на верхнюю Печору в 1976 г.), на верхней Печоре считается, что «колдун, у которого выпали зубы, уже не может сам колдовать». Еще категоричнее заявила нам об этом клубный работник с. Керчомья (Усть-Куломский р-н) Л.С.Нестерова во время Верхне-Вычегодской фольклорно-этнографической экспедиции в июне 1977 г.: «Öтик пинь кö оз тырмы, тшыкöдны оз вермы» (если не хватает одного зуба (у колдуна), он уже не сможет наслать на кого-либо порчу). Однако «современные колдуны», судя по рассказу Н.П. Бульшева (47 лет), записанному в с. Керчомья в это же время, нашли довольно оригинальный способ преодолеть свой физический недостаток: «Если зубов нет, все равно можно портить (т.е. заниматься порчей). Надо в этом случае положить на голову серп, и тогда все можешь испортить, что захочешь».

Интересно отметить тот факт, что и у хантов, древние верования которых так же, как у коми, не позволяют шаманить беззубым старикам, «восстанавливают свои шаманские способности». Об этом говорит рассказ, записанный нами в марте 1974 г. от А.А.Чупрова (33 года), Тюменская обл., Шурышкарский р-н, с. Овгорт. В хантыйских юртах Мугорт живет один хант, зовут его Няр Ох Ефимка*. И он очень своеобразный человек.

У него есть личные олени, и этим он живет, а летом вдобавок ловит рыбу (для пропитания). Он вот тоже точь-в-точь как шаман. А как-то раз он специально съездил в Мужжи* для того, чтобы вставить там зубы. У хантов ведь так: если шаман состарится и будут выпадать зубы, то ему уже нельзя будет шаманисть, не будет действовать камлание. И видишь ли, у Няра Ох стали выпадать зубы — он ведь уже не молод, — а хитрый ведь он, и поехал в Мужжи, вставил новые железные зубы и дальше продолжает шаманисть.

Няр Ох (букв. — лысая голова) — прозвище шамана. Мужжи — райцентр Шурышкарского р-на, находящийся в 90 км от Овгорта.

16. **Катша сикт** (Деревня Катша). Записано в 1977 г. от Н.П. Бульшицева (47 лет), Усть-Куломский р-н, с. Керчомья. Рассказ велся и записывался на русском языке.

Предание о чудесном кладе чуди, охраняемом деревом. **Катша сикт** (букв. — деревня Сорока) — название части с. Керчомья.

17. **Чудьяс** (Чудь). Записано в 1977 г. от Н.П. Бульшицева, Усть-Куломский р-н, с. Керчомья.

Предание о чуди. Чудь изображается как ватага (дружина), развез-жающая по Вычегде на лодке. Интересно, что в анекдоте, также связанном с этой темой, Н.П. Бульшев упомянул берестяную лодку чуди. «Чудьяс локтасын скомод пыжон...» (Чудь приплыла сюда на берестяной лодке). О наличии берестяных лодок у коми есть сведения и в письменных источниках. В города Устюг Великий и Сольвычегодск приплывали с Вычегды и Печоры «берестяные каючки» (Таможенные книги Московского государства XVII века. М., 1961, т. 2).

18. **Камбал яг** (Бор Камбал). Записано в 1977 г. от В.А. Ракина (71 год), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Контаминация по крайней мере трех преданий о чуди, о разбойниках и о местном, деревянском герое Тунныръяке (см. №№ 54–55). Явным анахронизмом является слияние чудских мотивов с разбойничьим эпосом: шайка разбойников во главе со своим атаманом грабит богатых купцов, пользуясь при этом огнестрельным оружием; им противостоит отряд (армия!) из Москвы, в чем, очевидно, отразились подлинные исторические события середины XIX века, когда на подавление известного Усть-Куломского восстания был послан из центра карательный отряд. Чудь же обычно изображается как безликая масса, воюющая копьями (см. № 17).

Урал сайысь купечьясыд (купцы из-за Урала) — речь идет, конечно, о чердынских купцах, торговавших хлебом с Коми краем. **Камбал яг** (бор Камбал) — название урочища (бора), где, по преданию, скрывались разбойники-чудь. **Ог помнит нимсö** (Не помню имени) — информатор запомнил имя предводителя разбойников, когда я предположительно под-сказал имя героя местных преданий Тунныръяка, он обрадованно подтвердил это. **Нöрыс сикт** (букв. — деревня-бугор) — название части с. Деревянск. **Селев му нöрыс** (букв. — поле Селева на возвышенности) — уро-

чище, где, по преданию, захоронен Тунныръяк. **Няня пуля** (букв. — пуля с хлебом) — в коми быличках одна из наиболее распространенных сильнодействующих средств в «борьбе» человека с мифологическими существами. **Петук вѳв** (букв. — лошадь-петух) — чудесное существо, лишь с его помощью, по преданию, можно найти клад чудн; информатор не знает, что это такое.

19. **Чуйд гуяс** (Ямы чуйдов). Записано в 1974 г. от А.Л.Хозяинова (45 лет), Тюменская обл., Шурышкарский р-н, с. Мужи.

Быличка о таинственных ямах, около которых человека «водят». В тексте чудь не упоминается, но подчеркивается, что в этих ямах некогда «кто-то:» (какой-то народ) жил, а это чаще всего связывается у коми с чудью. **Чуйд гу** — возможен двойкий перевод этого выражения: 1. Чудская яма; 2. Яма, которая пугает. **Гӧгрӧс пугыр** (букв. — круглый пугор — название урочища; пугором на нижней Оби называют острова в междуречье Оби, покрытые материковой растительностью. **Поп пугыр** (букв. — поповский пугор) — название урочища. **Сор** — заливное озеро. **Сни водвад** (букв. — перед твоими глазами) — очень близко, под самым носом.

20. **Важъяс помлась** (О древних). Записано в 1967 г. от В.И. Канева (70 лет), Тюменская обл., Березовский р-н, д. Цекурья.

Быличка о предках коми, связываемых с одной стороны с находками окаменелостей животных (мамонт, белемнит), с другой — с мифологическими существами (ср. также — на нижней Вычегде белемнит называется **чудчунь** «палец чуди»).

Лешака челья (букв. — круча, на которой обитает леший) — название урочища. **Куль чунь** (букв. — палец водяного) — белемнит.

21. **Федор Тирон** (Фёдор Тирон). Записано в 1982 г. от М.Г. Мартошева (52 года), Сыктывкар.

Историческое предание. Крестителем коми в преданиях обычно является Стефай Пермский, лицо историческое, на Печоре же, откуда информатор родом, его деятельность приписана герою фольклора. **Ӧстякъяс чужӧм сертыяс коми кодь — гырысь тушаа, светлӧй юрсиа** (Остяки, т.е. манси или ханты, — по облику такие же, как коми — рослые, со светлыми волосами) — наукой уже установлено, что восточные угры менее монголоидны, чем ненцы, но все же они более низкорослы и черноволосы, чем коми; среди коми на Печоре известны фамилии Остяковы, возможно, это обстоятельство сыграло роль в портретной характеристике угров информаторами. **Сувтса синма** (букв. — со стоячими глазами) — т.е. острый, пронзительный взгляд.

22. **Карачи тышкасьӧны ӧсьтякъяскӧд** (Карачеи сражаются с остяками). Паспортные данные см. № 21.

Предание о борьбе **ненецкого** рода Харючи с угорскими племенами. Сюжет близок к коми вариантам преданий о вожде ненецкой бедноты Валуи Пиеттомнне. См. Межнациональные связи коми фольклора и литерату-

ры (Труды ИЯЛИ, вып. 21). Сыктывкар, 1979, с. 16–30. Сюжет этот, видимо, значительно древнее, чем события, связанные с именем Ваули Пистгомина (середина XIX в.)

23. **Васьёс Вийём шор** (Ручей Убийства Василия). Записано в марте 1981 г. от М.А.Жилиной (50 лет), Княжпогостский р-н, с. Турья.

Историческое предание. **Кар яг** (Городищенский бор) — урочище за рекой напротив Турьи, где, по преданию, был убит князь Василий.

24–25. **Пера-багатырь** (Пера-богатырь). **Ён морт Пера** (Богатырь Пера). Записано корреспондентами А.С.Сидорова в середине 20-х годов, очевидно, на верхней Вычегде. Оригиналы хранятся в архиве Сидорова, папка 2, лл. 336, 196–199.

Коми пермицкие предания. Сюжет бытует и в Усть-Куломском районе. **Кык киа палич** (бука. — палка с двумя руками) — палка, которую соперники, усевшись друг против друга, тянут на себя обеими руками. **Чеччас кыскасьёмьыс** (бука. — вскочил от перегитивания) — очевидно, описка, должно быть «чөвччас» (перестал, прекратил). **Снимает кожу с головы и убивает вшей зубами** — мотив, часто встречающийся в данном сюжете: образ, очевидно, навеян обычаями угорских народов; здесь он выступает как повод для осуждения, разоблачения персонажа. **Розь туй** (бука. — дорога-дыра) — название какой-то дороги по болоту. **Жутолы нёзё** (бука. — разбивать людей) — т.е. давить, накатываясь на людей, втоптывая их.

26. **Йиркап** (Йиркап). Записано Г.А.Федоровым в 1946 г. от В.А.Пархачева (75 лет), Княжпогостский р-н, дер. Синдор. На коми языке опубликовано в кн.: «Коми мойдъяс, сьыланкышъяс да пословицаяс». Сост. Ф.В.Плессовский, Сыктывкар, 1956, с. 150–151.

Предание локализуется в дер. Синдор. Вариант весьма близкий к этому и опубликован А. Маеговым (см. Варыш. «Из легенд коми народа. Йиркап». — «Коммунист», 1924, № 7–10, с. 70) автор якобы слышал от вишерца, но бытование этого предания на Вишере не подтверждается. Как большинство коми преданий, данное насыщено фантастическими элементами (говорящее дерево, истекающее кровью при ударе топором; голубой олень; чудесные превращения; сказочная скорость бега на лыжах), действия героя часто обусловлены наличием каких-либо мифологических персонажей (колдунья), сам же герой — остой охотник, лишь обладатель чудесных лыж.

Синдор (бука. — место около озера Сим) — коми название дер. Синдор. **Сибир-Из** (бука. — сибирский камень) — коми название Уральских гор. **Сим ты** (озеро Сим) — коми название Синдорского озера. **Йиркапув** (ув — место, находящееся ниже чего-либо. Йиркап — имя героя предания) — название урочища, около которого, по преданию, утонул Йиркап.

27. **Йиркап** (Йиркап). Записано К.Ф.Жаковым в конце XIX в. Архив ВГО, Р. 53, оп. 1, № 118, л. 8–9.

Вариант предыдущего предания.

Лыжину сделал (собств. — лыжи...) — но по предыдущим вариантам, чудесной у героя была только одна лыжа; и здесь также по контексту — простая лыжа тонет, чудесная же улетает и втыкается в пеню на свое прежнее место.

Сім ты — татысянь 300 верст (до озера Сім отсюда 300 верст) — предание в наше время локализуется в дер. Синдор; где оно было записано К. Жаковым, установить довольно трудно, но пункт этот, по рассказчику, удален от Синдорского озера на 300 км; возможно, это с. Кони, в котором, согласно преданию, жил герой и от которого до оз. Синдорского по рекам расстояние немногим менее названной цифры. **Мёд йёма вёлёма** (была другая ёма) — ёма (здесь: злая колдунья) — неясно, то ли речь идет еще об одной колдунье, то ли о мачехе Йиркапа, которая действует заодно с первой колдуньей, (**Йиркапыслён — К.Ж.**) — пояснения в скобках в тексте оригинала принадлежат К.Ф. Жакову. **Юкталас Йиркапсё, петалас** (напоила Йиркапа, выходила) — т.е. мачеха напоила Йиркапа вином, смешав его ополосками, которые она добавила в вино, выйдя из дому так, чтобы этого не заметил герой. **Чег** (хрупкий) — очевидно, редкая диалектная форма причастия от **чегъясьысь** (хрупкий, ломкий).

28. **Маджаса кёдзыд рок сёйысьяс** (Холодную кашу едятщие маджинцы). Записано в 1977 г. от Г.И. Чувъяорова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Деревяник,

Предание локализуется в с. Маджа и в его окрестностях. Популярный сюжет о расправе односельчан над богатырем Юркой, беззащитно пасущим общинный скот. Маджинцы якобы после этого получили прозвище «кашееды», и благодаря этому прозвищу предание распространилось довольно широко.

29. **Тшакы да гобы** (Тшакы да гобы). Записано в 1971 г. от Нестеровой Лии (27 лет), г. Сыктывкар.

Вариант предыдущего предания. Юрка — имя героя, этимология слова неясна, ср. Йиркап, где первая часть слова йир (омут) созвучно юр. Как известно, оба героя нашли свою кончину в глубоких озерах (в омутах?). **Тшакы да гобы** (букв. — грибы пластинчатые и грибы губчатые) — формульный ответ Юрки на вопрос односельчан о том, что он несет в пестере; обычно информаторы подчеркивают, что спрашивающие и так знают о ложном ответе Юрки, ибо из пестера капает свежая кровь, но разоблачить обманщика не решаются — слишком тот силен. Необычная для коми языка форма **тшакы, гобы**, вместо **тшакъяс, гобъяс**, подчеркивает отрицательное отношение населения к герою как к **кыдъя роч** (букв. — русский с высеvkами) — так говорят о коми, смешивающем родной язык с русским.

30. **Маджаса Юрка Иван** (Маджинский Иван-Юрка). Записано в

Вариант предыдущего предания, с привлечением ряда деталей, удостоверяющих подлинность событий (имя, фамилия, дом, где он жил и т.д.).

Знатной (знатный) — здесь: сильный, крепкий. **Сретения-Сергея** — праздник местной церкви Сретения Господня, 2 февраля. **Юркаис сийо грозной, ён** (Юрка — это значит грозный, сильный) — попытка информатора семантически осмыслить слово юрка; такая трактовка едва ли может быть принятой.

31. **Юркалõи поколеннеыс кольõма на** (Поколение Юрки осталось). Записано в 1966 г. от М.И.Турьева (58 лет), г. Сыктывкар.

Предание нового цикла о Юрке, о его поколении. Известно, что у Юрки не было семьи, но считается, что остались кропные родственники, через которых передалась богатырская сила **рода** Юрки. Наличие большой физической силы наследники Юрки тщательно скрывают от посторонних, как бы помня о том, что случилось с их **могучим** предком.

32. **Юркалõи поколение йылысь** (О поколении Юрки). Записано в 1969 г. от М.И.Турьева (61 год), г. Сыктывкар.

Предание из цикла о поколении Юрки. Мотив «сильнее коня» чрезвычайно популярен в коми фольклоре, его соотносят со многими местными героями, которым приписывают богатырскую силу (см. далее).

33. **Кõмтõм Мартын** (Босой Мартын). Записано в 1976 г. от П.А. Чупрова (44 года). Тюменская обл., Цурьшкарский р-н, с. Мужы.

Предание, распространенное по всему ареалу обитания ижемских коми. Очевидно, и в Тюменскую область завезено ижемцами-олениводами. Главная отличительная черта героя — его **закаленность**.

Вына морт (сильный человек) — информатор рассказывал на русском языке, но подчас вставлял коми фразы. **Саран туй** (Зырянская дорога) — местное название Сибиряковского тракта, ведущего с Печоры через Саранпауль на Мужы. **Гõрдей туй** (бука. — Гордеева дорога) — название одной из лесовозных дорог недалеко от Мужей. **Гõрдей туй тай выинь** (Знаешь ведь, есть Гордеева дорога). **Чалка** — трос, канат, с помощью которого зачаливают судно. **Каюк** — большая крытая лодка. **Мартын моз жõ сёяи, он и пõтлы.** — Как Мартын же ешь, насытиться никогда не можешь. **Ош кутõма мõсьяс травитыи...** — Медведь как-то стал коров задирает постоянно, так он взял медведя за уши и припугнул. Вот какой он сильный был человек.

34. **(Мартын и ош)** (Мартын и медведь). Записано А.К.Микушевым в 1958 г. от А.Е.Ануфриева, Ижемский р-н, с. Мохча. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 196, л. 319.

Вариант предыдущего предания, в котором более конкретно говорится о том, как Мартын расправляется с медведем. **Ласта** — деревня в 12 км от с. Ижма.

35. **Полтора-Вань.** Записано в 1971 г. от В.П.Нехорошова (22 года), г. Сыктывкар.

Рассказ-быль о местном силаче, офольклорившийся под влиянием преданий о силачах. **Гам** — село в Ижемском районе. **Полтора-Вань** — прозвище героя, по-коми его еще называют **Ыджыд Вань** (Большой Иван). Рассказ записан на русском языке.

36. **Ёи Вась** (Богатырь Василий). Записано Г.А.Фёдоровым в 1946 г. от В.А.Кучменева (68 лет), Княжпогостский р-н, с. Турья. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 94, л. 103–104.

Предание о вымском богатыре Василие. Прототипом героя послужило, вероятно, лицо историческое, а именно вымский князь Василий. Об этом предании и о существовании вымских князей писал еще А.С.Сидоров. (См. А.С.Сидоров. Памятники древности в пределах Коми края. — «Коми му». 1924, № 7–10, с. 59).

Кар Яг (букв. — бор, где был город) — урочище, место, где, по преданию, Василий хотел выстроить город; напоминает места чудских поселений.

Виём кётшас (букв. — излучина, где произошло убийство) — урочище, по преданию, место убийства веслянцами богатыря Василия. **Помледэ** — посни коз помоль, (помледэ — мелкий ельник) — пояснение собирателя. **Дём улас пöгреб** (под домом погреб) — подземные кладовые в виде ступенчатых отверстий, ведущих в подземелье — мотив часто встречающийся в коми преданиях, в частности, о чуди. **Насек-мёлот** (насека-молоток) — пояснение собирателя.

37. **Пахом Степан** (Степан Пахомов). Записано в 1978 г. от И.В. Михайлова (45 лет), Корткеросский р-н, с. Нившера.

Предание о местных силачах. Герой — реальное лицо, но рассказы о нем испытали сильное влияние локальных преданий о богатырях. Ср. например, традиционный мотив «сильнее коня».

38. **Иван Матвей** (Матвей Иванов). Записано в 1978 г. от Е.А. Михайловой (73 года), Корткеросский р-н, с. Нившера.

Вариант предыдущего предания. Хотя речь идет о разных героях, прототипом их является одна и та же реальная личность. **Ыджыд Ягвыв** — часть села Нившера.

39. **Ыджыд Ёгор да Дзоля Ёгор** (Большой Ёгор и Малый Ёгор). Записано в 1978 г. от Ю.А.Поповой (82 года), г. Сыктывкар.

Предание о силачах-первопоселенцах.

Видласьпы (букв. — осматриваться) — осматривать новые места на предмет заселения. **Трак-трак вöчас** (букв. — трях-трях сделает) — подбрасывая, встряхнул несколько раз.

40. **Гулень** (Гулень). Записано И.В.Изьюровым в 1927 г., исполнитель не зафиксирован, место записи не указано. Запись произведена на русском языке, текст хранится в КРКМ, инв. № 185, л. 1–4. Печатается без изменений, редакционной правке подверглась кое-где лишь пунктуация оригинала.

Предание, близкое по сюжету к преданиям о Юрке.

Поз-ты-керос (гнездо-озеро-гора) — село Полятыкерос Корткеросского района; этимология слова народная, ср. и **Гулень**, герой предания, жил на дереве в гнезде. **Гулень** (по-русски «обжора») — этимология слова неясна, объяснение, данное собирателем, не подтверждается. **Теленков** — по-видимому, теленка. **Две жерновы** — два жернова. **Никак не могли затопить** — никак не могли утопить. **Развяжите завязку на ногах** — неясно: то ли речь идет о пугах, то ли о завязке, шнурке как принадлежности туалета героя; последнее правдоподобнее, так как в коми преданиях часто встречается, например, мотив: пока не перерезан гашик героя, он неуязвим. **Гулсь госа рок** (букв. — каша, приготовленная на жиру Гулень) — пропуски в тексте оригинала принуждают нас к осторожности в толковании этого места.

41. Ошпель (Медвежье Ухо). Записано в 1976 г. от Ф.Е. Чупровой (70 лет), Тюменская обл., Шурьшкарский р-н, с. Овгорт.

Предание, действующими лицами в котором выступают и персонажи изшедшей мифологии. Смешение признаков предания и былички — довольно обычное явление для коми несказочной прозы.

Ошпель (букв. — медвежье ухо) — прозвище героя местного предания. **Сера Семко Гриша** (букв. — рябой Григорий Семенович) — прозвище местного владельца кабака. **Соим** — лесной ручей, впадающий в реку.

42. Ульянов Олексан (Ульянов Александр). Записано в 1977 г. от Г.И. Чувьюрова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Предание о местном силаче, прототипом которого является человек, в самом деле живший в недавнем прошлом в Деревянске, однако уже одно наличие традиционного мотива «сильнее коня» говорит о том, что рассказ этот следует отнести к циклу преданий о силачах.

Ва вежодігён (при освящении воды) — в водосвятие (неясно, о каком водосвятии идет речь, как известно, оно было не в марте, а 19 января). **А сийёсыд вёвлань петё** даже (а хомут-то в сторону лошади даже выходит) — воз с навозом движется быстрее, чем сама лошадь, т.е. герой сильнее лошади.

43. Трёк Самей (Трэк Самей). Записано Ф.В. Плесовским в 1948 г. от И.В. Жданова, Удорский р-н, с. Кослан. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 187, л. 91–92.

Предание о местном силаче. Вариант опубликован (см.: «Образцы коми-зырянской речи». Сост. Т.И. Жилина и В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1971, с. 236–237). Опубликованный вариант позволяет уточнить мотив «острой косы». Приводим предание полностью в переводе составителей.

«В верховьях реки Лопи, на версту выше деревни Лоптюги, как рассказывали старики, жил Строк Самей, богатырь. Он обладал такой силой, что на косьбе не правил косы точильным бруском. Однажды, когда

он спал, кто-то из деревни Лоптюги решил над ним подшутить: сходил и отточил его косу брусом. Наутро Строк Самсёй встает, принимается косить. По-прежнему с размаху ударяет косой, а она из-за остроты лезвия срывается и летит над деревьями. «Ох, и подшутили надо мной лешие!» (хотя сам он был лешим).

По одну сторону того места, где проживал Строк, протекает Строкова речка, по другую сторону — болото, а между ними теперь пашенная земля под названием «Строково поле».

44. **Юаныб** (Юаныб). Записано Ф.В.Плесовским в 1948 г. от И.В. Жданова. Удорский р-н, с. Кослан. Архив КНИЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 187, л. 92.

Предание о силачах сестре и брате. Вариант опубликован (см.: «Образцы коми-зырянской речи». Сост. Т.И.Жилина и В.А.Сориачева. Сыктывкар, 1971, с. 235–236). Этот текст в переводе составителей приюдим полностью.

«В верховьях Вашки, в сорока пяти верстах от Лоптюги, на берегу стоит избушка (старую избушку все подновляют), которую называют Юаныб. Там, рассказывали старые люди, жил богатырь со своей сестрой. В низовьях Вашки, в Погосте, у него была подруга сердца, такая же рослая и крепкая, к которой он ездил очень часто. От Юаныба до Погоста на Вашке будет более двухсот верст. Богатырь этот проплывал на лодке, как по течению, так и против течения, за час времени. Силы у него было так много, что при каждой гребке под днищем лодки проглядывало солнце. После возвращения от своей подруги он спал по двое суток таким богатырским сном, что никто не мог его разбудить. Богатыря никто не мог победить. Однажды, когда он спал, около избушки собрались мужики с неводом с намерением убить его. Сестра его в это время пекла хлеб. Увидев мужиков, она хотела разбудить брата. Взяла иголку и стала колоть ею тело брата, чтоб он проснулся. А брат только отмахивался, приняв за комариные укусы. Так она и не смогла разбудить брата. Сестра его сильно перепугалась, вынула из печи хлебцы и горячими положила за пазуху. Выходя из избы, она одной рукой столкнула в речку бочку с золотом, которая стояла на берегу, и сама убежала в Яренск. Бежала так быстро, что по приходе в Яренск хлебцы за пазухой были еще горячие. На Яренск до той поры не было дороги, и сестра богатыря, когда бежала туда, одной рукой делала затесы на деревьях. По этим затесам впоследствии была проложена дорога на Яренск».

45. **Ярук Иван** (Иван Яруков). Записано Ф. В. Шадриным в 1946 г. от С.А.Туркина (40 лет), Сысольский р-н, с. Визинга.

Предание. Топор (нож, коса и т.п.), которого боятся лешие, в коми быличках — один из наиболее употребительных оберегов при встрече человека со сверхъестественными существами.

Пон (букв. — конец) — название части села.

46. **Пармен** (Пармен). Записано в 1978 г. от А.А.Поповой (50 лет) и М.Н.Попова (18 лет). Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Пармен — очевидно, произведено от фюрмы Парамон; имя это встречается единственный раз и, очевидно, по ошибке информанта: прозвище первопоселенца обычно Пар, и подразумевается, что это человек, прибывший из дер. Паркерос Нёбдинского сельсовета.

47. **Пар мыльк** (Гора Пар). Записано в 1978 г. от А.К.Лавлинской, Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Предание о богатырях-первопоселенцах деревни **Лымва** и возникновении ее названия.

48. **Кон Пель** (Федор Кондратьевич). Записано в 1981 г. от Д.И.Ланина (80 лет), Княжпогостский р-н, дер. Отлы.

Распространенное на Выми предание о ловком и удачливом охотнике. В год записи были живы еще две его дочери, которые тоже с удовольствием рассказывали об отце-охотнике. Имя однако настолько офольклорилось, что разные рассказчики спокойно приписывают ему деяния, известные по фольклорным источникам, например, он врукопашную одерживает верх над медведем; в беге догоняет волка; несет на себе 700-килограммовую лодку; если сам не может стронуть воз, то его лошади это тем более не под силу. **Турья Ыб** — коми название деревни Онежье. **Кока** (букв. — с ногами) — быстроногий, на Выми прямо-таки культ быстроногих, причем всегда это свойство реализуется на охоте. **Топыд яя** (букв. — плотнотелый) — так обычно характеризуются люди с необычайной силой.

49. (В селе **Шежаме** — • **Балине**). Записано и опубликовано Ф.Чукичевым на русском языке в журнале «Коми му», 1926, № 1–2, с. 78.

Историческое предание о защитнике беднейших слоев коми крестьянства. Герой предания — лицо историческое. О его роли в руководстве крестьянскими волнениями см. статью П.Г.Доронина «Волнения вымских крестьян в 30–50 годах XIX века» — «Войвыи колзув», № 6, 1955, с. 59.

50. **Сни пёла морт** (Одноглазый человек). Записано в 1974 г. от А.Л.Хозяинова (45 лет), Тюменская обл., Шурышкарский р-н, с. Мужи.

Предание. Посредником между мифологическими существами и человеком в быличках коми обычно выступает либо знахарь, либо человек, чудесным образом получивший доступ к миру сверхъестественного. Так, А.А.Чулфов (30 лет), по его словам, якобы обрел способность общения с **урес** (дух, двойник человека, который, по повериям, ходит среди людей перед смертью кого-либо) после того, как во время похорон случайно прошел под гробом покойника (см. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 173, л. 18). В данном случае посредником является конкретный человек, который отмечен печатью сверхъестественного — он родился с одним глазом, но в одном глазу у него сосредоточилась сила двух глаз. **Ханты Мужн** — деревня, находящаяся неподалеку от села Мужи.

51. **Сёськаса старик** (Старик из Шошки). Записано Г.А.Федоровым в 1946 г. от В.А.Кучменева (68 лет), Княжпогостский р-н, с. Турья. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 93, л. 105–106.

Легенда об охотнике-знахаре, силой своего волшебства способного заставить двигаться парты самостоятельно.

52. **Дарук Паш** (Дарук Паш). Записано Н.Д.Конаковым в 1977 г. от С.П.Остякова (77 лет), Троицко-Печорский р-н, с. Пукча.

Предание о знаменитом печорском колдуне, который якобы силой своего колдовства сумел перенести за одну ночь свой пятистенный дом на расстояние 40 км вниз по реке. Несколько иная версия приводится В.Варсанюфьевой в очерке «На Ильче» (см. «Коми му», 1926, № 3, с. 19), где говорится, что у Дарук Паша в услужении было сто чертей, которые и делали за него все чудеса. «Под властью Дарук Паша находилось сто чертей, которые служили у него на посылах и могли исполнять все его желания. Но эти деятельные черти не терпели праздного времяпрепровождения и постоянно требовали от хозяина новой и новой работы, так что он не знал ни отдыха, ни срока. Только поздно вечером мог он отвести душу за бутылкой водки, вместе со своими верными слугами. Его жена будто бы рассказывала о том, что он входил в избу с целой четвертью водки и садился за стол. Слышно было, что с ним вошла целая толпа. Он угощал своих приятелей, беседовал с ними. Четверть быстро пустела, но никого, кроме Дарук Паша, не было видно. Бедная жена не могла выдержать этих ужасов и покинула своего супруга. Однажды, когда Дарук Паш совсем не мог придумать, чем занять своих чертей, они заставили его в одну ночь разобрать промысловую избу, сплавить ее на 20 верст ниже и поставить на новом месте. Когда солнце всходило, новая изба была готова, печь собрана и затоплена. Об этом мисе рассказывали несколько человек и каждый из них готов был поклясться в том, что это истинная правда».

Как видим, образ Дарук Паша в первые годы после его смерти (умер он в 1922 г.) и по происшествии 55 лет значительно отличается: он чудесным образом «переносит» уже не промысловую избушку, а большой, пятистенный жилой дом и уже не с помощью чертей, а силой своего интеллекта, познания в колдовстве. Налицо фольклоризация образа.

53. **Гань-Иван йылысь предание** (Предание о Гань-Иване). Записано А.К.Микушениным в 1957 г. от П.М.Мезенцевой (68 лет), Печорский р-н, с. Подчерье. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 186, л. 62.

Локальное предание о предводителе печорских разбойников. Пересказ этого предания приведен в книге А.С.Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Л., 1928, с. 33.

54. **Тундыръяк** (Тундыръяк). Записано в 1977 г. от А.И.Гуляевой (68 лет), Усть-Куломский р-н, с. Дервянск.

Предание. Варианты опубликованы. (См.: Ф.Арсеньев. Усть-Сысольская старина. Разбойники. — «Русская старина». 1891, т. 69, с. 214–218;

Образцы коми-зырянской речи. Сост. В.А.Сорвачева и Т.И.Жилина. Сыктывкар, 1971, с. 70–71). А.С.Сидоров в статье «Следы тотемических представлений в мировоззрении коми».- «Коми му», № 1–2, 1924, с. 49, пересказывает канонический текст: «Деревянский герой Тувныр-як устраивал свою трапезу на воде: бросит на поверхность реки коровью шкуру и располагается на ней со своими товарищами. Обычно Тувныр-як путешествовал по Вычегде по дну реки, соблюдая только одно условие – не трогать плававших в воде рыб.

Таким способом в воде поднимался Тувныр-як от Котласа до верховьев Вычегды и только в некоторых местах принужден был выходить на берег, как под Палевицами, в устье Чов-ю (около Усть-Сысольска) под Аныбом и против устья Кулом. Около устья речки Кулом, между прочим, потому, что там стояла необычно большой величины хищная щука, а под Аныбом было скользко от множества застилавших все дно реки палимов. Возможно, что в более древнее время и сам Тувныр-як мог принимать вид рыб, потому он так свободно и мог путешествовать».

А в данном варианте Тувныр-як обрисован уже не как разбойник (или их предводитель), а как знахарь, как предсказатель будущих перемен в регионе; в рассказе информатора лишь неуязвимость Тувныр-яка напоминает о традиционном образе этого героя.

Тундыр-як – имя героя. До сих пор герой деревянского предания был известен под двумя именами: Тунныр-як и Тувныр-як (С.А.Сидоров), в предании он именуется Тундыр-яком. По значению компонентов слова публикаторы графически передавали слово то как Тунныр-Як, Тувныр Як, Тун Ныр-як, то как Тув-ныр-як и т.д., в данном случае по народной этимологии (это выделено интонацией информатора) можно было бы написать Тун Дыр Як, каждый компонент которого значащее слово: *тун* (знахарь), *дыр* (во время; в период, относящийся к какому-то времени), *як* (коми форма имени Яков). Нам думается, что слитное написание имени героя, не претендующее на раскрытие семантики слова, – это пока наиболее удовлетворительное решение. **Чукляшор** (букв. – извилистый ручей) – название ручья, разделяющее с. Деревянск от поселка лесозаготовителей, возникшего уже в советское время; этот факт якобы и предсказал Тундыр-як.

55. **Тундыр-яклы оз мёрччы пуляыс** (Тундыр-яка пуля не берет). Записано в 1977 г. от П.П.Ветошкиной (82 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Рассказ о герое деревянских преданий Тундыр-яке; в дер. Эжол, находящейся ниже по реке в 29 км от Деревянска, представление о Тундыр-яке значительно расходится с тем образом, какой сложился в Деревянске, где бытует это предание; Тундыр-як, по информанту, – это некий дух, обитающий в тундре.

56. **Кёрт айка** (Железный старец). Записано А.К.Микушевым в 1960 г. от М.В.Казаковой (70 лет), Корткеросский р-н, с. Корткерос. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 205, л. 188.

Локальное предание, основной сюжет которого (состязание двух колдунов, один из них силой заклятий с берега реки останавливает плывущую лодку, а другой, равный с первым по силе, — приостанавливает с лодки сусло первого) распространился довольно широко, возможно, благодаря публикациям и литературным обработкам (см., например, «Фольклор народа коми». Архангельск, 1938, или многочисленные литературные обработки сюжета коми писателем М.Н.Лебедевым). Тем более, что в некоторых случаях противником Кёрт айки является Пам-Шыпча, которому как в красноречивой, так и в художественной коми литературе посвящено еще большее число работ. Настоящий вариант, однако, содержит мотив о гибели чуди, о пегухе и о первопоселенцах, явившихся после гибели чуди, но причиной гибели чуди явился Железный старец, напоминающий сказочных канибалов или ушырей из коми быличек. Влияние последних несомненно, ибо, как отмечал А.С.Сидоров, «коми фольклор содержит много рассказов относительно колдунов (еретников), встававших из гроба и губивших людей своими железными зубами» (А.С.Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 33).

Кёрт айка (*кёрт* — железо; железный + *айка* — свекор; дух; хозяин; но обязательно мужского рода) — значение слова стерто временем, но, сопоставив такие понятия древних коми, как *вёр айка* — леший, *пывсян айка* — банник, *рыныш айка* — овирик, *гёбёч айка* — домовый, подпольник, которые в то же время означают и властителя этих мест (лес, баня, ови, подполье), а также учтя, что в преданиях коми есть еще ряд героев, локализирующихся в ограниченных регионах (*Паль айка*, *Веж айка*, *Мель айка*), можно предположить, что это некий хозяин данного урочища, в частности с. Корткерос (*кёрт* — железо + *керёс* — гора, круча). Ср. мансийское *Нёр ойка* (*нёр* — гора + *ойка* — старик) — встречающийся в мансийских преданиях и сказках герой, живущий у горы Неройка, близ Саранпауля, и олицетворяющий собой хозяина этих мест (MSFOц, 109; S. 162—171). *Чудь гу эм* (чудские ямы есть) — т.е. ямы существуют и поныне, но, по контексту, обнаружил их беглый человек, первопоселенец. **Ыджыд йёр** (большой огороженный участок) — название урочища около Корткероса. **Роч вёлёма мортис...** (русским был человек) — т.е. не местный, а пришлый, впоследствии ставший туземцем; текст не вполне ясный.

57. **Кёрт айка йлысь висьт** (Рассказ о Железном старце). Записано А.К.Микушевым в 1960 г. от М.П.Нестеровой (61 год), Корткеросский р-н, с. Маджа. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 205, л. 121.

Вариант предыдущего предания, основной сюжет. Предание изложено довольно сухо, но главные компоненты сюжета (варение пива в чане, а после этого дикие пляски и песнопения, провололочный запор поперек реки и

внимание с проезжих пошлин) сохранены. Вот как характеризует короткеросского «феодала» Д.Борисов («Коми му», 1924, № 3–4, с. 70): «Давным-давно, при наших правдах, жил там богатый разбойник-колдун, Корт-Айка. Гонорят, он спустился на лодке с верховьев Вычегды. Он раскинул железную цепь поперек Вычегды и брал большие деньги с проезжающих. Кто противился, тех грабил и убивал: потому у него сила была бесовская. Вот с тех пор и прозывается наше село Корткерос».

58. **Пöля-внука** (Старик и его внук). Записано А.К.Микушевым в 1960 г. от С.Д.Кынева (41 год), Корткеросский р-н, с. Пезмог. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 205, л. 269–270.

Вариант предыдущего предания. Но местом действия является уже с. Неблино (в 37 км от Корткероса), действующими лицами — хозяин барки и некий полуслепой старик со своим внуком. Реалистично описание способа транспортировки хлеба из Прикамья, но предание само дано схематично.

Комынысь (букв. — тридцать раз, или на тридцати) — форма комыш (-ин), вместо **Комму** (прикамье), в лексикографических работах не встречается, возможно, это оговорка информатора.

59. **Кык вок** (Два брата). Записано в 1982 г. от А.М.Пасынковой (70 лет), г. Сыктывкар.

Предание. В текст вошло несколько сюжетов. В соперничестве князя и Стефана Пермского слышны отголоски противоборства миссионера Стефана Храпа и Пама, известного из исторических источников. Сюжет «железного старца» до сих пор не был известен коми фольклору, вполне может быть, что это чья-либо индивидуальная разработка.

60. **Куим вок** (Три брата). Паспортные данные см. № 59.

Предание. В нем отражены какие-то подлинные события из истории коми народа. **Питирим**, **Герасим** и **Иона** — пермские епископы, правившие Пермской епархией после смерти Стефана. **Абу гачайсь**, а тати только **вевттыштöмайсь** (букв. — не в штанах, а только тут чуть-чуть прикрывшие) — трудно поверить, что на севере люди ходили в набедренных повязках, очевидно, это фантастическая деталь, тем более, что далее говорится об этих людях, как в легендах, что они мохнатые. В этом эпизоде можно допустить реминисценцию исторического нападения вогулов на Чердынь, тем более, что они действительно убили четвертого пермского епископа Питирима в 1455 году, а не Иону. **Ермак** — информант не знает, как объяснить это слово, разумеется, здесь нет ничего общего с именем завоевателя Сибири Ермака, возможно, это искаженное *йöра* (вогул).

61. **Шипича**. Записано К.Ф.Жаковым. Опубликовано на русском языке в книге: «Фольклор народа коми». Т. 1. Предания и сказки. Архангельск, 1938, с. 48–50.

Предание. В отличие от народных преданий жаковская запись литературно обработана и очень сильно искажена, добавлено множество персонажей, не относящихся к сюжету. Как пишет в примечаниях составитель

сборника: «чувствуется специфически жаковская интерпретация предания». Мы включили его в сборник потому, что не имеем в своем распоряжении новых, полноценных записей. Пример тому, в каком разрушенном виде бытует это предание в наши дни, даст запись Е.В.Ветошкиной летом 1981 г. от В.С.Лебедева (72 года) в дер. Половники (Вымь).

«Шипича жил на Вишере. С луком и стрелами воевал. Носил сплутую матерью рубашку, и стрелы его не брали. Он был хорошим охотником, и много помогал соседям своим промыслом».

62. **Рёзваль тыр денъга** (Полные розвальни денег). Записано в 1977 г. от В.И.Уляшова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Керчомья.

Предание на сюжет Кэрт айка. На этот раз сюжет привязан к местному герою, лицу, по всей видимости, реальному, а действие удалено еще дальше от исходного района бытования, в Керчомью (выше по реке от Корткероса на 175 км).

Отикёс кывлі (одно слышал) — ответ информанта на вопрос, знает ли он предания. **Сія ёд всё-таки сё кёкъямысдас вит да джын километра.** (Он ведь все-таки сто восемьдесят пять с половиной километров) — речь идет о Северо-Екатерининском канале, езда по которому официально была прекращена с 1835 г., однако длина его была всего лишь 17,6 км, т.е. информант в 10 с лишним раз преувеличил его настоящую протяженность.

63. **Кёрткерёс йлысь** (О Корткеросе). Записано А.К.Микушевым в 1960 г. от С.Н.Кынева (41 год), Корткеросский р-н, с. Пезмог. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 205, с. 270–271.

Предание о первопоселенцах. Рассказчик отвергает версии с **Кёрт айкой**, с чудью и вообще с наличием всего чудесного, однако и его интерпретация истории возникновения села довольно наивна, в духе фольклорных традиций.

Из Юр (букв. — каменная голова) — имя (прозвище) одного из первопоселенцев, обосновавшегося на речке Кля; интересно, что и название реки этимологизируется из понятия «камень» (кия — каменистый; ки — камень).

64. **Пакось вёчысьяс** (Разбойники). Записано в 1977 г. от Г.И. Чувьюрова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Предание о разбойниках, похитивших церковный колокол. Этот сюжет обычно является частью преданий о Туннырьяке (см., например, статью Н. Улитина. Путевые заметки — «Коми му», 1924, № 7–10, с. 108–109).

65. **Ульяновскёй манастырь**. (Ульяновский монастырь). Паспортные данные см. № 64.

Предание о возникновении Ульяновского монастыря. Версия о том, что он был возведен в честь девицы Ульяны, которая якобы предпочла утопиться, но не даться в руки врагу, документально не подтверждается. Однако о том, что еще Стефан Пермский возвел какие-то строения на

месте Ульяновского монастыря, письменные свидетельства имеются: «Близ этой горы, на возвышенностях погоста в древнее время жили язычники, для просвещения которых св. Стефан, епископ пермский, по крещении Зыряи на Устьевые, основал в конце XIV века пустынь, во имя Спаса Нерукотворного образа». (См. С.Е.Мельников. Описание Спасской Ульяновской пустыни... — «Вологодские епархиальные ведомости», 1867, № 2, с. 44).

66. Тювö (Тювэ). Записано в 1978 г. от А.К.Лавлинской (57 лет), Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Предание о знаменитом вишерском знахаре. Впервые записано К.Ф.Жаковым (см. Архив ВГО, Р. 53, оп. 1, № 118, л. 9—10) и использовано им в книге «На север, в поисках за Памом Бурмортом». СПб., 1905. Сюжет этого предания пересказал А.С.Сидоров в книге: «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Л., 1928, с. 34. «Он (Тювö) жил в 20 верстах выше по реке от с. Богородска, в устье реки Пугдым. Посетители каждый раз заставляли его сидящим на приступке около печки. Сокровища его были спрятаны в косяке окна. Как-то он имел столкновение с колдуньей из Большелуга Наста-мать. Когда последняя умерла, Тювэ сказал, что в эту ночь его попробует посетить Наста-мать, но собака его Балэс не пустит ее перейти по скользкому шесту, переброшенному через устье речки Пугдым. Так и случилось. Наста-мать принуждена была обойти речку через ее порховье, а между тем колдовское время прошло, и Тювэ спасся».

В преданиях, записанных в наше время, как правило, основная коллизия либо отсутствует, либо, как в данном варианте, прослеживается смутно. В характере Тювэ подчеркивается главным образом его дар предвидения. Он якобы уже в свое время предсказал все те изменения в культурной и хозяйственной жизни, которые происходят буквально на наших глазах; предсказал он также якобы судьбу отдельных населенных пунктов. Так, дер. Лымва в настоящее время переживает свои последние дни, вскоре она будет снесена; и этот факт он якобы предугадал чуть ли не столетие назад.

Другой, явно быличный эпизод, любят также сейчас приписывать Тювэ — оживший покойник преследует любимую при жизни жену — мотив довольно распространенный в коми быличках. Для подтверждения приводим быличку под названием «Знахарь» из книги (Y. Wichmann. Sytjdänsche Volksdichtung. Helsinki, 1916, S. 132—134), записанную автором в 1901 г. от В.А.Митюшева, уроженца с. Визинга, Сысольский р-н, (в переводе на русский язык). «Была в старину одна супружеская чета и они было очень любили друг друга. Были уже пожилыми. Муж заболел и вот уже около недели болеет. Потом он и говорит своей жене: я, говорит, может, скоро уже помру. Когда умру, тогда меня не обмывай и людям не веди обмывать меня; никого, говорит, не зови ночевать и сама не ночуй тут, а назавтра похороните меня.

И вот через какое-то время муж скончался. Жена поплакала, поплакала и говорит сама себе: «Как же я своего мужа не обмою!» И она сама

обмыла да и одела, да и положила на лавку в красный угол, и опыть думает: «Почему же я буду бояться своего доброго мужа и звать людей, чтобы почевать! Он же недь со мной ничего не сделает».

И она заночевала. Покойник на лавке, а сама забралась на надпечье и села на край печи и стала шить подушку для похорон мужа. Сидит, шьет, зажегши огонь. И вот вдруг у покойника одна рука упала. Жена: «Благослови, Христос!» — сказала и слезла с печки да и подняла руку и подвязала. И опять забралась и стала шить. Шила да шила, и тут у покойника одна нога упала. Жена снова слезла и, сказав «благослови, Христос!», подняла ногу и опять поднялась на печку и стала шить. Вот она недолгое время пошила, и покойник тут встал и на середине пола притопнул и сказал жене: «Я не велел тебе обмывать меня и не велел ночевать, а ты и одно и другое сделала!» Потом он взобрался к жене на надпечье да и стал кусать жену — уши и куда попало. Жена плачет, освобождаясь от него, но не может освободиться. Потом она начала читать молитвы, и вдруг двери избы открылись и вошли два старика и развели их и говорят жене: «Выйди и где-нибудь у соседей спи; а завтра приходи и дом этот подожги и, когда искры от огня будут разбрызгиваться в сторону, все их (искры — Ю.Р.) большой метлой подметаи в огонь. Из дома своего ничего не выноси, чтобы и покойник и весь скот — все сгорит! Иди выходи поскорее! Нам надо идти в другое место. Такая диковина и в другом месте есть».

Женщина и спрашивает их: «Вы, — говорит, — добрые люди, кто сами будете?» «Мы, — говорят они, — Изосим и Савватий!» И ушли все трое, а покойник остался в доме. Назавтра жена пришла и, как ее научили, так и сделала. Когда искры от огня стали подниматься и разбрызгиваться, все они оказались голубыми насекомыми. Жена всех их смела в огонь, и они сгорели. Он, умерший человек, был, оказывается, большой знахарь; его знахарского умения жена и не знала до этой поры».

Семья сылён абу лолёма (семьи у него, сказывают, не было) — имеется в виду, что у Тювё не было детей, ибо всегда подчеркивается наличие супруги, с которой он живет в мире и согласии. **Кругом джадж** (букв. — кругом полки) — очевидно, — оговорка, ибо речь идет о лавках (лабич), которые в крестьянских избах располагались вдоль всех стен. **Юыс пё кёджд орёдас** (Река перероет один мыс) — информант точно указал на определенный мыс и назвал его, но название зафиксировать не удалось. **Нимсё ог нян помнит** (Имя уже не помню) — по ранним записям — это Наста-мати, колдунья, но современные исполнители либо очень искажают эпизод с этим персонажем, либо вовсе опускают. **Катшыс** — очень распространенная у коми охотников кличка собаки — якобы эту кличку имела и собака Тювэ, но в том-то и дело, что, по преданию, и собака его имеет чудесные свойства, и кличку она носит неожиданную, удивляющую слушателя, но, видимо, плохо запоминающуюся (по Сидорову — Бадзе).

67. **Мати** (Мати). Записано в 1977 г. от В.А.Каракчиева, Корткеросский р-н, с. Вомын.

Быличка на тему предания о Тювэ в сильно переработанном виде. Одно из доказательств того, что коми предания, разрушаясь, переходят в жанр быличек, в особенности за пределами района бытования предания. **Мати** — ср. Наста-мати.

68. **Ягйывса** (Ягйывский). Записано Ф.В.Плесовским в 1948 г. от И.В.Жданова, Удорский р-н, с. Кослан. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 187, л. 92—93.

Локальное предание с сюжетом: мертвый колдун хочет наказать после своей смерти товарища, тоже колдуна. В данном случае живого спасают его хитрость и знания. Предание уже зафиксировано в довольно разрушенном виде, так, что отдельные эпизоды нелегко поддаются осмыслению. Пересказ сюжета приведен в книге А.С.Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», Л., 1928, с. 33; который позволяет восстановить отсутствующие звенья. «К городищу Яг-йыв на Вашке относится предание о двух колдунах: Ягйывса, жившем на мыску Ягйыв, и о Съэлапэляса, жившем на другой стороне реки в урочище Съэлапэля. Заспорив, они пригрозили отомстить друг другу после смерти. Раньше умер Съэлапэляса и в первую же ночь после смерти явился к Ягйывса, расправиться с ним. Ягйывса принял все меры предосторожности: запер двери, а сам забрался с сыном на печку и сидел там, пока мертвый грыз запертую дверь. Через некоторое время двери были прогрызены, мертвый колдун вошел и потребовал сердца прогивника в качестве угощения. Тот предложил согреться сначала горячим кирпичом, выбитым им с печного устья. Пока гость был занят кирпичом, Ягйывса убежал со своим сыном из дома по направлению к ближайшей дер. Жуковской, идя задом наперед. Когда мертвец заметил отсутствие хозяина, то погнался за бегущим, но, будучи инедед в заблуждение обратным следом врага, все снова и снова возвращался по его следу в пустую избу. Это продолжалось до тех пор, пока с первыми петухами колдовская сила не покинула мертвеца».

Отыис кулас да шуё (букв. — один умер и говорит) — оговорка информанта, диалог колдунов происходит еще при жизни обоих.

69. **Одыбын суныштас** (В Нившере нырнет). Записано в 1978 г. от М.Н.Попова (18 лет), Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Фрагмент предания о Тювэ. Способность Тювэ ходить под водой не характерна для этого предания, но в районе Нившеры мотив держится прочно. Буквально через 2 дня после этой записи от отца информанта Н.Г.Попова также было записано это предание. «Тювэ поселялся в устье Вишеры. Знал сильно (большим знахарем был — Ю.Р.). Как известно, предсказывал: «Когда в Нившере откроется большая школа, начнется война». А вот школа открылась, а войны, наверно, еще долго не будет. И Лымва трижды исчезнет с лица земли. Как третий раз опустеет, после этого и все.

Такой сам был: в Нившере нырнет, а где-то в Богородске вынырнет».

70. Висерын крыса оз ов (На Вишере крысы не живут). Записано в 1977 г. от В.А.Каракчиева (49 лет), Корткеросский р-н, с. Вомьш.

Предание о Тювэ. Широко распространенный мотив о том, что Тювэ силой своего колдовства в районе знаменитой горы Красной (Гörd чой) поставил заслон крысам. Имя Тювэ однако не упоминается.

То, что крыс нет на Вишере и выше, факт доподлинный, но наши биологи пока не дали разъяснения этому факту. Зато более грамотное местное население, для которых, несомненно, недостаточно объяснение предания, трактуют это как влияние ядовитых растений, обильно произрастающих в этих местах. Вот как об этом рассказывали братья Е.Ф. и Н.Ф. Поповы (дер. Лымва): «Крысы не идут на Вишеру, не поднимаются по реке выше Красной горы из-за Марьиного корня (пиона).

Выпрыгивают с баржи, как только она заходит в устье Вишеры, напротив горы Красной».

Разумется, и это толкование не более научное.

71. Тювэ и Лёва (Тювэ и Лёва). Записано в 1976 г. от Ю.А. Поповой (80 лет), Сыктывкар.

Оригинальный вариант предания, фрагмент; начало большого сказания о наказании охотничьей артели, опередившей Тювэ по дороге на охотничьи угодья. В предании делается упор, с одной стороны, на то, что местное население чтит его и беспрекословно выполняло его указы, с другой стороны, многие детали (например, существование покосов Тювэ в настоящее время; описание печица Тювэ и т.п.) подчеркивают подлинность описываемых событий и участвующих в них героев.

72. Звер глёт (Глот-зверь). Записано в 1964 г. от В.А.Коновалова (84 года), Удорский р-н, с. Глотова.

Предание о возникновении названия села с включением варианта преданий о чуде, правда, расплывчатого: слово «чудь» не упоминается, наличествует лишь мотив бегства каких-то людей во времена крещения язычников. Оригинально однако то, что именно эти люди, убегая откуда-то от миссионеров, стали первопоселенцами Глотова. Мотив — пение петуха (старик каждое утро слышит пение петуха, из-за этого жители переселяются на новое место жительства) часто встречается в коми преданиях, тем не менее трактовка его затруднительна.

Варианты почти не имеют разночтений. В книге «Образцы коми-зырянской речи» опубликован вариант, в котором проглоченный Глотом человек изображен более активным. «Тут на урочище *Бурган* жили люди с достатком. Оттуда они переселились в местечко *Йирва крес*. Там была глубокая тonya. Там жил Глот, глотающий животных. Как его убить? Там же жили два знахаря — отец с сыном. Отец говорит сыну: «Надо убить Глота. Ты ловчее меня. Глот тебя проглотит, но я не дам тебе задохнуться, спасу. Ты же с ним справишься быстрее, чем я».

Парня с ножом зашили в сырую шкуру, и отец опустил его в воду. Глот проглотил сына одним махом, даже не облинулся, проглотил — и парня как не бывало. Парень же там не спит, порет брюхо Глота. Потом Глот издох, парень вылез наружу. «Чуть не умер от жары в утробе Глота, еле живой выбрался», — говорит он. Тело Глота унесло течением за пять верст и прибило к берегу. Из его ребер потом сделали столбы для ворот».

Мыйккё пёртчёма гёнаё (Оборотился во что-то мохнатое) — обычно героя этого предания зашивают в шкуру животного, здесь же он обращается каким-то животным; возможно, это произошло по забывчивости рассказчика. **Ван Ты Ыб гёра** (бука. — гора Поле-Ван Ты) — название горы, где якобы первоначально поселились глотовцы.

73. **Ур кыйысь яран** (Ненец, промышляющий белок). Записано В.Д.Тарабукиным в 1935 году, Сыктывдинский р-н, дер. Красная. КРКМ, инв. № 198, л. 187.

Предание о ловких охотниках. Почвой для появления преданий о ловких охотниках-иноплеменниках могла стать артельная практика коми охотников, ежегодная охота за сотни километров от родных деревень, в том числе за пределами Коми края, в непосредственном соседстве с мансийскими, ненецкими, хантыйскими охотниками. (См., например, Н.Конаков. «Комияслён Урал сайын вөралом» — «Войвыв кодзув», 1977, № 10, с. 63—64). Но с другой стороны необыкновенная, нечеловеческая удача, которая сопутствует иноплеменнику, весьма напоминает «везение», которое удается по рассказам, только одному существу — лешему. Поэтому нельзя отрицать влияния на подобные предания и охотничьих быличек о леших.

74. **Мнрон** (Мирон). Записано в 1977 г. от В.А.Каракчиева (49 лет), Корткеросский р-н, с. Вомын.

Офольклоризиранный охотничий рассказ о сверхметком стрелке.

75. **Яран кыйсысь** (Ненец охотник). Записано в 1977 г. от Ю.С.Гулыца (45 лет), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Предание о ловких охотниках. Известно, что коми, охотясь на чужой территории, например, в Зауралье, часто вступали в конфликт с местным угорским населением именно из-за лосей, добыча пушнины ими не возбранялась, но стоило зырянам более ретиво заняться лосиной охотой, как тут же позникали стычки вплоть до того, что изгоняли артели пришельцев (см. «Дневник В.Н.Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» — «Записки ИРГО, кн. VII, СПб, 1853, с. 48, 80). Возможно, в предании отразились reminiscenции подобных взаимоотношений.

76. **Ош вылө — пуртён** (На медведя с ножом). Записано в 1977 г. от С.Е.Папюкова (55 лет), Корткеросский р-н, с. Керос.

Охотничий рассказ, описывающий местный способ охоты на медведя и подтверждающий до некоторой степени ситуацию медвежьей охоты в предыдущем предании.

77. **Ош кыйом** (Охота на медведя). Записано в 1974 г. от Т.В.Конева (52 года). Тюменская область, Шурышкарский р-н, с. Мужы.

Рассказ об обычае коми-зырян, связанный с охотой на медведя. Почитание медведя, его культ у коми в прошлом имел более ярко выраженную форму, однако с течением времени этот культ разрушился, коми фольклор донес его уже в виде отголосков. В данном рассказе, по-видимому, сказало влияние угорского фольклора и до сих пор еще живой культ медведя у хантов. Ср. подобный же рассказ М.П.Рочевой, уроженки этого же села, записанный нами в 1966 году. «В старину, бывало, обнаружат медведя в берлоге, так нельзя было об этом говорить: «Нету же, пустая же берлога», — станут говорить, чтобы медведь раньше времени из берлоги не вышел. А когда идут, чтобы его выловить, не хвастаются, что поймают там или что, иначе погибель будет.

И говорят не «медведь», а «мохнатоухий, дядя, старик». «С мохнатыми ушами-то, близко, оказывается, ходит!»

78. **Сёрнитысь пуяс** (Разговаривающие деревья). Записано Г.А. Федоровым в 1946 г. от С.Н.Максарова (64 года), Княжпогостский р-н, с. Шошка. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 93, л. 61.

Быличка на тему о почитании деревьев, кроме того здесь сохранился реликт одухотворения дерева и переноса на них человеческих семейных отношений.

79. **Шёпкёдчысь пожъмъяс**. (Перешептывающиеся сосны). Записано в 1977 г. от Ю.С.Гуляева (45 лет), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Местное предание о якобы имсющихся около Деревянска соснах, переговаривающихся между собой. Предание основано на представлениях древних коми о деревьях-двойниках человека, имеющих душу, сознание и т.п.

80. **Өлеш Яккөд ина вöвлөмтор** (Подлинный случай с Элеш Яком). Записано Г.А.Федоровым в 1946 г. от С.Н.Максарова, Княжпогостский р-н, с. Шошка. Архив КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 93, л. 61–62.

Быличка на ту же тему, что и два предыдущих текста: за непочтительность к нему дерево ночью изгоняет из-под себя охотника.

81. **«Ог на эшты!»** («Я еще не готова!») Записано в 1977 г. от Ю.А.Поповой (81 год), г. Сыктывкар.

Предание об одушевленных деревьях с мотивами быличек: порыв ветра здесь, очевидно, выступает в роли лучшего, сверхъестественного существа.

Вида менö быд лёкысь и притчаысь, лёк войтырысь, төлысь падераысь (Храни меня от всего плохого, от беды, от плохих людей, от ветра-падеры) — обращение к охотничьей избушке перед тем как зайти в нее на ночлег; **падера** — резкий порыв ветра со снегом.

82. **Олыся кедр** (Обитаемый кедр). Записано в 1966 г. от З.П. Валеева (32 года), Тюменская область, Шурышкарский р-н, с. Васяхово.

Быличка, связанная также с почитанием деревьев, однако здесь кедр является лишь местом обитания «печистого».

83. **Бубыля** (Бубыля). Записано в 1967 г. от М.И.Турьева (59 лет). Сыктывкар.

Быличка о хозяине лесной избушки; он изображен с голым (без волос) черепом и большими как будто посконными ушами. Избавление от него традиционно для коми — горячие угли и стальной топор. Интересен мотив предупреждающего стука при входе в избу — чтобы хозяин не был застигнут врасплох и не попался на глаза человеку (*йёзавны*), ибо именно вследствие этого он будет все время вынужденно не давать людям покоя.

84. **Лоддя бокин узьмёдчылём** (Ночевка у охотничьего костра). Записано в 1978 г. от А.К.Лавлинской, Корткеросский р-н, дер. Лымва.

Быличка. Образ жизни лесного точно соответствует жизни охотников, он имеет и охотничий костер (*ноддя*), но он оказывается менее благоустроенным, так как лесной не сооружает со стороны спины ветрозащитный шалашик. **Лоддя** — местное наименование охотничьего костра. **Чеччӧ, морт сӧйсьыс ӧд локтис** (проснитесь, людоед ведь к нам пришел) — у коми лесной обычно не наделяется чертами антропофага, в отличие, скажем, от угорского менква; возможно, здесь речь идет об упыре. **Лӧк ёльсьявь** (от лесной речки Лӧк) — ответ на вопрос охотника, откуда прибыл путник; *лӧк* — плохой, нечистый; очевидно, в народном сознании это место, а речка с таким названием действительно есть, как-то уже связано с обитанием там мифологических существ.

85. **Мирон керка** (Миронова избушка). Записано в 1978 г. от Е.А. Михайловой, Корткеросский р-н, с. Нившера.

Быличка о хозяевах-обитателях охотничьей избушки, одновременно служившей для колхозников и баней; избушка, видимо, была недалеко от покосов и пастбищ и ею пользовались все, кто оказывался недалеко от нее.

Для сопоставлений и уточнения некоторых мест текста приводим вариант этой же былички, записанный от нее же за два дня до этой записи, в переводе на русский язык. «Нани работали на покосе, и брата Егора, ему тогда еще 15 лет было, послали в баню. Баню истопили в Мироновой избушке. Это вообще-то охотничья избушка, но там никто не жил, и избушку держали вместо бани. Вот он зашел туда, не попросив позволения, разделся и только было собрался плеснуть (поддать жару), а кто-то и подал голос: «Опять уже кто-то сюда прибыл досаждать нам, все лето уже досаждают, ни позволения не спрашивают, ни о себе ничего не скажут (юасьӧм ни висьтасьӧм абу), а вот досаждать досаждают!» После этого, говорит, по-хорошему и не понял, как оделся обратно и убежал. Прямо ведь, говорит, человеческим голосом произнесли.

А мать с тетками, три женщины, послали его первого париться, один километр всего и есть до бани-то. И вот он где бегом, где как прибежал, и его спрашивают: «Ну что? Попарился?» — «Что касается меня, так я попарился вдоволь!» Сначала-то ничего даже не рассказал, оказывается, потом уже, как мать с тетками попарнились, рассказал.

Федоровна по испуганному его лицу догадалась же, что его испугал кто-то. Потом пришли к бане эти три женщины и Федоровна-то очень усердно поспрашивала позволения: «Банюшка, солнцеликая да солнцеликая... Пусти нас попариться-помыгться!» Очень усердно попросила позволения, и им трем-то после этого уже ничего не померещилось. 44 года уже тому, как это случилось. На последней войне он погиб».

86. **Ошкӧд сёрнитӧм** (Обращение к медведю). Записано в 1977 г. от Ю.С.Гуляева (45 лет), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Рассказ о медведе, который якобы понимает речь человека, обращенную к нему, и слышит эту речь на расстоянии, в отличие, например, от россомахи, которая остается глухой к любой просьбе человека.

87. **Ошкӧд паныдасьлӧм** (Встреча с медведем). Записано в 1966 г. от З.П.Валеева (32 года), Тюменская область, Шурышкарский р-н, с. Васяхово.

Рассказ о встрече с медведем. Вера в то, что медведь понимает человеческие слова и доброе к нему отношение, а также то, что медведь якобы сознает себя хозяином леса, у коми является традиционной и в несказочной прозе сюжеты на эту тему довольно распространены.

88. **Агнев Геня** (Агисв Гена). Записано в 1977 г. от Ю.С.Гуляева, Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Рассказ о встрече с медведем. Человекоподобность действий медведя, его несколько надменное отношение к человеку — традиционный и очень популярный мотив у коми.

Чумана ёль (букв. — лесная речка с берестяной коробкой) — название одного из притоков речки Деревянск. **Думыштис: код тайӧ сувтис менам туй шӧрӧ?** (Подумал: кто встал на моем пути?) — так якобы подумал медведь, неожиданно встретившись с героем рассказа. **Ки пыдӧсае сьӧльыштис** (сплюнул на ладонь) — одна из часто повторяющихся деталей, подчеркивающих антропоморфные черты медведя. **Этадзи пӧ керася** (так, дескать, делаю) — при этих словах информант точно повторяет движения рассказчика, которые тот якобы делал, смахивая с лица медвежьей слюны.

89. **Ош тӧвийӧдома бабаӧс** (Медведь заставил перезимовать у себя женщину). Записано в 1977 г. от А.П.Нестерова (69 лет), Усть-Куломский р-н, с. Аныб.

Предание. Тема сожительства медведя с женщиной известна фольклору многих народов и чаще всего реализуется в сказках. (По сказочному указателю Андреева № 311); мордовскому фольклору знакомы и эпические песни на эту тему (см., например, «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» в 8 томах, т. 1, Саранск, 1963, с. 79—84, 382); у коми эта тема, кроме сказок, широко проникла и в несказочную прозу.

90. **Ош бабаӧс видзӧма** (Медведь женщину содержал). Записано в 1977 г. от П.П.Ветошкиной (82 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Вариант предыдущего предания.

91. **Ош да бабушка** (Медведь и бабушка). Записано Л.С.Грибовой в 1976 г., Корткеросский р-н, дер. Новик.

Вариант предыдущего предания. Медведь здесь показан ближе к естественному в представлении коми населения: он понимает человеческую речь, но не говорит, охотники в конце концов убивают его как обычного промыслового животного.

92. **Рушка баба да ош** (Беременная женщина и медведь). Записано в 1977 г. от С.Е.Панюкова (55 лет), Корткеросский р-н, с. Керос.

Предание о расправе медведя с беременной мальчиком женщиной. Возникло, по-видимому, на основе подлинного случая, интерпретированного затем в русле местной фольклорной традиции.

93. **Лӧдз, ном да мошка** (Овод, комар и мошка). Записано в 1968 г. от А.М.Бажуковой (57 лет), Удорский р-н, с. Кослан.

Миф этиологического характера (в художественной форме, но в наивно-реалистическом ключе объясняется время исчезновения оводов, комаров, мошек). **Прокопей** (день Прокопия) — церковный праздник, отмечавшийся 21 июля.

Опубликованный вариант см. «Образцы коми-зырянской речи», Сыктывкар, 1971, с. 261. Запись В.А.Сорвачевой производилась одновременно с моей (я был с магнитофоном). В книге отмечено не место записи, а место рождения информанта.

94. **Ном да лӧдз** (Комар и овод). Паспортные данные см. № 93.

Юмористическая сценка; народная этимология, объясняющая причины отсутствия комаров в жару, а оводов — в дождь. Часто относят ее к жанру сказок (см., например, Л.Г.Бараг. Восточно-славянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие. — В кн.: «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, с. 185). Мы не решаемся этого сделать в связи с тем, что вымысел здесь не играет жанрообразующей роли, а также из-за наличия в фольклоре комм. определенного количества сюжетов этиологического характера, типологически близких к этому.

95. **Тох-тох** (Утка-широконоска). Записано в 1966 г. от В.Ф.Коновой (79 лет), Тюменская область, Шурышкарский р-н, пос. Горки.

Этиологический миф. Сюжет не известен для коми, проживающих на территории Коми АССР и в других областях расселения (кроме Тюменской). Отсюда можно предположить, что он заимствован из угорского фольклора, но на коми почве претерпел значительные изменения: информатор считает этот миф зырянским — *изъватас мойд*.

96. **Лӧдз** (Овод). Записано Е.С.Гуляевым в 1973 г. от Н.М.Колеговой, Сыктывдинский р-н, с. Иб.

Побасенка: реминисценция этиологических мифов о насекомых. Любопытно также сопоставить коми поговорку, зафиксированную в с. Летка (Прилузский р-н). **Кебраын важӧн нин узьӧны** (В Куратово давно уже спят) — говорят, когда кто-либо зевает.

97. **Кыда уткаяс татчö локтöны** (Каким образом прилетают сюда утки). Записано в 1966 г. от В.Ф.Конева (79 лет), Тюменская область, Шурышкарский р-н, пос. Горки.

Миф, объясняющий появление уток на севере. Интонации предположения, отсутствие конкретных имен, а главное, локальный характер распространения сюжета, наводят на мысль об угорских истоках его (информант блестяще владеет хантыйским языком).

Вариант мифа в форме пересказа содержания был записан и в с. Мужы Шурышкарского р-на от М.П.Рочевой: «Старик гоэзя каролитэныс уткасы, а кор нья унмоосясныс, сэк и уткасыс тачче локтэныс» (Старик со старухой караулят уток, а когда они уснут, тогда и прилетают сюда утки). В этом пересказе имеется существенная деталь: если в тексте старик со старухой караулят двери (ворота), чтобы через них не пролетели утки с юга, то здесь охраняются сами утки; но это разночтение, возможно, результат забывчивости, пропуска информантом какого-то элемента сюжета.

98. **Кымын ном локтис?** (Сколько комаров прибыло?) Паспортные данные см. № 97.

Миф, объясняющий бесчисленное множество гнуса, который появляется летом.

99. **Тöлысь, нянь да сов** (Луна, хлеб и соль). Записано в 1966 г. от М.П.Рочевой (59 лет), Тюменская область, Шурышкарский р-н, с. Мужы.

Легенда о месяце. Художественное воплощение коми поверий о том, что луна, если на нее долго смотреть, притягивает человека к себе. Объясняя этот мотив («кадка месяца»), исполнительница вспомнила «поговорку» — словесное предупреждение детей старшими: «Челяде, ин видзедэ тöлысь вылас: ушатэн лэччас да тинтэ ката!» (Дети, не смотрите на луну: спустится с кадкой и поднимет к себе вас!).

100. **Йөрш да чирак** (Ерш и чирок). Записано А.К.Микушевым в 1956 г. от С.П.Остякова (57 лет) Троицко-Печорский р-н, с. Покча. Опубликовано: «Войвыв кодзув», № 12, 1957, с. 51.

Анекдот, основанный на народных поверьях.

101. **Илля великöй да сьöла** (Илья великий и рябчик). Записано Д.Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А.Кочанова (уроженец д. Фроловская, Усть-Куломский р-н). Опубликовано с переводом на немецкий язык. См. Fokos-Fuchs D. Volksdichtung der Komi (Syrjanen). Budapest, 1951, S. 232.

Этиологический миф. Объясняет, почему так мала тушка рябчика. **Илля великöй** — Илья пророк.

102. **Сьöлаыс сьöлём виджда** (Рябчик величиной с сердце). Записано в 1977 г. от А.П.Нестерова (69 лет), Усть-Куломский р-н, с. Аныб.

Этиологический миф; вариант № 101.

103. **Енлön вöчöмтор** (Божье творение). Записано в 1977 г. от С.Е.Панюкова (55 лет), Корткеросский р-н, с. Керос.

Рассказ об одном случае из своей жизни, раскрывающий, по информанту, несостоятельность старинных мифов о происхождении зайцев.

104. **Кёлдумниклён кёчьяс** (Зайцы колдуна). Записано Д.Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А.Кочанова. Опубликовано с переводом на немецкий язык.

Как и в предыдущем рассказе, в данном тексте содержатся идеи апокрифического мифа о сотворении зайцев одновременно богом и его антиподом дьяволом, но в данном случае рассказ наиболее близко перекликается с народными быличками. Кроме того здесь очень сильна вера в могущество христианской религии и ее атрибутов; в современных быличках образы «настоящих» священников почти совершенно отсутствуют.

105. **Ош корё пев чунь** (Медведь просит большой палец). Паспортные данные см. № 102.

Этиологический миф. Довольно популярный в коми фольклоре сюжет, в разных вариантах по-разному объясняющий, почему медведь не имеет, как человек, большого пальца. В одних случаях бог якобы бонется, что медведь, имея большой палец, уничтожит все живое, в других — медведь сам отказывается от большого пальца, так как в этом случае бог обещает дать собаке лук и стрелы, а человеку — крылья.

106. **Кыдан чужис ош** (Как появился медведь). Записано Д.Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А.Кочанова. Опубликовано с переводом на немецкий язык.

Сказка, искусственно сложенная из трех самостоятельных сюжетов; части а и в имеют мифологическую окраску. **Семенов день** — 14 сентября по н. ст.

107. **Кыдан пон пежёссис** (Как осквернилась собака). Паспортные данные см. № 106.

Миф, объясняющий появление теплой шубы на собаке и нежной кожи у человека.

108. **Мамонт** (Мамонт). Паспортные данные как в № 106.

Библейский миф. Фрагмент. Мамонт, образующий рски и неровности ландшафта и затем погибающий, а также мотивы всемирного потопа известны в фольклоре многих народов.

109. **Маман помлась** (О мамонте). Записано в 1974 г. от И.Е. Пиналей, Тюменская область, Шуршыркарский р-н, пос. Овгорт.

Рассказ о находках мамонтовых костей, якобы именно мамонты и явились создателями гор и водоемов. Ср. информацию А.Сидорова: «Долины рск, по утверждению крестьян села Селиб, не что иное, как следы подземных ходов этого животного («Коми му», № 1—2, 1924, с. 44). **Мухор** (манс.) — земляной, подземный бык. **За Уралом** — имеется в виду европейское северное Приуралье. **Землю... создал, мамонт** — речь идет о рельефе земли.

110. **Емынг лор** (Священное заливное озеро). Записано в 1976 г. от а) К.Ф.Ануфриевой (57 лет), б) М.Г.Дьячковой (83 года), Тюменская область, Шурышкарский р-н, дер. Шурышкары.

Два варианта предания на тему: почему не пьют ханты воду из Шурышкарского озера. Среди коми населения деревни сюжет довольно устойчивый. Об этом говорит, например, тот факт, что на вопрос: почему озеро у хантов считается запретным, местный учитель В.Е.Ануфриев, хоть и схематично, не колеблясь, также поведал его. «Ехал знаменитый шаман на оленях и утонул на этом сору (озере). С тех пор ханты не пьют из этого сора воду. Воды его стали для всех хантов *емынг* (снищенными)». Среди самих хантов однако существует предание иного рода. В нем события относятся еще к доермаковским временам, ко временам владычества сибирских татар. Вот как (в нашем переложении) рассказал Л.В.Шиянов (44 года) об этом (к сожалению, хантыйский язык мне недоступен, коми языком не владеет он, а русский знает так, что образец его речи дать не представляется возможным): «Когда у остяков (хантов) был еще чугунный век, они торговали с Печорой, покупали у них чугунные ножи, топоры, котлы. Однажды они услышали, что какие-то люди на неизвестных животных (лошадях) числом в пятьсот человек двигаются на них войной. Это были татары. Жители под началом своего вождя притаились в лесу за озером. Тут поднялся сильный ветер, мороз, начался буран, и все войско татар погибло в озере. Остяки решили, что это их спасло озеро и решили его угостить (поднести жертву). С тех пор воду из озера нельзя было употреблять никому. Через несколько лет после этого переезжали как-то двое, Юрчак и Яксон, на новое место. Они забыли запрет и выпили воды из озера. И заболели. Юрчак призвал на помощь большого шамана и тот его вылечил, а Яксон не обратился за помощью и умер. С тех пор ханты не пьют воду этого озера». **Емынг** (хант.) — святой, священный; запретный. **Лор** (хант.) — сор, заливное озеро.

111. **Вёрсалён туй** (Дорога лешего). Записано в 1977 г. от С.Е. Панюкова (55 лет), Корткеросский р-н, с. Керос.

Быличка. Дорога лешего якобы проходит через развилстое дерево. **Нель синма пои** (четырёхглазая собака) — собака с темными пятнышками над глазами; такая, по представлениям коми, обладает сверхъестественным чутьем, например, чует и видит невидимого для человека лешего.

112. **Нешуть** (Нешуть). Записано в 1964 г. от В.А.Коновалова (84 года), Удорский р-н, с. Глогово.

Быличка. На тропе лешего нельзя строить охотничьей избушки: **Косты** (букв. — сухое озеро) — урочище. **Нешуть** — местное эвфемическое название лешего.

113. **Лёк** (Злой дух). Записано Г.А.Федоровым в 1946 г. от С.Н. Максарова, Княжпогостский р-н, с. Шошка.

Быличка. Нечистый дух принимает облик то торговца, то движется в виде смерча. Он боится табака, но не очень, острый же железный предмет, по поверьям коми, может причинить ему серьезные телесные повреждения. **Красноборск** — город на Северной Двине.

114. **Олыся нюр** (Болото с обитателем). Записано в 1967 г. от В.И. Канева (70 лет), Тюменская область, Березовский р-н, дер. Щекурья.

Быличка. В нескольких десятках километров от деревни есть болото, в котором, по уверению местных жителей, обитает неведомое и невидимое существо, препятствующее проезду через болото, не позволяющее разбивать на нем лагерь путнику. Пересечь это болото зимой можно лишь в том случае, если воткнешь (пожертвуешь?) в землю стальной нож, топор. **Ты сэтшем** (озеро такое) — общее название — шор (болото), но информант в пояснении указывает на озеро, очевидно, заболоченное озеро.

115. **Вёрсасысь пышйом** (Бегство от лешего). Записано Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А.Кочанова (28 лет).

Быличка. Собиратель называет своего информанта превосходным рассказчиком. Приведенный текст, в котором исполнитель применяет приемы сказочного повествования, наглядно подтверждает эту оценку ученого. **Сёр** (грядки) — две жерди в старинных избах, прибитые над челом печи и используемые для сушки дров, лучин и т.п. Текст опубликован с переводом на немецкий язык.

116. **Вошлём отсасьё** (Пропавший без вести помогает). Записано в 1976 г. от А.В.Пантелеевой (67 лет), Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка. Дом лешего — обычная охотничья избушка. **Пропавший без вести** человек или унесенный лешим живет в нем, испытывая при этом много неприятностей от «истинных» хозяев, поэтому он помогает своим братьям (людям) советами, чтобы они смогли избежать участи, подобной своей. **Эн сёйё-юё** (не ешьте, не пейте) — пропавший без вести предупреждает людей, чтобы они не прикасались к пище леших, в противном случае они, по представлениям коми, навечно останутся в лесу.

117. **Вошюма** (Потерявшаяся). Записано в 1976 г. от М.В.Пантелеевой (66 лет), Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка. Потерявшийся в лесу человек еще может вернуться домой в образе лисы, собаки, головешки и т.п., но для того, чтобы он вернулся окончательно и принял вновь человеческий облик, нужно знать способы и средства для превращения его в человека.

118. **Куж** (Теленок). Записано в 1978 г. от Е.А.Михайловой, Корткеросский р-н, с. Нившера.

Быличка. **Гёрд чой** (Красная гора) — урочище, известное в фольклорной традиции на Верхней Выгегде, по Вишере и Нившере как место обитания нечистого духа. **Табья чой** (Гора Табья) — урочище. **Ростагья чой** (Гора Ростагья) — название урочища по дороге из Сторожевска к вишерским населенным пунктам.

119. **Сюмёд бёлбан** (Берестяной идол). Паспортные данные см. № 118. Описание древнего обычая мести колдунам за их «неблаговидные» дела.

120. **Кувалён Кава** (Кувин Кава). Записано в 1976 г. от Ю.А. Поповой (80 лет), Сыктывкар.

Быличка. **Баля-вёйём шор** (букв. — ручей, в котором утонула овца) — название ручья. **Кувалён Кава** (Кувин Кава) — некто по имени Кава, находящийся в каких-либо родственных связях с существом по имени Кува.

121. **Вёр олысьяс йылысь** (О леших). Записано в 1976 г. от Д.В. Мусановой (55 лет), Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка. Лешие через охотника предупреждают живущую в деревне знахарку о расправе над ней, если она и впредь будет нарушать условия какого-то договора, заключенного с ней ранее. При этом они не могут смотреть на огонь, становятся спиной к костру. **Вёр олысьяс** (букв. — живущие в лесу) — лешие. **Сэссия и омоль** (Вот и плохо) — т.е. вот и случилось так, как об этом говорили лешие.

122. **Сомуститчём** (Оболгание). Паспортные данные см. № 118.

Легенда, близкая к сказке: леший не сумел поссорить между собою мужа и жену, а ницая по наущению лешего с помощью живого слова легко с этой задачей справилась и получила в награду от лешего лисью шубу.

123. **Пустыннын олысь да вёралысь** (Пустынник и охотник). Записано Д.Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А.Кочанова. Опубликовано с переводом на немецкий язык.

Легенда. Пустынник тридцать лет прожил в лесу в келье один, проводя время в усердных молитвах. Он считает себя безгрешным праведником и потому не пустил грешного охотника на ночлег, чтобы не осквернить своей кельи. Но у коми, согласно охотничьей морали, подвергается осуждению тот, кто не помог человеку, не выручил его из беды. И праведник вместе со своей кельей проваливается в ад.

124. **Палячён кыскасём** (Перетягивание на палке). Записано в 1981 г. от И.В.Жилина (57 лет), Княжпогостский р-н, с. Турья.

Легенда о соперничестве охотника и лешего. Охотник хитростью одерживает верх над своим извечным противником. Подобные приемы в состязании с лешим (перетягивание на палке, переноска деревьев и т.п.) характерны для сказок или для позднего эпоса (ср. состязание в силе Перы с лешим), это говорит о том, что на произведения данного сюжета оказали влияние сказки. Оставляли ли охотники внутри охотничьей избушки пень, трудно сказать, каких-либо веских свидетельств в пользу этого нст. Но в вымском фольклоре этот мотив довольно популярен, а вымские охотники буквально уверяют, что пни в старых избушках они видели чуть ли не своими глазами. Эту задачку еще предстоит решать. **Куппель** (голоухий) — так, противопоставляя себе, якобы обращается к человеку леший. **Кыс-кысьны** (тянутся) — обычно это делается так: два человека садятся друг

против друга, хватаются обеими руками за палку и, упираясь ступнями ног, тянут каждый в свою сторону, кто кого перетянет.

125. **Везжоймас йылысь** (О подмененных). Записано в 1978 г. от Е.А.Михайловой, Корткеросский р-н, с. Нившера.

Быличка. Описание наружности, поведения «подмененных». «В семье не без урода» — говорится в народной поговорке. Видимо, раньше такое случалось нередко. Но не умея раскрыть объективную причину появления такого уродца, в старину люди объясняли это вмешательством сверхъестественных сил: якобы они выкрадывали человеческого ребенка, а вместо него подсовывали своего. Наличие зубов, по древним верованиям коми, является обязательным для колдуна (в противном случае его колдовство якобы не будет иметь силы), то же самое и для ребенка — появление зубов считается гарантией якобы и от сглаза, и от порчи, и от подмены.

126. **Черн бѳжа ныв** (Девушка с рыбьим хвостом). Записано в 1976 г. от Ю.А.Поповой, Сыктывкар.

Быличка. Рассказы о русалках для коми (фольклора мало характерны. Мотив завораживающей песни, услышав которую теряют рассудок молодые люди, использовал из германской мифологии великий немецкий поэт Г.Гейне в своем стихотворении «Loge-Loge», оно было им написано в 1823 г. и «сюжетом для него послужила легенда о водяной нимфе Рэйна — Лорелее» (Г.Гейне. Избранные произведения. М., 1956, т. 1, с. 651).

127—128. **Ва олысьяслѳн мѳс** (Корова водяных). **Ва олысьяслѳн вѳвьяс** (Лошади водяных). Записано в 1976 г. от И.В.Турковой (64 года), Прилузский р-н, с. Летка.

Былички. В хозяйстве водяных имеются свои стада коров и лошадей, по ночам они выходят из озера на берег пастись; узнать их можно по тому, что, шагая по траве, они даже росинки не стряхнут; по поверью, таким животным можно завладеть. Водяные считают себя выше человека и называют его своим рабом. **Коймѳд войнас старука волас да ѳткажитас** (На третью ночь приходила старуха и отказала) — т.е. приходила знахарка и отвадила водяных.

129. **Мельнича кутысь** (Останавливающий мельницу). Записано в 1976 г. от Д.В.Мусановой, Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка о хозяевах мельничных прудов и мельниц. В южных районах коми прочно удерживается поверье, что мельник должен регулярно выплачивать откуп водяным за работу мельницы. При этом мельник откупается либо вином, либо обещает им кровавую жертву (это может быть лошадь, человек и т.п.). Так мельником якобы была обещана тетка информанта (жена брата отца), и те не замедлили принять эту жертву. **Вартѳдас карѳдзыс** (Поскакал до города) — имеется в виду г. Мураши (Кировская область). **Тайѳ Валясьыс кузьджык вѳлі** (Вот этой Вали выше она была) — Валя — студентка СГУ, участница экспедиции, присутствовавшая во время рассказа.

130. «**Пöжасим по пöръясим**» («Занимались выщечкой — обманывали»). Записано в 1977 г. от А.Д.Лобановой (84 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Быличка. Духи, обитающие в мельнице, все время якобы плясали и пели. Через некоторое время мельницу снесло.

131. **Пермакъясö корны** (В Край пермяков за милостыней). Записано в 1977 г. от П.П.Ветошкиной (82 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Быличка. В бане, построенной на тропе бубыли (один из персонажей нижней мифологии), постоянно чудится. **Омöлик вöлі да заводъясд ов вермы вöлі ветлыныд** (Был болезненным и на заводы не мог ходить) — отходничество на уральские заводы было, пожалуй, единственной статьёй заработка для коми крестьян. **Гажтöм пывсяныс (букв. — неселая баня-то)** — т.е. в бане постоянно чудится, там обитает нечистый дух. **Чудь моз полö** (Как чудь же боязлива) — в данном случае чудь — это пугливое, всего боищееся существо.

132. **Гуренька йылысь** (О баннике). Записано Н.Д.Бараксановой в 1978 г. от А.И.Рочевой (54 года), Ижемский р-н, с. Киписво. Оглавление собирателя.

Былички о баннике. **Гуренька** — дух бани, хозяйка горенки, одежда ее точно соответствует костюму коми-ижемки. **Мый нö, чöл овалы, тайö гöстя вонс да сійöс колö кутны** (Ну-ка перестань, вот гостя пришла и ее надо поймать) — мотив «нечистый дух успокаивает своего плачущего ребенка тем, что «вот пришел человек, его поймаем...» известен мансийскому фольклору (MSFOu, 101, S. 192–194). «Я же сказала тебе сейчас, не плачь, сынок! Видишь! Жирный глаз, жирный язык человеческий сам сюда пришел». — Сказала менкв-старуха своему плачущему сыну, когда в их дом вошел человек, герой легенды.

133. **Шупöдчöм** (Подсушка хлебов в овине). Записано в 1976 г. от И.В.Вахниной (74 года), Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка. **Макар базаруйтiмö** (букв. — Макара побазарили) — по-праздновали, повеселились. **Печище** — название деревеньки, части села Летки.

134. **Бубыляысь пышйöм** (Бегство от бубыли). Записано в 1977 г. от А.Д.Лобановой (84 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Быличка. **Бубыля** — домовый.

135. **Еретникъяс** (Еретики). Записано в 1977 г. от Г.И.Чувьорова (72 года), Усть-Куломский р-н, с. Деревянск.

Быличка. Колдуна, чтобы он не наслал порчу, «обманывали»: проходила мимо него или мимо его дома, делали вид, что уже имеют какой-то недостаток. **Еретник** — колдун.

136. **Пищаль портитöм** (Порча ружья). Записано в 1977 г. от А.И.Ветошкиной (75 лет), Корткеросский р-н, с. Керос.

Быличка. Случай, имевший якобы место в Керосе на самом деле, любит рассказывать жители села, добавляя при этом новые подробности. Вот, например, как эту историю рассказал С.Е.Панюков (55 лет). «Это я от пожилых мужиков слышал. Кире Степан был большим любителем пести стаявить и белок стрелять. Однажды он встретился с Проке Иге (Иппатом Прокопьевичем) в охотничьей избушке и они поспорили меж собой. Проке Иге пришлось уйти из избушки. Но уходя он сказал: попомни, Степан Кириллович, ты не будешь больше охотиться! И точно. Один день вышел на охоту, другой, третий. Выстрелит — белка не падает с дерева. А из ствола ружья только желтая вода каплет. Так и пришлось ему повесить ружье. И совсем перестал охотиться».

137. **Öврам Иван** (Иван Аврамович). Записано в 1977 г. от В.И. Улищева (72 года), Усть-Куломский р-н. с. Керчомья.

Рассказ об охоте на зайцев с помощью капканов, ям-ловушек и... заговоров. Интересно, что информант относится весьма скептически ко всякого рода рассказам о сверхъестественных существах, но однако не сомневается, что его бывший свояк обладал колдовскими чарами. Другой информант, также житель Керчомьи Н.П.Булышев, приписывает Ивану Аврамовичу еще большие колдовские способности: «Зайцев он ловил. В одну заячью яму сразу по девять зайцев попадало. Другой человек ловит, да ему по одному, по два зайца попадают, а ему сразу по 9 штук. И могут они выпрыгнуть, да не прыгнут. Вот он какой был человек». Многочисленные рассказы о нем и о «силе» его волшебства, записанные нами от разного возраста жителей Керчомьи убедительно подтверждают, что образ этого керчомского колдуна приобрел в местной традиции чисто фольклорные черты.

138. **Вый вошõм** (Пропажа масла). Записано в 1978 г. от Е.А. Михайловой, Корткеросский р-н, с. Нившера.

Быличка о знахаре, наказавшем охотника за его воровство.

139. **Ёгор Сава** (Савватий Егорович). Паспортные данные см. № 138.

Быличка. Знахарь-охотник имеет в лесу своих помощников — леших. **Арся вөрõ мунõмайõс вõрасьны** (В осенний лес пошли охотиться) — т.е. на осеннюю охоту вышли. **Кунм кытш чõвт** (Три круга брось) — т.е. начерти три круга. **Веськыдывыв чõвт** (На правую сторону брось) — т.е. начерти круг по солнцу. О значении замкнутого круга в защите от злых духов в фольклоре карел см. Левонен Н.А. О древних магических оберегах. — В сб.: «Фольклор и этнография». Л., 1977, с. 73—81.

140. **Покойниклõн петкõдчõм** (Появление покойника). Записано в 1976 г. от Д.В.Мусановой, Прилузский р-н, с. Летка.

Быличка. **Сйõн и мыгчысис рõдительыс** (Поэтому и появился родитель); родитель — покойник.

141. **Вõв подков** (Лошадиная подкова). Записано Е.В.Козловой в 1978 г. от А.П.Костроминной (67 лет), Усть-Вымский р-н, дер. Лыаты.

Быличка. По представлениям коми, перед смертью какого-либо человека его родственникам является двойник этого человека и «извещает» о несчастье. **Кöзяйка öдвакö мян ловъя кокön волас** (Хозяйка паша едва ли уж явится сюда живой) — букв. — едва ли на живых ногах когда-либо явится.

142. **Чёрсён кучкалём шы** (Звук от ударов веретеном). Записано Е.В.Козловой в 1978 г. от О.И.Козловой (60 лет), Усть-Вымский р-н, дер. Лыаты.

Быличка об орте — двойнике человека.

143. **Крöватьь улын тотшкöдчём** (Стук под кроватью). Записано Е.В.Козловой в 1978 г. от А.К.Козловой (49 лет), Усть-Вымский р-н, дер. Лыаты.

Быличка об орте.

144. **Варыш керкаын** (Ястреб в доме). Записано Е. В. Козловой в 1978 г. от Х.А.Козловой (64 года), Усть-Вымский р-н, дер. Лыаты.

Быличка об урес — предвестнике несчастья. **Цата** — сокращенное имя от Фелицата.

145. **Вёрса зверь керкаын** (В доме лесной зверь). Записано Е.В. Козловой в 1978 г. от А.К.Козловой, Усть-Вымский р-н, дер. Лыаты.

Быличка об урес — предвестнике радостного события.

146. **Орд чеплялö** (Орт щиплет). Записано в 1977 г. от П.П.Ветошкиной (82 года), Корткеросский р-н, дер. Эжол.

Быличка об орте — предвестнике несчастий.

147. **Пасьтём гöна морт** (Нагой мохнатый человек). Записано в 1979 г. от В.Н.Консва (41 год), Тюменская область, Шурышкарский р-н, пос. Васяхово.

Рассказ о встрече с лесным человеком, по форме близкий к быличкам о леших, но, в отличие от быличек, персонажем его является не мифологическое, а якобы вполне реальное существо, напоминающее по описанию снежного человека. Информант из с. Мужы П.И.Чупров (44 года) также подтверждает существование лесного человека.

«Это видел один хант из пос. Васяхово. Он даже дважды их видел. Он однажды был в Яраскагорте. Вдруг собаки подняли такой лай, прямо захлебываются. Смотрит: из лесу вышли двое. Высокие такие. Голые. А шерсть, как у медведя, только короче, гладкая шерсть. Немножко ближе они стали, и его собака хвост поджала, к хозяину под ноги лезет. Ну, они ничего ему не сделали, а повернулись и снова в лес ушли. Я слышал о таких людях, что видят их, об этом еще в журнале «Вокруг света» писали, но сам не видел, не встречал».

Таких людей ханты называют — куль (черт). Вот еще один рассказ П.И.Чупрова, в котором «лесной человек» наделен некоторыми чертами сверхъестественного существа. «А куля ни разу я не встречал. Ни разу мне не попадались. Рассказывают только, что они девушек воруют. А собаке

как трахнет — и сразу нет ее. Они мохнатые, шерсть, как у медведя. Возле Васяхово их встречали люди.

А Василий Петрович рассказывал. Еду, говорит, по Оби. Возле поскотины проехал, из-за поворота выехал к Сергушке, а там Каменный мыс. А там на мысу-то очень сильное течение. Я, говорит, еду на калданке в Мужы и стал проезжать мимо Каменного мыса, а из сойма вышли два человека, что-то говорят между собой, но не поймешь о чем. Я гребу что есть силы, а моя лодка стоит на месте, и гребу, и течение должно нести, а лодка стоит, не движется.

Потом они немножко прошли и опять зашли в лес. Они в лес зашли, и лодка моя поехала».

Известие об убийстве «снежного человека» в районе Березово (Тюменская обл.), см. «Северные архивы». Ежегодник Тобольского Губ. музея, т. XVII, 1897, с. 7—13.

ЮРИНДАЛЫСЬ – СОДЕРЖАНИЕ

Веньö Яркö Юрö из Зауралья	5
Введение	16
Чуд йылысь преданиея	29
Предания о чули	29
Ён да тöдысь йöз йылысь висьтьяс	55
Предания о местных силачах и знахарях	55
Вöралöмкöд йитчöм висьтьяс	115
Охотничьи рассказы	115
Пемöсьясöс да быдмөгъясöс вежавидзöм йылысь висьтьяс	123
Рассказы, связанные с почитанием животных и растений	123
Вөр-ва да сэнi олысьяслөн артмöм йылысь висьтьяс	145
Рассказы этиологического характера	145
Эскытöм «вöвлöмторъяс»	161
Мифологические легенды	161
Комментарии	202

Литературно-художественное издание

КОМИ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

На коми и русском языках

Составитель Ю.Г.Ронев
Художник В.Б.Осипов

Редактор В.И.Трошева. Художественный редактор В.Б.Осипов.
Корректоры: Т.И.Форофентова, Н.М.Баратова

Подписано к печати 21.08.2006. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура
«Копи Асадепу». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,35. Уч.изд. л. 14,5. Тираж: 1000 экз.
Заказ № 1549.

Коми книжное издательство.
167982, Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229

Отпечатано в КОГУП «Кировская областная типография».
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4. Т/ф.: (8332) 32-28-46
E-mail: otkryt@kot.kirov.ru.

Юрий Герасимович Рочев (1936–1995) – старший научный сотрудник отдела фольклора Института языка, литературы и истории УрО РАН, кандидат филологических наук, крупный специалист по детскому фольклору и литературе, устному народному творчеству и литературоведению коми. Юрий Герасимович участвовал в написании трехтомного свода «Коми народные песни» (1966, 1968, 1971 гг.), трех томов «Истории коми литературы» (1980 г.). Совместно с В.И.Лыткиным подготовил к изданию художественные произведения И.А.Куратова. Начиная с 1960-х годов неоднократно участвовал в фольклорных экспедициях, значительно пополнил и расширил знания по устному народному творчеству коми полевым материалом, имеющим большую научную ценность. Опубликовал свыше 80 научных и научно-популярных работ.